

ВЛАДИМИР
Левин

КОМИЧЕСКАЯ
А Т А К

А

из смехотеченне
первых лет

Доверительные Разговоры

Оглавление

I Трудности страны Несмеянии	3
II Скважина имени Чехова	19
III Хохотунчики или Комическая Атака	37
IV В чем вред порнографии? <i>раблетки для хохотерапии</i>	57
V Подвиг Дуракла	71
VI Что такое ДРЫ? <i>Экзамен по юмору. Интерактивные анекдоты</i>	85
VII В начале был смех <i>интервьюЮ с Доктором Ю</i>	95
VIII Хламистика, или дружеский фарш <i>из записных книжек доктора Ю</i>	161
IX Конкретная Гурология <i>творческие изъяснения Ивана Халявина</i>	199
X Звериная галерея	229
XI Двоюродный близнец, или Хармсятина	273
XII Духоподъемник Торобоан	285
Ответы на анекдоты и перевертыши	302
XIII Просто так <i>Двадцать веселых песенок и одна просто песня</i>	307

ТЫ И Я
земля укрытая небом

моей жене, соавтору этой книги...

ТРУДНОСТИ СТРАНЫ НЕСМЕЯНИИ

*Желание писать о смешном свидетельствует о том, что
чувство юмора у вас утрачено безвозвратно.*

Бернард Шоу

Серьезный писатель, доктор, психиатр и психолог, психотерапевт всяя Руси, в летах вроде бы, а навалил такое...

Оправдываться не буду. Что я человек нормальный, все равно не поверят, да и не настаиваю. А что со временем веселею, примут за результат воздействия профессиональной вредности и будут отчасти правы.

Мама рассказывала, что первые два с лишком года жизни плакать ее сын не умел, при недовольстве и боли только кряхтел; смеялся без передыху, обращался из коляски к прохожим с речами на заливайском языке.

Если сейчас попытаться перевести эти обращения на язык человеческий, то суть выразится в двух словах: *жить смешно*. Вокруг образовывалась зона отдыха от жизни. «Юморист будет, — определил пожилой дворник. — Чарли Чаплин, артист. Вишь, счастливчик...»

это я, мне семь месяцев

Потом война... В эвакопоезде под бомбежкой получил серьезный ожог, после этого стал ребенком внешне ершистым, иногда озорным, хулиганистым, но внутренне печальным, тоскливым даже, хотя в то же время и по-прежнему идиотски жизнерадостным. Для таких людей — в глубине, детски таких — в основном и пишу. И говорю вам, друзья мои милые: читая сие, ни в коем случае

СМЕЯТЬСЯ НЕ НАДО!

Хамка-жизнь. Узнаете?

Услышали?.. Повторяю: не надо. Всего лишь можно. Если захочется. А не захочется — ничего страшного. Значит, вам сейчас лучше просто жить. Не смеясь почитать и пожить, позволить себе это — пока так...

Какими бывают они, несмеянцы

Разными бывают причины, по которым человек оказывается в стране Несмеянии, на планете Несмеяне, в мире бессмешия, где главный жизненный постулат, главная предпосылка существования состоит в том, что *жить не смешно*.

Горе, беда, несчастье. Страдания, ужасы, пережитые недавно или давно. Неотступная душевная боль. Гнетущие воспоминания.

Придавленность тяжкими житейскими обстоятельствами. Стягивающиеся петли обязанностей и долгов. Угрозы, реальные и серьезные, — угрозы благополучию, здоровью и жизни, своей и близких.

Болезнь телесная, изнуриловка — не до смеха... Болезнь душевная, смех отнимающая. Депрессия: одно из ее частых отличительных свойств — подавление смехового и игрового начал в человеке, одностороннее безмерное осерьезивание всего и вся, потеря вкуса к веселому и забавному, к шутке. Жизнь тяжела и ужасна, мрачна и абсурдна, так было всегда и так будет вечно и беспросветно — это вот *ощущение*, переходящее в *убеждение*. Тучи рассеются, минует депрессия, душа отогреется, осветлится — вернется смех, и тогда будет, наоборот, непонятно, как можно было не радоваться тому, что хорошо, не смеяться над тем, что смешно...

Перечислив эти возможные основные причины бессмешия-несмеянства, особо замечу, что ни одна из них не является однозначно-обязательной. И наитяжелейшая депрессия, и наипугающее горе с невыносимой душевной болью не лишают некоторых людей способности шутить и смеяться, а у иных даже выявляют и обостряют эту способность. Решающее слово тут, как и во всем, имеет характер.

Характер, вот-вот. Есть и несмеянский характер. Имеется для него и научно-психологическое обозначение: *агеласт* (от греческого) — человек не смеющийся.

Несмеянцы характера, агеласты, при ближайшем рассмотрении оказываются людьми очень разными.

Есть среди них надуты самолюбивые, самоутверждающиеся дураки, непрестанно громоздящие вверх, как сизифов камень, свою интеллектуальную самооценку. Нагрузка немалая, не до смеха им.

Есть антиюморные личности посредственного, а изредка даже и незаурядного ума, которым мешает смеяться недоверие к жизни, раздражительное недоверие. Любой смех вызывает напряженную подозрительность и неприятие, переходящее в агрессивность. Всякий юмор воспринимается как личное оскорбление и/или оскорбление святыни: кощунство, цинизм, пошлость — каких только ярлыков не навесят. Оценоч-

ники-нормативщики, всем ставят отметки, всех учат и наставляют — как надо жить, говорить, писать и дышать, а главное, как не надо.

Себя самих такие субъекты обычно считают обладателями юмора высшего класса. Некоторым удаются издевательские насмешки, сарказмы, убийственная ядовитость. Другие, как танки, только тупят и давят. Воинствующе-несмеянская часть населения имеется в каждой стране, представлена в каждой школе и каждом классе, в каждом жилом доме, среди читателей каждой книги и посетителей каждого интернет-сайта. В семьях, по крайней мере в России, сколько я мог наблюдать — экземпляры попадают примерно через одну-две. Один агрессивный несмеянец в сколь угодно веселой компании вполне в состоянии испортить любой праздник, а если очень понадобится, то и жизнь.

Есть и умные, и добрые люди, которые не смеются. Глубокие, тонкие, интеллигентные, всепонимающие — но... *Жить не смешно*, вот и все. Ни Франсуа Рабле, ни Марк Твен, ни Зощенко, ни бравый солдат Швейк, ни Остап Бендер — ни смеха, ни тени улыбки... Мультфильмы, кинокомедии, цирк — ничего забавного, смеяться не хочется — или хочется, да не можется.

Среди таких несмеянцев можно различить, по крайней мере, четыре основных типажа, и у каждого сдвиг в свою сторону.

Один сдвиг — в тревожность. *Жить не смешно*, потому что жить страшно, опасно жить. И смеяться опасно: смех расслабляет. Такие люди не агрессивны, но постоянно внутренне напряжены, и это напряжение может исподволь подавливать на окружающих. Если смеются, то это выходит очень натужно.

Другой сдвиг, как и у депрессивников, но устойчивый, постоянный — в меланхолическую трагичность мировосприятия. *Жить не смешно*, потому что в мире властвует зло, потому что жизнь — это ад, океан страданий. *Жить не смешно*, потому что мы все умрем, и все, все без исключения великие юмо-

ристы и смехачи либо уже умерли, либо непременно и скоро умрут — что же тут смешного...

Постоянно грустные, печально-тоскливые... Этот типаж, выделившийся в человечестве с незапамятных времен, и послужил, можно думать, исходником для народной сказки о царевне Несмеяне — имя какое правильное — которую никто не мог рассмешить. Несмеяна все горевала и плакала без видимых причин, батюшка-царь ее жалел и поклялся выдать дочь замуж за того, кто сумеет ее вытащить из несмеянства... Было в прежние времена и мужское такое прозвание — Несмеян, видимо, по характеру соответственному, и фамилия от него пошла, довольно распространенная.

Третий сдвиг — в умствование. Прежде эмоциональной реакции на смешное (как, впрочем, и на любое событие окружающей жизни, ежели только не бьет оно прямоком под дых) возникает реакция рассуждательская, объясниловка, и все собой заполняет. Если чуть ковырнуть концептуальные нагромождения, можно обнаружить под ними растерянного ребенка...

Подвид — морализаторский сдвиг. Прежде чем засмеяться, требуется определить: а правильно ли, а нравственно ли, а политкорректно ли это? Не нарушит ли права сексменьшинств, психбольшинств, умслабшинств, нацсокрушинств?.. Чудесные люди эти умники и морализаторы, восхитительные зануды.

Четвертый сдвиг — в... Как бы это сказать... Не в пустоту, нет, но... Не хватает чего-то. Локальный дефицит восприятия, избирательная тупость. Смешная сторона жизни даже при высочайшем интеллекте не распознается, не улавливается, не догоняется. И не потому, что давят какие-то усиленные страхи или повышенный пессимизм. Просто номер не отвечает, реакции нет. Юмор — как для дальтоника красный цвет, как в темноте черная кошка. Вот этих-то людей, только этих, если строго психологически подходить, и можно назвать агеластами, первичными агеластами, а все остальные — вторичные, третичные и так далее.

Как снять ошейник с души

Вопрос ко мне как к врачу-психологу, частый вопрос: как развить в себе чувство юмора, если оно отсутствует?

Совет: «отнестись к его отсутствию с юмором» воспринимается, как правило, безо всякого юмора. Другой — не совет, а как бы наводка на суть, и не только для несмеянцев:

*чувство юмора начинается с первой попытки
принять себя не за пуп земли*

тоже не принимается, иного и обижает...

В детстве мы весело смеялись, когда нас подбрасывали и щекотали, когда кто-нибудь прятался, а потом вдруг появлялся. Когда у нас было просто хорошее настроение...

Первый наш смех был беспричинным. Второй — от радости, что не боимся, и это уже был смех над собой. А взрослые вокруг улыбались нам и смеялись, потому что мы вытворяли массу нелепостей. В их смехе не было ничего унижительного. Он и был их счастьем и нашим.

Потом, обнаружив себя выброшенными на рынок жизни, на это базарище, где оценивается все и вся, твоего пупка не исключая, — мы открываем, что смех и радость, смех и счастье, смех и настроение связаны меж собой вовсе не однозначно. Смех, оказывается, делится на хороший и плохой, приличный и неприличный, кощунственный, даже преступный, а смех без причины — признак дурачины. Смех, юмор, веселье, радость, как выясняется, могут быть и оружием, страшным оружием, разящим кого угодно, тебя в том числе...

Ну и самое главное для базара — цена.

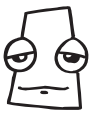
Смех, оказывается, — товар. Вещь. У кого есть, у кого нет. У кого больше, у кого меньше. У кого лучше, у кого хуже. Предмет собственности, обладания — то, чем следует овладеть, обеспечить, оснастить, вооружиться. Мир юмора представляется чем-то вроде комиссионного магазина, где все все оценивают, и главное для любого — не остаться бы в дураках.

Нет, смех — не товар. Смех — это жизнь, сообщающая себе, что она свободна.

На смехорынке мы забываем о своем праве иметь юмор собственного производства. Перестаем сознавать, что хотя юмор и всенародное, что греха таить, достояние, у каждого он свой, личный, особый. А с личного общее все только и начинается: каждый анекдот и любая шутка имеют своего единственного и неповторимого автора.

Сам я, будучи родителем нескольких десятков общеупотребительных анекдотов и кучи хохм, утверждаю уверенно: тот, кто не обнаруживает у себя юмора, просто проходит мимо него, не видя в упор.

А знаете из-за чего?.. Из-за неверия себе. Из-за «надо». Из-за ошейника на душе.

Из-за внутренней несвободы.

Вспоминается один парень-несмеянец, отличный автомеханик, симпатяга, умолявший меня научить его юмору.

— Это страшно, — говорил он. — Вы представляете мое положение. В компанию придешь, всем весело, анекдоты травят и все такое. И все смеются, КОГДА НАДО. А я — понимаете? — Я НЕ ЗНАЮ, КОГДА НАДО СМЕЯТЬСЯ. И не смеюсь. Или смеюсь невпопад.

— И я тоже.

— Э, бросьте, доктор. Вы признанный специалист. Вы-то уж точно знаете, когда НАДО смеяться. Я вас прошу провести со мной смехогенную тренировку.

— Как?..

— Вот берем анекдот (достает толстенную тетрадь). Больше тыщи уже, пять лет собираю... Память у меня хорошая, сила воли есть... А по части юмора отстал. Но еще наверстаем, доктор?.. С гипнозом, а?..

— Наверстаем. Ага. Ну а как?

— Вот. Читаем: «Пришел Василий Иванович. Петька спит на диване...» Точно на этом самом месте, когда НАДО СМЕЯТЬСЯ, вы делаете мне гипнотическое внушение, что ЭТО СМЕШНО. Выработаем рефлекс. А потом...

— Стоп. Одну секунду... Смеяться НЕ НАДО. Нехорошо. Стыдно. Неправильно... НЕ СМЕШНО!! — заорал я, не выдержав.

И он вдруг тоже подпрыгнул. Минут пять мы ржали как сумасшедшие. После чего резко смолкли в приступе обоюдного ужаса.

— Ну... дошло? — спросил я осторожно.

— Не-а, — прошептал он сдавленно, переводя взгляд на пол. — Опять не понял...

Голый портной: хауноу доктора Ю

А вот еще случай из разряда врачебных или почти. Случай несмеяинства, обратный, можно сказать, предыдущему. Для этой нашей книги — находка.

Захаживает ко мне известный юморист Ю, слишком даже известный, по его мнению. Знаем мы друг друга еще со студенчества. Тоже из медиков: был некоторое время врачом-кожником, как Булгаков, после чего, по его же каламбуру (не лучшему), переквалифицировался из дерматологов в дерьмотологи.

Когда приходит, беседуем о жизни, о литературе и творчестве, о политике, о друзьях, о винах, о женщинах... По некоторым медико-психологическим вопросам Ю, как и все мои знакомые, иногда со мною советуется, это естественно.

И вот за рюмкой чая признался, что его давно, очень давно беспокоит, гложет, просто ест поедом проблема одна — шуток не понимает.

Не понимает. Шуток.

Я вскинул брови. Взглянул на Ю: физиономия, как всегда, непроницаемо серьезная. Именно с таким несмеянским видом, без малейшего движения на лице, он всегда выходит и читает на эстраде свои творения, от которых публика заходится в хохоте. С таким же видом, не кланяясь, удаляется, и в этом его убойная фишка...

Ага, началось — я почувствовал содрогания диафрагмы, сотрясения грудной клетки... Великий юморист Ю, блистательный Доктор Ю — шуток не понимает?! Сапожник, да еще какой — без сапог? Голый портной?!

— Именно! — подтвердил Ю. — Не понимаю. Ни чужих, ни своих. НЕ ЧУВСТВУЮ. Практически ни одной!

И таким вдруг больным взглядом на меня посмотрел, что как-то сразу мой хохот подвергся обратному развитию и зажевался.

— Позволь, — я положил ладонь на стол. — Не ты ли, старина, еще сколько там лет назад сводил нас с ума на капустниках?.. Вчера видел на НТВ повтор твоей «Смехотерапии», живот надорвал... А вот... вот свежий выпуск журнала «Бегемотики». Ты, может, забыл...

— Рассказ номер девяносто один?

— Ага, его прочитали уже пятнадцать моих пациентов, из них одиннадцать сразу вылечились, остальные четверо на подходе. На дне рождения моем читал вслух компании — лампочки звенели, стены тряслись, соседи начали по батарее стучать...

— Фффххх... — нервно захрипел Ю. — Да в том-то и дело!

— А?.. В чем... в том?..

Я слегка растерялся, заподозрив у Ю острое душевное расстройство, и постарался сменить нападающий тон на сочувственный. А он продолжал настойчиво и печально:

— Смешить я УМЕЮ. Шутить УМЕЮ. А шуток своих не понимаю. Мне — не смешно!

— Та-а-к... А почему ж ты раньше не...

— Психиатр, сам догадаться мог. Кто самый депрессивный народ на свете? Кто только и размышляет, как бы облегчить существование этого мира своим отбытием в мир иной? Мы, юмористы. Мы, комики. Мне в нежном возрасте на чувство юмора слон наступил. Не умею смеяться, ну нет у меня смеха, и все. Смешили — я каменел. Забавляли — ревел. Щекотали — икал. От анекдотов вообще рвало...

Сделав странноватое движение и махнув безнадежно рукой, Ю продолжил.

— В школе сам был ходячим анекдотом, издевались кому не лень. Лешка Пододеяльников, был у нас такой записной остряк, соберет, бывало, вокруг меня группу охломонов на переменке — и начинает: — «Внимание! Рассказываем анекдот! Смотрим, как Ю смеется!» — и давай какую-нибудь дрянь о Вовочке или о шкафах с любовниками... тут же... всего наизнанку... такой вот цирк...

— Понял, ты агеласт, несмеянец... Бывает... Первая фраза маленького Моцарта была: «Ненавижу музыку», достали его музыкой... Бетховен вообще глухой был... Ну... И как же ты...

— Как вышел из положения?... Лучший способ подавить восстание — возглавить его. Иного выхода не было кроме как самому шутить научиться, острить, народ веселить. Все равно над тобой смеются, так хоть управляй процессом. Вот я и взялся с седьмого класса природу юмора постигать. Просек, как строится шутка. В кухню вник, во все ноухау и хауноу — как хохмы, остроты, приколы варятся, из каких компонентов, и почему от них делается весело и смешно. Юморология — составная часть зоопсихологии...

— Так, — решил я для верности дружески разозлиться, подумывая уже о диагнозе. — Юмор парнокопытных. Шутки членистоногих. Приехал меня дурачить?

— Наоборот, дорогой коллега. Дурачил, а теперь раздурачиваю, — грустно произнес Ю и медленно вытащил из-за пазухи пару смятых листков бумаги. — Можешь прочесть.

Я уставился в листки. Мелкий, зазубренный, какой-то крысиный почерк, поди разбери... Кое-что подчеркнутое удалось прочитать:

ЭФФЕКТ НЕОЖИДАННОСТИ

ПАРОДИЗАЦИЯ: законы кривозеркала

АБСУРДИЗАЦИЯ: доведение до нелепости

СПАДАЮЩИЕ ШТАНЫ: принцип снижения...

ШТАНЫ НА ГОЛОВЕ: ложное возвышение

— Я тебе это оставляю, — процедил Ю, видя мои затруднения. — Конспект азов, осилит и пятиклассник. Дома в сейфе лежит единственный экземпляр много-томного труда жизни: «Энциклопедия смеховедения». Один список литературы — на огромный том: и всемирный юмор, и море исследований и трактатов, с ума сойти можно от скуки... Да, перед тобой человек, изучивший юмор вдоль и поперек. И теоретик, и практик, кажется, недурной. Да что толку.

Мрачно уставился в пол. Мне показалось даже, вот-вот заплачет.

— М-да... Похвально, — сник я, чувствуя, что помогать надо, а как... — Опубликовать эту... смехоэнциклопедию... не хотел бы?

— Что?! — вскинулся Ю. — Только по завещанию. Через триста лет после моей смерти.

— Но почему?!

— Я что, похож на самоубийцу? Или убийцу? Подтверждать правоту Бернарда Шоу собственным примером? И так подтверждаю, но чего ради рубить сук, на котором сидишь? Лишать себя и собратьев по ремеслу куска хлеба?.. Через два года после опубликования моего гротескного юмор умрет. Кома комедии. Смерть смеха. Конец искусства.

— Ну как так — конец?.. Понятно: когда фокусник раскрывает секреты фокусов, смотреть их уже не интересно. Но что-то ведь остается...

— Пошлость останется. Пошлость бессмертна. Пошлость переживет человека.

— Возможно, кто-то из нас не прав, — применил я домашнюю заготовку для сложных случаев. — Может,

Доктор Ю в описываемый момент

все же слегка просветишь меня устно, из первых рук, так сказать, — откуда у юмора ноги растут?

— Оттуда же, откуда у человека.

Как врач, знающий анатомию, я сообразил — откуда, получилось неприлично.

— Все виды юмора: шутки, остроты, ирония, стеб и прочее суть лекарства, изготавливаемые из Жизни, — вяло продолжал Ю. — Одни берутся прямо из сырья, из натуры, как цветы и плоды, и особой обработки не требуют. Другие нуждаются в процедурах извлечения, очищения, обогащения, как при изготовлении препаратов. Третьи делаются искусственно, синтезируются — придумываются, сочиняются.

После небольшой паузы Ю заговорил снова, уже вдохновенно.

— В каждом мгновении бытия, в каждой жизненной ситуации, каждом положении, самые трагические не исключая, какими-то пока неизвестными нам силами заложен заведомый комизм. Его можно почувствовать, этот юмор бытия. Можно увидеть. Услышать можно. Учуять... А тем бедолагам, у кого смехочувствия совсем нету, как у меня, остается пользоваться умом.

— Другим, грубо говоря, мозговым полушарием?.. Лобными долями по преимуществу?

— Ну вот-вот. Мобилизуй интеллектуальный ресурс. Посмотри на ситуацию сбоку, снизу, сзади, глазами ребенка, глазами идиота, глазами собаки. Поверни мысленно так, эдак, встряхни, растолки, разотри, надуй, как воздушный шарик... Юмор, присущий жизни, комизм всяческого бытия — можно проявить, выявить — как раствор с химическими реактивами выявляет изображение на негативе...

— Кажется, доходит... А тебя-то что мучает, в чем проблема?

— Чем веселее шучу, тем грустнее жить. Этот чертов мозг исчерпывающе усвоил все способы построения шуток, острот, приколов... Они уже давно сами, без моего участия, автоматически вылетают из меня по сто пятьдесят на дню... Если рядом кто-то — знакомый ли, незнакомый, старик или девушка, — уверяет, что в моем обществе проводит самые счастливые мгновения жизни, что все проблемы разрешимы, все болезни излечиваются... Им-то хорошо, а мне каково?.. Пень пнем сидишь, и всем весело, кроме тебя, все чудесно себя чувствуют, всем, кроме себя, ты желанен... Так меня пригласили на телевидение. Так предложили вести страницы в журналах Cruto и Super. Таким способом женился на кинозвезде, потом на фотомодели, потом на другой, потом...

— Ты вполне успешен, — перебил я, так ничего и не понимая.

— Не петришь ты ни хрена, дорогой коллега, — пронищательно схамил Ю, он это умеет. — Юмор мой вто-

росортен. Нет, третьесортен. Юмор мой низкопробен и примитивен. А самое главное — непонятно, зачем он нужен и зачем нужен я. И всякий раз, когда зал грохочет от смеха, когда еще одна милая особа объясняется мне в любви, когда друзья плачут от того, что уже не могут смеяться, я вопрошаю: «За какие грехи, Боже, ты поселил меня в зоопарке?»

Я искоса посмотрел на Ю, не зная, обижаться или сочувствовать, а в его взгляде мелькнула шальная искра... Никогда не поймешь, шутит он или говорит всерьез.

О беспорядке чтения

С великим несмеянцем Доктором Ю мы встречались еще не раз; кое-что из наших бесед и текстов из его творческой лаборатории вошло в эту книгу.

А сейчас — маленькое пояснение о порядке чтения. Говоря точнее, о беспорядке.

В отличие от предыдущих моих книг эту можно читать как попало. Можно с первой страницы до последней, а можно и задом наперед или сикось-накось, открыв наугад, ткнувшись в любую строку, вперескок. Кому трудно читать тексты длинней полстраницы, могу подсказать, где тут можно побродить взглядом, особо не утруждаясь: главы четвертая, шестая, восьмая, одиннадцатая и омузыкаленная тринадцатая.

Про юмор лучше вообще забудем, давайте просто отдыхать, а? — и будем считать это произведение книгой для отдыха от чтения. От юмора в том числе. Как сказал тот же Ю, усиливаться каждой страницей и строчкой смешить, веселить, развлекать — хуже, чем поить неразбавленным спиртом: скорее всего, вырвет, не сразу, так через полчаса. Дозировка и разведение — основа искусства питейного, кулинарного, литературного, врачебного, воспитательского, любовного и всякого прочего.

Да, кстати, — этот вот человечек — он тоже я. Мой автошаржик, однажды нечаянно нарисованный для одной доброй знакомой.

Люди добрые говорят, что Левишка этот больше похож на меня, чем я сам. Как-то он прижился и в моих книгах, так пусть уж и живет и дальше... Будем считать его личным психотерапевтом автора.

И заодно — виньеткой, представляющей главы книги.

СКВАЖИНА ИМЕНИ ЧЕХОВА

о связи медицины, литературы
и юмора кое-что

Храню его, это реликвия, и не только моя... Письмо, мелким шрифтом напечатанное на машинке «Колибри» в далеком семьдесят четвертом, когда и не помышлял, что доживу до годов сегодняшних... Привожу полностью.

Уважаемый Владимир Львович!

Писать о себе, значит, уподобиться Вашему дачному петуху, который наивно полагает, что солнце каждое утро всходит только для того, чтобы послушать, как он поет.

Но у меня есть смягчающие обстоятельства.

Я только что прочитал Вашу вторую книгу «Я и мы».

Придется начать с сентенции...

Ни один врач сам себя не лечит.

Будь он хоть кандидатом медицинских наук, доктором тех же пресловутых знаний, членом-корреспондентом любой Академии или просто членом того же Высокого учреждения, лауреатом какой-либо или, паче чаяния, Нобелевской премии, почетным деканом Оксфорда, или не менее досточтимым проректором Кембриджа, почитаемым магистром Гарварда или достопочтенным мэтром Йэльска, многоуважаемым приват-доцентом Принстона, профессором Колумбийского Университета, распрознаменитым светилом медицины семи пядей во лбу, — все равно он себя не лечит.

И врач вызывает врача.

Се ля ви!

Ита вита!

Казалось бы, уж кто-кто, а он-то хорошо себя знает. Всю жизнь прожил наедине со своим пульсом. Вроде бы более близкого ему человека, чем он сам, — как и у каждого из нас — у него нет, и всякое маломальское ощущение пред-

вестника болезни у самого себя он распознает гораздо лучше, нежели у другого, пусть даже очень родного человека.

Вот именно поэтому, что уж кого-кого, а себя-то он хорошо знает, — ни один врач сам себя не лечит.

Он боится быть пристрастным. Ибо все ощущения, какие мы способны чувствовать в себе, мы их воспринимаем иначе, другими, чем они есть на самом деле. Так, например, свой собственный голос мы слышим не таким, каким воспринимают его окружающие. Слушаешь себя — вот это да! А запишешь на пленку, прокрутишь ее — и... о, боже! Ничего общего! Хоть святых выноси!

Поэтому врач и вызывает врача, знахарь — знахаря, шаман — шамана, академик — академика, жрец — жреца.

Так было, так будет!

Поэтому разрешите мне быть Вашим врачом.

Итак, ставлю диагноз.

Вы горите на работе. Вас не надолго хватит. Бросьте Ваших психов и переходите на литературную деятельность. У Вас к этому — все данные. Так сделал врач Чехов, так сделал врач Вересаев и т.д., и т.п., унд зо вайтер, энд со он, со форт, энси де сюит, тутти кванти, эт цетера.

И пора вступать в Союз Писателей.

Вы — человек не только талантливый, но и умный. Не надо разбрасываться. Дуйте в литературу. Ведь как говорят французы, ту пасс, ту лясс, ту касс, что в переводе означает, как уверяет Райкин, «Ученье — свет, а не ученых тьма». Или, если перевести на язык Библии — Все проходит! Воленс-ноленс, а Вы все равно уйдете в литературу. Так лучше это сделать раньше, чем позже. Ибо, как сказал Марк Аврелий: «Как Иппократ больных ни лечил, — однако сам потом от болезни умер». («Житие и дела Марка Аврелия Антонина цезаря римского, а притом собственные и премудрыя ево рассуждения о себе самом». Издание 1738 года).

Этого я и опасюсь.

Ведь с кем поведешься. Особенно с психами.

Обычно такие больные действуют врачам на нервы. Что-то где-то я читал об этом. Не помню. После сталинградской контузии у меня в памяти появились «белые пятна». А может быть, это проклюнулся склероз. И если это случится, будет очень жаль, ибо Вы много знаете.

Вас начинают обкрадывать даже при жизни. Например, И. Губерман спер у Вас о грибе теонанакатл («Чудеса и трагедии черного ящика», стр. 207). Но он сделал вид, что сам до этого докумекал и поэтому изменил транскрипцию фамилию монаха. У Вас он — Сахагун, а у него — Саагун. Сделал он это и с американцем. У Вас — Уэссон, а у него — Вессон.

Кстати, я тоже сопру эту цитату, ибо намерен написать книженку «Все о грибах». Если Вам нужно, то я могу подкинуть Вам безвозмездно о грибах из литературы Древнего Рима. Например, император Клавдий был отравлен грибами, которые ему приготовила жена лично. Почему я предлагаю это вам? Мне уже 70 лет. За 50 лет сознательного (то есть — с красным карандашом) чтения у меня в записных книжках накопилось много всякой всячины, и будет очень жаль, что все это канет в Лету, когда я дам дуба.

P.S. Извините, что в моем письме есть ошибки. Я их править не буду. Некогда. А потом я, имея ТРИ высших образования, могу позволить себе писать малограмотно. Правда, третье мое образование энциклопедическое. То есть я прочитал все русские энциклопедии, начиная с Плюшара.

А почему бы и нет? Если малограмотный дед Щукарь читал энциклопедию, то мне — и Бог велел.

Жду Вашу следующую книгу.

ПлаЗменный привет!

11 января 1974 года.

В. Борахвостов

Москва, А — 315, Амбулаторный, 1, кв. 195.
Василий Никитич.

Человек с забавной фамилией Борахвостов славен был в московских писательских кругах и за их пределами фантастической эрудицией, знанием людей, природы и книг, оригинальностью суждений, щедрой душевной теплотой, озорным юмором, прозорливостью. Человек-Знаток, Книгочеловек. Фронтовик. Был, кроме прочего, великим бильярдистом. Для многих литераторов был живым справочником и наставником.

Свой ответ Василию Никитичу (тоже на «Коллибри», моей) привожу с небольшими купюрами.

*Здравствуйте, прекрасный человек!
Василий Никитич!*

(...) Ваше письмо пришло как друг, в самую нужную минуту, и я все носил его с собой, смаковал... Это письмо пронцательного и озорного сверстника, а ведь вы вроде бы ровно в два раза старше меня (...)

Дорогой Василий Никитич, я мечтаю о встрече с Вами визави, тетатет, антре ну и так далее — а до того времени к Вам, вероятно, заявится некая посланница (...)

...Говорите — обкрадывают?.. Губерман-то что, мы приятели. Случалось, звонил мне и просил по-школьнически: «дай списать», не всерьез, разумеется, таланта у него хватает и своего... А вот некто Пекелис без разрешения взял да и сдул целую книгу и глазом не моргнул. Бездарный грабеж, даже в суд подавать неохота.

Как и Вы, я хочу быть, в конце концов, обворованным до последней ниточки, но красиво, со смыслом и вкусом (...)

Василий Никитич, дорогой, а я Вас знаю еще и другим путем — через Солоухина, который о Вас написал. С самим Солоухиным не знаком, но есть между нами какая-то мистическая связь: приезжаю выступать куда-нибудь — говорят: а до вас был Солоухин. Удиви-

тельно, говорят, что вы трезвый, писатели всегда пьяные выступать приезжают. И совестно мне делается за трезвость мою (...)

Спасибо за добрые и верные Ваши слова. Дай Вам Бог здоровья и бодрости еще долгие годы.

А книжку «Все о грибах» — уж не откажите, а? Я грибник малограмотный, но азартный, и дом в деревне имею, за Костромой, в глухомани — там грибы на деревьях растут, ей-богу! Сам видел — и не какие-нибудь, а подосиновики, на высоте двух с половиной метров, на уступе ствола...

С глубочайшим почтением
Владимир Леви 20 февраля 74

В деревне у своей избы

Доктор Чехов и *humor medicinalis*

*Медицина – моя жена, литература – любовница...
Недурно врачом быть и понимать, о чем пишешь...
Когда-нибудь поймут, что я, ей-богу, хороший медик.*

Антон Чехов

Не послушался я доброго совета Василия Никитича, не дунул в литературу. Верней, дунуть-то дунул, в союз писательский вступил, но психов, употребляя его термин, и разных прочих больных не бросил, не получилось. Условно здоровых тоже не бросил. А себя, мудрому наставлению вопреки, разбросал и разбрасывать продолжаю.

Поддерживает в этом решении и пример, для меня живой... В отношении одного из предшественников, приводимых как образец для моего подражания, Книгочеловек оказался не вполне точен.

Антон Павлович Чехов больных своих тоже не бросил, медицины не оставлял до конца дней. Хотя и дунул в литературу, да еще как.

Да, одновременно с великим писателем Чеховым жил и работал великий врач — доктор Чехов. Но ни памятника этому чудесному доктору нет, ни должного признания трудов и заслуг. Гениальный писатель гениального доктора собой заслонил — вот даже и великий эрудит Борахвостов не заметил его.

Учился я в том же мединституте, что и Антон Павлович; в его времена это был медицинский факультет Московского университета. Будь моя воля, присвоил бы этому институту (он теперь повисился в звании до академии) имя доктора Чехова — не писателя, а именно врача, доктора. Может, когда-то и будет так?..

Однажды нарисовался в голове моей человек, не-
молодой уже, но еще немножко бодрящийся.

Отобразился и на бумаге — вот он:

Некоторое время жил себе молча, потом вдруг ожи-
вился, с соседом заговорил за чайком...

Подслушав разговор, я узнал, что живет этот чело-
век в Москве, в конце 19-го столетия, фамилию носит
анатомо-физиологическую — Печенкин, по роду заня-
тий бухгалтер, конторский служащий, холост. Страдает
распространенной среди лиц сидячих профессий бо-
лезнью, по поводу коей и обратился...

Странный типНоз

бухгалтер Печенкин Никодим Никодимыч —
соседу в дружеском расположении
повествует

Пошел я, значит, однажды к доктору с болячкой своей, неудобно сказать, с геморроем, ну невтерпеж стало, вы понимаете, обострение каждую осень... Пошел к частнику. Приятель рекомендовал — берет, сказал, мало, почти ничего, а вежливый и внимательный. Чехов фамилия, Антон Палыч зовут.

«Не бывает, — говорю, — такого, чтоб брал мало, а лечил хорошо, да еще вежливо». — «А ты сходи, — говорит, — не пожалеешь, сходи, Неходимыч. Геморрой для него семечки, он от всех болезней... Вот адрес».

Любопытно стало, проверить решил, честно скажу, просто проверить, без особых надежд. Прихожу. Домик так себе, небогатый, бумаги да книги, пара картин.

Доктор высок, сутул, одет чисто, с бородкою и в пенсне, покашливает. На лицо знаком вроде, а где видел, не припоминаю. Садиться приглашает. Смотрит спокойно. Говорит тихим басом.

— Что, — спрашивает, — беспокоит вас, милостивый государь, наряду с геморроем, наличие коего очевидно? Вот это да, думаю...

— Геморрой, — говорю, — геморрой именно и беспокоит. Прошу помощи. Отблагодарю.

— Видите ли, — говорит, — милостивый государь, геморрой я не лечу. Сам все опробовал: геморрой не лечится. С геморроем живут. Геморрой обживают. Геморрой взращивают как сад. Геморрой лелеют и холят как капризную, своенравную, но любимую комнатную собачку... Да вот, кстати, и рассказец мой свежий на тему близкую. Пером балуюсь иногда. Изволите ли послушать?

— Изволю. А сколько это стоит будет?

— Нисколько, — смущенно улыбнулся, пенсне уронил, поймал на лету. — Бесплатно.

— Изволю, изволю. Мне лечь, да?

— Можно и лечь. Называется рассказ «Дама с собачкой»...

Взял в руки свои большие листок бумаги, читать начал. А что — хоть убей, не помню — уснул я, не поняв как, гипноз, что ли, он ко мне применил. Видел во сне, извиняюсь, голую дамочку с собакой наперевес, а сам я во-круг дамочки порхаю, как мотылек...

Проснулся как уж лет тридцать не просыпался: легкий, веселый, свежий. Щупаю себя — все на месте, очень даже... И доктор тут же с листочком своим, понимающе улыбается.

— Потихоньку, — басит, — потихоньку вставайте, не торопитесь. Уснули крепко. Может покачивать сперва, а потом хорошо будет. Домой дойдете и поспите еще. Доброго здоровья желаю вам.

До двери проводил, взявши за руку. Теплая у него, я заметил, рука... Домой шел как весу своего не имея, плыл будто в воздухе. В голове мысль мельтешила — смешная, как теперь понимаю, а тогда смешною не показала: а почему б не жениться мне на соседке нашей, что в доме напротив живет и под окном моим каждое утро собачку выгуливает? На Марье Петровне, да-да... И что ж, думаю, что под семьдесят ей, я же тоже не юноша...

После этого посещения основательно полегчало. Не скажу, чтоб совсем, местные ощущения, тоже вам известные, еще иногда беспокоят — ну свечку с красавкой поставишь, пить меньше надо, смешивать избегать, контрастные ванночки с чередой — очень отменно, знаете ли. Но главное, на душе посветлело, а через то и пониже там. Хороший он доктор, Антон Палыч.

Писатель?.. Не читал, нет... А-а... Вспомнил! На спектакле «Вишневый сад» спал замечательно. Это он, стало быть?.. Очень хороший доктор. Внимательный, вежливый.

сновидение бухгалтера Печенкина

Следует ли в дороге пить водку?

В жизни ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имеет одну душу, одну цель.

Антон Чехов

Медицина и литература в одном лице — не правило, но и далеко не исключение, а пожалуй, даже и тяготение к закономерности.

В ряду прочих укажем поэта-провидца доктора Нострадамуса, победителя чумы; лекаря-весельчака, втайне тоскливого, Франсуа Рабле; автора «Коварства и любви» полкового врача Фридриха Шиллера, хирурга и офтальмолога Владимира Даля... Дерматовенеролога Михаила Булгакова, терапевта Викентия Вересаева... И Григорий Горин, и Аркадий Арканов заканчивали чеховский факультет...

Врачевание — скважина сквозь человека и жизнь, скважина нутряная, пупочная. Грех писателю ею не пользоваться, ежели Бог дает, что и делали авторы «Гаргантюа и Патагрюэля», «Записок врача», «Мастера и Маргариты», ну и конечно, «Палаты номер шесть».

Доктор Чехов, поставщик жизненного сырья для писателя Чехова, четверть века трудился, лечил, наблюдал. Прием — до трех тысяч больных ежегодно.

В мирах, открываемых писателем Чеховым, люди болеют, сходят с ума, умирают; вереницей проходят, терпевшая те же невзгоды, и сами врачи — то медики-студенты, то доктора (Рагин, Дымов, Ионыч...)

Видны всюду знания, наблюдения, переживания, мысли доктора Чехова. Но — не он сам, как бы нет его... И реальные больные его остаются за покрывалом тайны. (Если не считать 16-го тома полного собрания сочинений — отчетов земского врача Чехова, подробных и точных).

Лицо Доктора приоткрывается только в письмах — мельком иногда проглядывает из роли, себя исполняющей.

«...рекомендуйте отцу принимать бромистый калий, так как осенью у него бывают головокружения; если будут, то нужно поставить за ухом пъявку...»

(Родным из Сибири. Очень конкретно.)

«От вшей помогает очень многое. Спроси в аптеке про отвар из сабадиллы».

(Рекомендация брату. Тоже конкретно.)

«Вчера пригласил меня к больной жене некий золотопромышленник. Когда я уходил, он сунул мне в руку пачку ассигнаций. Мне стало стыдно, я начал отказываться и сунул деньги назад, говоря, что я сам очень богат; разговаривали долго, убеждая друг друга, и все-таки в конце концов у меня в руке осталось 15 рублей».

(Родным из Сибири.)

Представляете эту сценку?.. Золотопромышленник в небрежно-роскошном домашнем одеянии — холеный, самодовольный, пузатый, с толстыми короткими пальцами — и высокий, худой, сутуловатый, покашливающий Доктор Чехов... Топчутся, препираются, в руки друг дружке суют-пересовывают разваливающуюся пачку деньжищ, несколько бумаг на пол упало, Доктор неловко на одну наступает, наклоняется, пытается поднять и отдать, роняет пенсне, толкает золотопромышленника в живот лбом... И какой же совестливой гордостью обладать надо, чтобы от богача за добрую работу свою (жене, небось, сразу полегчало) денег не брать, а врать, что и сам богат.

«...в дороге водку пить следует...»

(Совет Доктора самому себе. Как бы всерьез.)

Дорога была дальняя и добровольная — на Сахалин. Для исследования положения дел с медициной и всем остальным по пути и на месте. Для врачебной помощи где придется. Для сбора писательского жизненного сырья. Для душевного самолечения (кризис был). Для замены самоубийства, быть может.

Срок жизни Чехова-человека это путешествие сократило.

Срок жизни врача-писателя Чехова — приблизило к бесконечности.

Странно: впервые в жизни пишу эти два слова слитно, всего лишь через черточку.

Две человеческие ипостаси, глядящие друг на дружку без сантиментов, испытующе-иронически, с подозрением... Две должности в мире, могущие и подраться.

Врач без писателя обойдется, пожалуй. Писатель без врача — вряд ли, ежели только не перемахнет в чистый дух, еще не начав писать.

Пафосно, с напуском можно назвать писателя духовным врачом. Поищи-ка такого. И среди самых великих не густо будет. А уж если это, так скажем, духовный хирург — сатирик, мечущий свои напоенные священным ядом правоты стрелы, или прозаик-психологист, широкопроницательный, или поэт-экстремал с садомазохистским уклоном, то анестезийки не жди от него, а напротив. От болевых шоков литературного происхождения не один и не два страдальца мира сего напрямик — в иной. Один гетевский «Вертер» скольких завлек...

доктор Чехов из моего сновидения

Писатель — артист, исполняющий на бумаге любые роли, позволено все кроме скуки. И врача, и больного сыграть может лучше всякого настоящего, все подноготные людские навыволтать, да еще напридумать.

Врачу же только врачом быть позволено, играть только одну эту роль. Скучным быть можно и нужно. Истории болезни пишутся штампованным, сухим как мел языком, от которого сохнут мозги. Пишутся не для больных и не для коллег, ни те, ни другие их не читают. Пишутся для прокуроров. Кошмар всей моей медицинской практики, каждодневная пытка — не мог я ваять эту мертвечину о живых человеках — а ваял все-таки — ведь и Доктор Чехов истории болезней писал, и какие подробные...

Врач — человек отдающийся, человек личный, человек-сейф. Умирает со своими пациентами и их тайнами, которые не вправе без их согласия обнародовать. Сколь ни велик при жизни, уходит в забвение, если только не оставляет после себя достижений, запечатленных в лечебных средствах и в текстах.

Писатель же — человек хищный. Не личный, а публичный, хоть может сидеть в затворе сколько угодно. Только и занят тем, что тайны ворует откуда ни попадя на свою выставку-продажу. И у врача сопрет что плохо лежит, и из собственной пациентской кишки выковырять не постесняется, себя обокрадет догола.

Не только чтобы кормиться и славиться здесь и сейчас.

Чтобы жить — Там и Потом.

Чтобы остаться в Слове.

...Как объяснить, почему с веселушки, с озорного, легонького, пошловатенького иногда юморка, с Антоши Чехонте начал литературное восхождение самый грустный, самый сдержанный и нетерпимый к пошлости русский писатель?..

Шутничок Чехонте появился еще в гимназии, а на публику выскочил, когда заглянул в пупочную скважину студент-медик Чехов. В этот период, думаю мне, Чехонте нужен был Чехову как персональный юморотерапевт, и привередничать по поводу высоты вкуса сего доктора не приходилось. Околоврачебный юмор, за редчайшими исключениями, либо мрачно чернушен и до отпада циничен, либо до рвоты сальен и до поноса пошл,

либо и то, и другое одновременно. Задача его — откровенно психозащитная: выжить в аду, как-то хоть ухватиться за жизнь в окружении боли, уродства, безнадёги и смерти. Попробуй-ка в морге, в анатомичке без юмора — ежели ты только не одарен некрофилией, сразу либо сбежишь к чертовой бабушке, либо сопьешься и опустишься, либо свихнешься и, что уж совсем страшненько, начнешь себя принимать всерьёз.

Чехонтренинг, или Как выдаться из тюбика

В одной из дневниковых записей Юрий Нагибин замечает... Не то слово «замечает» — почти выкрикивает, что Антон Чехов отнюдь не был тем образцом интеллигентности, тем благодетельным идолом нравственной высоты, который из него сооружают биографы и каким вроде бы рисовался сам.

Придется процитировать старшего соседа, любимого чистопрудного земляка:

«...Писали, какой он тонкий, какой деликатный, образец скромности, щедрости, самоотверженности, терпения, выдержки, такта, и все равно ничего не получается. Пожалуй, лишь Бунину что-то удалось (Бунин назвал Чехова тончайшим русским поэтом — В.Л.), хотя и у него Чехов раздражает. И вдруг я понял, что то вина не авторов, а самого Чехова. Он не был по природе своей ни добр, ни мягок, ни щедр, ни кроток, ни даже деликатен (достаточно почитать его жестчайшие письма к жалкому брату). Он искусственно, огромным усилием своей могучей воли, вечным изнурительным надзором за собой делал себя тишайшим, скромнейшим, добрейшим, грациознейшим. Потому так натужно и выглядят все его назойливые самоуничижения. «Толстой первый, Чайковский второй, а я, Чехов, восемьсот семнадцатый». (...) А его неостроумные прозвища, даваемые близким, друзьям, самому себе. Все это должно было изображать ясность, кротость и веселие незамутненного духа, но, будучи насильственным, отыгры-

валось утратой юмора и вкуса. Как неостроумен, почти пошел великий и остроумнейший русский писатель, когда в письмах называет жену «собакой», а себя «сладонотом Тото» и т.д. Его письма к Книппер невыносимо фальшивы. Он ненавидел ее за измены, (...) но продолжал играть свою светлую благородную роль. (...) И какой же злобой прорывался он порой по ничтожнейшим обстоятельствам — вот тут он был искренен. Но литературные богомазы щедро приписывают все проявления его настоящей сложной и страстной натуры тяжелой болезнью. Убежден, что живой Чехов был во сто крат интереснее и привлекательнее во всей своей мути и непростоте елейных писаний мемуаристов.

(Юрий Нагибин. Дневник. Запись от 30 августа 1969г. Изд. АСТ, Москва, 2005, стр. 288-289)

Вот и пациент Юрий Маркович Нагибин проглядел пациента и доктора Антона Павловича Чехова. Не задался вопросом — а ЗАЧЕМ он «огромным усилием своей могучей воли, вечным изнурительным надзором за собой» делал из себя то, что делал, с какой целью и откуда, из какого источника черпал свою колоссальную силу духа.

Что ломиться в открытую дверь — не был Доктор Чехов святым, добрячком не был, а злым, яростным, желчным и преисполненным горечи жесточайшего внутреннего одиночества — был, и с рычащим и воющим одиноким зверем в себе злобно, яростно, желчно и одиноко сражался всю жизнь. При этом и юмор свой гениальный утрачивал иногда, и фальшивил порой, да — но фальшь эта не показушная, не лицедейская, а болезненная, невольная — судорога скрываемого страдания.

Не позировал, не изображал, а старался изо всех сил быть добрее себя. Потому что с потрохами принимал, понимал и жалел других. Потому что и великим врачом будучи, и тяжелым больным, и узником одиночества, и проникновенным психологом, — знал лучше всех, что такое боль, и физическая, и душевная — и тер-

пел ее, терпел свою боль, чтобы не разряжать на людей. Изредка прорывало, да, но...

Вот одна маленькая сценка, по-моему, ключевая для понимания Чехова-человека, Чехова-пациента и Чехова-врача, вместе взятых. Эпизод, увиденный детскими глазами другого гениального Чехова, Михаила, тогда просто Миши, племянника:

«...запечатлелась в моей памяти прогулка с Антоном Павловичем по ялтинской улице. Он, худой, сгорбленный, тихо шел, опираясь на палку. Уличные мальчишки прыгали вокруг него, крича:

— Антошка — чахотка! Антошка — чахотка!

А он, ласково улыбаясь, глядел в землю».

Детская дразнильная жестокость по отношению к несчастным и слабым — дело обычное. В Ялте все знали Чехова в лицо и по имени, знали, что он тяжело болен туберкулезом, кашлял надсадно... Но как все же эти ялтинские пацанята осмеливались так мелкобесовски скакать вокруг великого Доктора, чьих родителей да и кое-кого из них самих, ребяташек, он наверняка знал, лечил и спасал?..

Ответ дает то, что *«он, ласково улыбаясь, глядел в землю».*

...А Юрий Нагибин Чехова полностью реабилитировал. В более поздней дневниковой записи (4 ноября 1982 г.) читаем:

«Интересно решать разные литературные задачи, если ты не пророк, как Достоевский и Л. Толстой, а свободный человек, вроде Чехова. Он почти вровень с ними, но не гнул выи перед идеей, был внутренне божественно свободен. (Подчеркнул я, не удержался. — ВЛ). Только он мог сказать совершенно невероятные для русских литературных титанов слова: вот бы еще водевиль написать хороший, тогда помирать не страшно. Я цитирую по памяти, но за точность мысли ручаюсь. А ведь он уже написал «Мужиков», «В овраге», «Степь», но почему бы не потешить себя самого и добрых людей?»

Вот это да — вот! — дошло, наконец: **внутренне божественно свободен**. При всем при том!..

И потешник-озорник Чехонте не умирал в Чехове никогда, только прятался, развивался по-тихому и мечтал водевиль выдать хороший.

По капле, сказал Антон Павлович, я всю жизнь выдавливал из себя раба. Как прочел, так и застряло во мне это «по капле»... Сидит некто — и давит на себя, давит со всех сторон... Капли выдавливаются, вываливаются... Из какого конкретно места?.. Допустим, из мозга через уши. Из двух сразу — кап, кап... Каждая капля есть капля раба, находящегося, надо полагать, в состоянии жидком?.. В желеобразном?.. В виде томатной пасты?..

Кто останется в некто, когда весь этот раб, капля за каплей, наконец, выдавится? А вдруг не останется никого, ничего?..

Как — ничего? — Кто-то же ведь устроил давилово это, кто-то капли выдавливал — вот он и останется, этот выдавливатель. Сухой, так сказать, остаток.

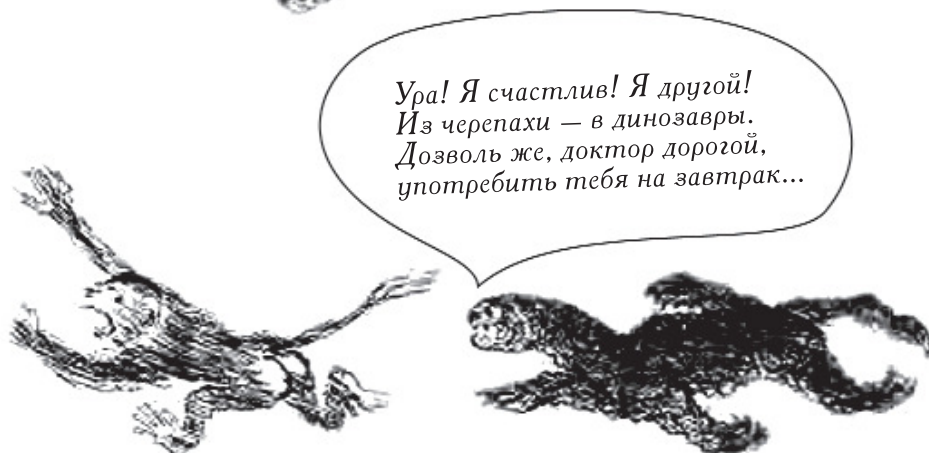
При разработке тренингов внутреннего освобождения придумалось упражнение: выдавливание Себя из тюбика. Из раба выдавливание — а раб в тюбике остается, он тюбик и есть.

Рекомендую попробовать. И пофантазировать на эту тему еще, с конкретными телесными изображениями воображаемых событий и действий.

Можно все это проделывать, например, в ванной комнате, включив воду, под шум льющейся воды. И особенно хорошо, если там есть зеркало, где можно себя видеть. Успокаивает, освежает, освобождает, настроение поднимается.

Сеанс психоанализа

ХОХОТУНЧИКИ, или КОММЧЕСКАЯ АТАКА

*Они не знали, что быть человеческими —
это значит уметь примирять противоположности.*

Михаил Чехов

Маленьким он сиживал на коленях у дяди Антона. Было уютно, весело, но немножко и даже немножко смущался... Ни сном, ни духом не ведалось, что наступит время, когда словосочетание «племянник Чехова» будет приводить его в тихое бешенство. Что за идея фикс — видеть в человеке не его самого, а родственника кого-то, пусть даже этот кто-то архи-знаменит, велик и чудесен. Вот даже и первые слова Станиславского, принявшего Михаила Александровича в свой театр, были:

— Нам очень приятно иметь в театре племянника Антона Павловича.

Причем тут племянник? Чехов — и все, просто Чехов. Михаил Чехов. Актер.

Он был сыном старшего брата Антона Павловича — Александра Чехова, литератора, о котором Антон (со слов Михаила) сказал:

— Александр гораздо способнее меня, но он никогда ничего не сделает из своего таланта — его погубит болезнь.

Антон Павлович, увы, не ошибся. Болезнь у Александра Павловича была душевная: периодические запои на почве тяжелейших депрессий.

Тягу к алкоголю и душевную уязвимость — неуравновешенность, склонность к страхам и меланхолии — унаследовал и Михаил. Унаследовал и общесемейную

одаренность — в своем повороте. Актер от Бога, гениальный актер разнообразнейших амплуа. В дальнейшем — великий театральный педагог и режиссер.

Из беседы с Доктором Ю.

Ю — Юмор передается из поколения в поколение, хотя и далеко не всегда наследуется по прямой линии... У меня в семье никто не смеялся, все только скандалили и ругались по-страшному. Комичность нашей семейной скандалистике я оценил только теперь, когда построил всеобъемлющую теорию идиотизма...

Я (бросив взгляд на книгу Михаила Чехова, принесенную Ю) — Яблоко от яблони не далеко падает — а великий племянник от великого дяди?

Ю — Племянники, правда, часто охотней идут в дядь, чем в отцов. На внешность посмотри: вот молодой Михаил, прибавь бородку и пенсне...

Я — Умора, почти Антон Павлович получается, карикатурный.

Ю — Тут еще и таинственный семейный момент... В книге «Жизнь и встречи» — воспоминание:

«Забрался я однажды в спальню Антона Павловича, когда его не было дома. Над его кроватью висела большая картина, написанная масляными красками братом его, художником Николаем. Картина изображала бедную швею с измученным, усталым лицом, опустившую руки на ко-

лени. То, что она шила, упало на пол. На столе горела маленькая тусклая керосиновая лампа. Худая рубашонка сползла с плеча швеи. В грустном, почти плачущем лице ее я узнал мою мать. Я вышел из спальни, и на меня нашла задумчивость. Когда я подрос, мне рассказали, что Антон Павлович и моя мать любили друг друга. Почему они не женились, осталось для меня неизвестным».

Мать Михаила Наталия Александровна Гольден была гувернанткой детей Александра Чехова от первого брака. Через год после того, как Александр овдовел, она стала его второй женой, и Миша был ее единственным сыном.

Я — Да, тайна присутствует... Дали Чеховы пороку — два гения на одну семью, дядя и племянник, да еще в окружении других талантов в той же семье...

Ю — И оба с равной склонностью к юмору и почти одинаковым его пониманием. Михаил пишет:

«Юмор дает познания, нужные для искусства, и вносит легкость в творческую работу. Юмор же, направленный на самого себя, избавляет человека от слишком большой самовлюбленности и честолюбия. Он научает ценить вещи в себе и вне себя по их истинному достоинству, а не в зависимости от личных склонностей, симпатий и антипатий человека... Сила юмора заключается еще и в том, что он поднимает человека над тем, что его смешит... Замечательно, что люди, умеющие смеяться, сразу узнают друг друга, понимают друг друга с полслова и часто становятся друзьями.

...Актер (и художник вообще), умеющий только серьезно смотреть на жизнь и на себя самого, едва ли сможет быть хорошим или, по крайней мере, интересным художником...

И, конечно, серьез людей, одаренных чувством юмора, гораздо серьезнее и глубже постоянного серьеза людей, не знающих, что такое юмор.

Хуже того, я скажу тебе на собственном примере: любой серьез смешон, а постоянный — смешон безмерно, чудовищно.

И вот еще, погляди — какое оптимистическое утверждение:

«Великое счастье в том, что юмору можно научиться. И в театральных школах должен быть класс, в котором преподавался бы юмор».

Я — Касается нас обоих, дает надежду.

Ю — Тебе — может быть, а мне не дает, хоть я и сам, как ты знаешь, вел мастер-класс юмора для журналистов (см. *Главу Шестую, ВЛ*). На моем образце опять же: можно научиться смешить людей, можно и научить этому, худо-бедно. Но чувству юмора научить нельзя, старина, — как нельзя научить сочувствию, жалости и любви. Чувством юмора, как и любовью, только заразить можно, если есть кого заражать... Вот, кстати — детско-воспоминательная сценка из той же книги. Михаил Чехов рассказывает об Антоне Павловиче:

«Как-то вышел он к вечернему чаю в столовую, где сидели его мать Евгения Яковлевна, моя мать и я. Он, очевидно, долго писал перед этим — взгляд его был несколько рассеян и счастливая улыбка временами играла на его губах. Ему подали чай, и он своим тихим теплым баском сказал:

— Ложка собакой пахнет.

Мать его встревожилась и стала уверять, что ложки да и вся посуда моется в кухне хорошо.

— Что это ты, Антоша, какая собака, откуда?

Я закатился смехом и видел, как Антон Павлович, как бы исподтишка, улыбаясь глазами, поглядывал на меня».

Я — Как мягко-озорно пошутил — не псиной, сказал, а собакой пахнет. Выпустил на племянника маленького Чехонтешку.

Ю — Да и в самом Мишеньке чехонтенок этот ого-го как куролесил:

«...наряду с чувством юмора природа наградила меня и смешливостью. Но это едва ли достоинство.

Смешиливость долго мучила меня на сцене. Я не только хохотал сам, но и заражал моих партнеров. Смешиливость на сцене вообще очень распространена среди актеров, и бороться с ней трудно. Часто бывало достаточно малейшего пустяка для того, чтобы я начал безудержно смеяться. Иногда впечатление, рассмешившее меня, держалось в моей памяти несколько дней подряд, и я все снова возвращался к нему и хохотал, придумывая какие-нибудь новые подробности и детали.

Неоднократно попадал я в неловкие положения, благодаря моей смешиivosti. Однажды, беседуя по важному делу с одной почтенной дамой, я почувствовал, что мне угрожает опасность внезапно засмеяться. Я испугался этой опасности и сделал внутренние усилия предупредить смех, но было поздно. Я вдруг расхохотался, и так сильно, что не мог произнести ни одного слова в объяснение или оправдание своего поступка. Дама смутилась, покраснела, но продолжала излагать свое дело. Я был почти в отчаянии, но хохотал все сильнее и сильнее. Наконец бедная моя собеседница со слезами на глазах спросила меня, почему я смеюсь над ней. Я не мог ответить. В соседней комнате сидел в это время один из моих учеников (это было в то время, когда я имел свою драматическую школу). Ученик мой поспешил ко мне на помощь. Он, зная мою смешиливость, пытался объяснить даме истинную причину моего поведения, но слова его складывались так, что можно было подумать, что я ненормальный человек. Это насмешило меня еще больше. Дама вскочила и бросилась к двери. Но запуталась в портьере и ударила лбом о косяк. Со мной сделалось что-то невероятное. Я уже не пытался сдерживать своего отчаянного смеха. Дама ушла, не изложив своего дела, а я сидел разбитый, угнетенный и сгорал от стыда...»

Я — И этот-то хохотун страдал от жуткой тоски и душевной боли, боялся всего и всех, одно время практически спился, едва не сошел с ума, чуть не застрелился...

Ю — Юмор спас, юмор и творчество. Смех — способ сопротивления панике, вызываемой жизнью.

Я — Ну да, есть панические атаки, а есть — комические...

• • •

Не изменю и на сей раз привычке прививать тексты из разных своих книг друг к дружке. Не перетаскивать, как мебель, а именно прививать, по садовничьи приживлять.

Путающие узнанное с *познанным* фыркают — повторяется!.. Ошибаетесь, ребята. Самоцитирование, тем более с изменениями и дополнениями, с вариациями, с разработками — это не самоповтор, не копирование себя, а нормальная композиторская работа.

Любой отрывок из своего произведения автор имеет право переносить в любое другое, с изменениями или без, и даже обязан так поступать, если этого требует *другое* произведение — его сверхзадача. В *другом* целом, в *другом* контексте прежние тексты, даже один-в-один взятые, могут обрести совершенно иное звучание и окраску, новое значение, свежий смысл. И именно для этого чаще всего и воспроизводятся.

Конструктору и строителю грешно было бы не пользоваться готовыми блоками для новых и принципиально новых конструкций. И садовник-цветочник, составляя дарственные букеты, каждый раз разные, включает в них однородные цветы во всевозможнейших сочетаниях.

Кто освистает артиста, если в новом концерте с новым репертуаром прозвучит что-то из предыдущего?.. Только тот, кому этот артист не нравится как таковой, с этим уж ничего не поделаешь. Повар тоже использует одни и те же продукты и те же блюда и вина для приготовления разных трапез, отличающихся друг от друга в такой же мере, в какой различаются их едоки, хотя галстуки и уши у едоков могут быть одинаковыми. Не нравится — не ешь, вот и вся недолга.

Повествование, далее следующее, вошло в мою книгу «Не только депрессия» как пример антидепрессивного воздействия одного человека на других. И здесь самое время и место этот рассказ воспроизвести с небольшими дополнениями — уже в поле иных эмоциональных и логических связей, в другом смысловом пространстве.

Эндорфин Иванович

история одного антидепрессивного средства

Кто помнит предперестроечные времена, когда Горбачев только пришел к власти и еще осторожничал, но ветер истории уже надувал его паруса и нес незнамо куда — помнят, должно быть, и свежий термин, запущенный партийным вождем в массы в качестве двигателя прогресса: *человеческий фактор*. Не просто там человек или люди, не какая-нибудь психология, а вот фактор, понимаете ли, да притом человеческий. Начальство всех уровней и мастей получило всевышнее предписание данным фактором заниматься и во внимание принимать.

Во многих что-то с надеждой екнуло от огласки значения этого фактора, екнуло — и тотчас кануло в привычную безверную безнадегу. Екнуло, ибо давно и козе было понятно, что от психологии человек, то есть от нас самих, зависит все в нашей жизни — и вдруг, наконец, это сподобились признать и На Самом Верху, где главную роль играл, как и ныне, фактор *нечеловеческий*. А кануло потому, что нечеловеческий фактор продолжал тупо лгать и давить живой дух по всем уровням и направлениям, продыху от него не было, да и само словосочетание «человеческий *фактор*» разило бюрократической мертвечиной.

Однако же, какое-то, исчезающе малое время, как я сказал, что-то поекало. И вот в этот, оставшийся почти незамеченным промежуток отечественной истории и случилось ничтожное по значению, но не рядовое по смыслу медицинское событие, о котором хочу рассказать.

Имело место событие в известной московской психушке, где вашему покорному слуге довелось работать. Попался среди моих больных живой антидепрессант. Человек, внешне напоминавший одного великого артиста...

Да что там темнить, скажу: на Евгения Леонова смахивал пациент мой, похож был не то чтобы как две капли воды, но, скажем, как два луча солнца, проходящие через разные среды.

История этого пациента в сравнении со множеством других наших буйненьких скучновата.

Иван Иванович Оглоблин, личность малоопределенная. Документов при поступлении не было, кроме пропуска в какое-то спецкабэ (конструкторское бюро), где состоял вахтером.

Поступил в отделение в хохочущем состоянии. Лысенький, круглый весь, как колобок, нос картофелиной, в лучистых морщинках, с непрерывно набегающей пунцовой краснотой. Запись дежурного: «Поступил в связи с антигражданским поведением, выраженным в форме неуместного смеха в общественном месте. Контакту не доступен, на вопросы не отвечает, эйфоричен, неадекватно смеется. Диагноз шизофрения».

Так и сидел в приемной: смеялся, хохотал и хихикал, ржал, как ужаленный, пока развязывали, ржал дальше на всевозможные лады в отделении, продолжал ржать неудержимо, не возражая против лечения лошадиными дозами нейролептиков, которые ни на грамм не действовали; ржал, заражая ржачкой соседей по палате, санитаров, медбратьев и всех врачей, кроме заведующим Костоломова, которому мешал паралич лицевого нерва; ржал, не ржавея, и в изоляторе, куда пришлось поместить и где просидел эн лет почти безвылазно (иногда, когда другим не было места, его переводили в дальний угол коридора, где ржал еще громче); продолжал подхихикивать и во сне по-тихому...

Ржал — вот, собственно, и все. Ну сидит и ржет, ест и ржет, спит и ржет, эка невидаль, смехунчик такой, хохотунчик, круглоносенький ржунчик. Внимания на него старались особо не обращать, лекарства вводили торопясь, чтобы не заразиться ржачкой.

Заметили притом сразу же, что от одного лишь присутствия в отделении больного Оглоблина у других больных повышается настроение, веселеют почти все до неадекватности; начинается эйфория, поднимается дух, или как еще это назвать, и у врачей, и у медбратьев, стоит только мимо пройти. И даже

у санитаров наших какие-то улыбунчики начинали выпрыгивать, хотя с ними особстатья...

Вот и держали Ивана Ивановича в основном в изоляторе, а то мало ли что. Задерживал нам оборот койко-дней. Полагается и таких безнадежных выписывать хоть на неделю, хоть на денек-другой, но куда этого?.. Родных не объявлялось, а от самого ничего не добьешься, слова человеческого не произнес ни разу почти, кроме то ли «хватит держать», то ли «дайте доржать».

Произошло это — слова вырвались из него — когда отделение обходила инспекционная комиссия из горздрава.

Перед тем Костоломов собственной персоной к Ивану Ивановичу подошел, вернее, прокрался на цыпочках, что при его атлетической комплекции выглядело чудновато. Я тоже, как лечащий ординатор и соучастник, прошастал следом.

В высшей степени убедительно зав попросил:

— Больной Оглоблин! Прекратите неадекватный смех на время комиссии. Поняли?

Иван Иванович продолжал ржать, даже чуть громче ржанул в ответ. Тут же кивком Костоломов дал знак санитарам, фундаментальному Николаю и клешнясто-ухватистому дяде Васе, совокупный отбытый срок коих в местах не столь отдаленных по уголовке составлял чуть поменьше вышки.

Санитары ответили понимающим молчанием.

— В случае чего, — пояснил Костоломов.

И уточнил:

— В случае чего.

Николай внимательно шевельнулся и зажевал улыбку, дядя Вася натужно усилил звериность мордовыражения и подрастопырил клешни.

Я, лечащий соучастник, произвел стойку «смирно», глядя в другую сторону, я сдерживался уже из последней мочи, ибо Оглоблин продолжал ржать в усиленном режиме, ржанье его проникало вибрациями в печень и в поджелудку, зашкаливало.

— Эх, траляля, — произнес Костоломов, как всегда при озабоченности, и поспешил в кабинет.

Минут через сорок комиссия в составе четырех членов и председательши двинулась, за ней зав и вся врачебная свита, где-то в хвосте и я.

Стояла бесподобная тишина. Дело шло о присвоении отделению звания образцового.

Костоломов вполголоса, скупыми штрихами набрасывал необходимые объяснения: «Онейроидная кататония... Имело место некоторое возбуждение... Готовится к выписке...»

Председательша комиссии, замзавгорздравша, плотная тетя с крысоватыми глазками, торопливо кивала и делала движения, напоминающие канатоходца, с ней в такт и все члены комиссии. Видно было, что они слегка мандражат, не каждый же день приходится проверять буйную психиатрию.

Комиссия благополучно прошествовала мимо изолятора, и я успел удивиться, что никакого ржання от туда не доносилось, только слегка дрожал пол возле двери. Костоломов блестяще выполнил заранее задуманный маневр, направив внимание замзавгrrздравши и членов на наш открытый со всех сторон, сияющий туалет, феноменально пустой.

Вдруг раздался апокалиптический взрыв. Все содрогнулись, под председательшей треснул линолеум, один из членов гулко упал.

Из изолятора с воплем: «хватит держать!» — или «дайте доржать!», неразборчиво получилось, хотя и громко, — выскочил Иван Иванович и покатился мячиком. За ним в зверском молчании неслись дядя Вася и Николай с кляпом в руке, только что выплюнутым, что и произвело, очевидно, взрывную волну.

Неслись, пытаясь поймать «на хомут» — вернейший захват за шею с придушиванием за счет пережима сонных артерий — но Иван Иванович делал обманные финты и непостижимо увертывался, — он и не бежал вовсе, он танцевал, пружинно трясясь, он ржал, беззаветно ржал,

а с ним вместе дико, бессовестно, единой семьей заржали больные, все отделение, заржала председательша и все члены комиссии вместе с упавшим, заржали все, кроме Костоломова, горестно повторявшего: «Эх, траляля».

Первым опомнился дядя Вася — рыча, сделал тигриное сальто, он был великий профессионал, и в прыжке достал Иван Иваныча откуда-то с бокового выверта, из другого измерения, — достал и накрыл. Тут же и Николай ухнул и богатырским взмахом всадил кляп в ротовое отверстие. Иван Иванович почтительно смолк, затем икнул, побагровел, посинел... И вдруг опять апокалиптически пукнул.

Опять прозвучали неразборчиво-жалобные слова: «Дайте... держать... доржать...»

В общем, все обошлось, звание присвоили. Санитары потом, естественно, получили от зава некоторое внушение, но больше для ритуала субординации.

— Да, — уверенно признал дядя Вася, — перестарались маленько.

В уверенности его тона сквозило твердое знание, что не в первый и не в последний раз перестарались они, а обижать их нельзя. Дядя Вася с четырьмя убийствами в анамнезе особенно глубоко знал, что обижать их нельзя, и всякий раз в конце обхода подмигивал Костоломову.

Член комиссии, который упал, оказался большим эрудитом. «У больных шизофренией, — сказал он, — по последним научным данным, нарушена выработка эндорфинов. Вы не знаете, что такое эндорфины, не в курсе, литературу читать надо, товарищи, квалификацию повышать, нельзя заниматься ползучим эмпиризмом. Эндорфины — это, к вашему сведению, вещества психических чувств, материальный субстрат эмоций. Нет, нет, ни в коем случае не механицизм и не вульгарный локалицизм, а дифференцированный химизм, именно, только так. Ваш этот... Хомуткин... Черессдельников... Лошадиная фамилия, вы не в курсе, это типичный случай эндорфинового дисбаланса, ну просто классика, между прочим, еще Рабле описал, он тоже был

врач и душевнобольной, вы не в курсе. А мне тоже один раз, знаете ли, пришлось испытать. Воспалились четыре зуба, вот такой флюсище, ну я и попросил друга из поликлиники выдернуть их все сразу к чертовой матери, только так, чтоб не больно, не люблю боли. Ну он и шархнул рауш-наркоз, веселящий газ, эн-о, вы не в курсе, товарищи, как вы можете так отставать от науки. Тройную дозу вкатил, представляете?.. Так я вместо трех часов ржал, извиняюсь, три дня, белья не хватило, пупочная грыжа вылезла. Вот что такое эндорфины, дорогие товарищи, литературу читать надо».

С той поры и переименовали мы Ивана Ивановича в Эндорфина Ивановича, в память о том, как он обо-ржал комиссию.

После комиссии и лекарства ему отменили, на фиг изводить попусту. Я и еще двое докторов (в мужском буйном работали только физически сильные мужчины) использовали его стихийно сперва, а потом уже и сознательно, в качестве живого антидепрессанта: подойдешь, постоишь рядом, поржешь минуту-другую, вот вроде и опять жить охота.

Согласно последующим клиническим исследованиям 100 взглядов на этот портрет Ивана Ивановича излечивают любую депрессию.

Выписка Оглоблина произошла так.

Во время завтрака, после на редкость спокойной ночи моего дежурства (ни одного вызова, накатал поэму, за месяц выпался) произошло ЧП, не из ряда вон, но с предзнаменованием. Больной Матирный вылил на голову заведованием ведро киселя. Всего раз в полгода случалось с Матирным такое и всякий раз с предвестием: то вдруг выздоровеет кто-нибудь из безнадежных, то из докторов кто-либо схлопочет в соседнее отделение.

Просто так никогда Матирный не выливал ни на кого ничего, Костоломов это хорошо знал и, обмываясь в тазике, озабоченно повторял: «Траляля».

И точно: не прошло и двух часов, как явился какой-то щуплый косматый типчик в громадных темных очках и, хотя был не посетительский день, прорвался к Костоломову, выплеснул из портфеля на стол кучу бумаг и скандально заголосил:

— Сколько можно, нет, вы скажите мне, сколько можно?! Издевательство над личностью! Мы не допустим! Мы подаем на вас в суд! Мы на вас пишем в прокуратуру! Мы жалуемся в высший орган!

— Подождите, подождите... С вашей стороны не поступало... Экспертизы не было... Мы не в курсе, — лепетал Костоломов, — разрешите ознакомиться...

— Ах вот как, вы не в курсе! — ярился типчик. — Может быть, и про смехотрон вы не в курсе?!

— Не в курсе.

— А может быть, и газет не читаете?!

— Не ч... Читаем.

— Тогда вот! Вот! — не давая опомниться, типчик швырял под нос Костоломову одну подшивку газет за другой, бумаги с огромными печатями и колоссальными подписями, фотографии, перфокарты и еще черт-те что.

— Человеческий фактор! Вы нам ответите за человеческий фактор! Вы еще об этом пожалеете!

— Да что такое, ну объясните же! — взволнованно взвыл Костоломов. — Мы пойдем навстречу, пойдем фактору навстречу... Представьтесь, пожалуйста.

(Шевельнул левым мизинцем, это был условный знак для вызова резервных санитаров из полубеспкойного отделения. Наших ни на секунду снимать было нельзя. Я набрал номер, но трубку не брали, наверное, пили чай).

— Я вам уже представился, вы невнимательны, отмечаю, — напирал типчик. — Еще раз запомните: Щечкин. Мой начальник — Кукарекуев, тоже не в курсе? Вот мое удостоверение. Вот авторские свидетельства и патенты, вот благодарности. Вот копия приказа о назначении руководителем комплексной темы: «Применение смехотронных устройств в промышленности»...

— Хорошо, хорошо, чего вы... Что мы должны?

— Отдавайте Оглоблина. Немедленно верните нам нашего дорогого, любимого, незаменимого, чудесного Ивана Ивановича. Уже сколько лет вы гноите его в условиях хуже тюремных, подумать только, вот уже сколько лет. Мы все выяснили, мы следили за вашими антигуманными действиями.

Дело уже передано по самым высоким инстанциям, вы за все ответите. Вы его травите, уродуете, издеваетесь. Над человеческим фактором!

— Одну минуту...

Костоломов выпрямился и выставил кулаки на стол, так он делал всегда, когда принимал решение по текущей ситуации.

— Если вы имеете в виду больного Оглоблина Эндорфина Ивановича...

— Ивана Ивановича, — уточнил я.

— ...Ивановича, — продолжал Костоломов, — то мы готовы дать полный письменный отчет (взгляд в мою сторону) любой из упомянутых организаций как по синдромологии и нозологии, так и по мерам лечения и надзора. Больной страдает неизлечимой формой хронического душевного заболевания...

— Ха-ха-ха! — Типчик тоже выпрямился и выставил кулаки.

— Ваш диагноз?

— Без официального запроса соответствующего учреждения не сообщаем.

Типчик вдруг резко сник и сдулся, как детский воздушный шарик.

Костоломов продолжал холодно и брезгливо:

— Спрячьте свои бумажки. Не берите на пушку. Недееспособных хроников мы выписываем только под расписку ближайших родственников или официальных опекунов. За все эти годы к нам никто не являлся и справок не наводил. Можем считать разговор оконченным.

Встал победно во весь свой сокрушительный рост.

(Здесь уместно сообщить, что в былые годы наш Костоломов был мастером спорта по борьбе самбо в тяжелом весе. Меня, парня тоже не хилого, боксера-средневеса, подначивал: «Успеете меня ударить — ваша взяла, нокаут. А не успеете — вызывайте реанимацию».)

— Послушайте... Подождите, — посетитель снял очки и обнажил растерянное испитое лицо интеллигента первого поколения. — Я вас прошу... Как человеческий фактор с человеческим фактором...

— Не и-ме-ю вре-ме-ни, — по слогам, четко и тихо произнес Костоломов, тяжело опустился на свой просевший, засаленный завский стул (на этот стул никто не решался садиться даже в его отсутствие), неспешно откинулся, выдержал паузу и вполоборота процедил мне:

— Пройдите в другой кабинет. Разберитесь с фактором. В двенадцать комиссия, не забудьте.

Я помог Щечкину сгрести со стола бумаги и провел в запасную процедурную. Там он, постепенно опять раскаляясь, поведал мне свою историю.

Щечкин Андрей Андреевич, изобретатель. Много патентов, многое внедрено, хотя большую часть, конечно, перехватили, уворовали, переиначили... Еще пятнадцать лет назад пришел к выводу, что существует единый комплексный фактор повышения производительности, вот этот самый человеческий, о котором теперь повсюду трубят, ни черта не понимая, а он искал,

вычислял, выводил формулу. И вот наконец нашел. Вывел формулу настроения.

— Да, очень сложная штука это настроение... Вот, — сунул мне прямо в нос какой-то перфопергамент, — вот мое открытие. Переверотное. Революционное! — при этих словах Щечкин вспотел. — Оказалось, квадрат экстремума суперлабильного компонента супрастабильной характеристики пятого, самого главного факториала человеческой эмоциональности по всем параметральным диапазонам совпадает с метачастотностью и ортогустотностью смеха. Обыкновенного смеха, взятого, конечно, в статистическом бетаконтинууме. Это грубое упрощение, вы меня извините, это я только для вас так вульгарно. Идея, к сожалению, нуждается в профанации, иначе она не овладевает массами. Ну так вот, встал вопрос о создании смехотрона. Необходим смеховолновой генератор, воздействующий на соответствующие мозговые центры. Имея такой прибор, можно... Ну вам ясно, что можно. За какие-то три минуты в сутки обойтись без... Ну вам ясно, без чего и без кого обойтись. Экономический эффект колоссальный, уже вычислено, достаточно всего шести секунд облучения всего лишь четырнадцатью ультрапараметральными компонентами для поддержания оптимального рабочего тонуса любого индивида в течение восьми с половиной часов.

Что еще нужно?.. Ничего, только поставить соответствующий прибор в соответствующей проходной. И включать. Первая модель представляла собой довольно громоздкий шкаф с выдвижными пультами. Все это потом миниатюризировалось до вот такой милой штучки...

Щечкин ловким движением выхватил из кармана металлоидную коробочку.

— К сожалению, сейчас нет возможности продемонстрировать, отказал сорок второй диод в восемнадцатом фазообразователе. В следующий раз обязательно, вы помните. Ну так вот, а надо еще добавить, что дела в нашем кабэ уже энный год прямо-таки из рук вон...

— Энный год? — перебил я. — Не с того ли дня... Не со времени ли госпитализации...

— Ну вот именно! — Щечкин вскинулся в обнимательном импульсе. — Ну наконец-то! Вы меня понимаете. Наш дорогой, наш золотой, наш невероятный Иван Иванович! Это он! Это он!

— Что — он?..

— Смехотрон!

— ???

— Всегда, всегда он смеялся, всю жизнь! Для этого и родился, таким родился! Это же натуральный гений, чудо природы, я хотел сказать, чудо техники!

— Да при чем тут техника? Человек он. Безобидный и симпатичный, смехом всех заражает. Но мера и в смехе нужна, согласитесь. Так смеяться без удержу, без передыху... Как же он жил?

— Так и жил. Смеялся и жил. Осуществлял свою жизненную функцию, вот и все. Осуществлял право на хорошее настроение. Ел, пил, спал, смеялся, в проходной нашей сидел, смеялся, проверял документы, смеялся, и мы смеяться все начинали. Работали целый день весело, домой уходили весело... Что тут непонятного?

— Все понятно.

— Право на хорошее настроение у человека нашего есть или нет?

— У нашего?.. (Чуть было не показал пальцем на висок). Есть, кто же спорит. А как... А где...

— Вы хотите спросить, где мы его откопали? Где нашли Ивана Иваныча нашего? Стопарев, замдирснаб наш, выписал из деревни, пристроил на вахту. Дядя он ему или земляк какой-то, теперь уже не узнать.

— Почему не узнать?

— Помер Стопарев. От инфаркта помер... В тот самый день, когда вы сцапали в психовозку и увезли в психушку нашего Ивана Ивановича.

— Мы его не сцапали. Мы никого не цапаем. К нам привозят. И Оглоблина привезли по скорой психпомощи, вбросили откуда-то с улицы.

— Боже мой... Ну конечно, представляете?... Идет человек, смеется вовсю, хохочет. Милиционер видит, думает, пьяный или сумасшедший какой-нибудь опасный, задерживает, документы проверяет. Нет документов, а человек хохочет себе неизвестно над чем. Милиционер человека ведет в отделение. В отделении психовозку вызывают... Кто ж его вытолкнул-то на улицу, Ванюшу? Кому не угодил, кому помешал?... А-а-а... Да, точно. Сам же сукин сын Стопарев, царствие небесное, он же сам. Поддатый, а поддавал часто, приставал: «Ты б, земляк, погулять сходил, бабу нашел бы, а то сидишь холостой», а Иван все хохотал... А как поддавал покрепче, так норовил выпихнуть наружу из проходной, а Иван только хохотал и шныршныр обратно, на место вахтенное или в каморку свою, там у нас в подвальчике, там и жил... Ну понятно... И поделом покойничку, вы меня извините, с гениями не шутят.

Далее Щечкин принялся рассказывать об испытаниях непрерывно совершенствовавшихся смехотронных устройств. Первая модель вызывала смех, но недолго, какая-то решающая характеристика необратимо исчезла. Вычислил, какая именно и почему.

Новые модели, однако, несмотря на все меры, эффекта не возобновили, напротив, начались странные явления: испытуемые приходили то в тоскливое состояние, то в ярость, резко участились конфликты во всех отделах. Стало неопровержимо ясно, что действует чья-то злонамеренная, завистническая, вредительская рука. Начался новый этап борьбы...

Я заскучал. Темнит неуклюже, заливает мозги жалким неправдоподобным научно-техническим псевдобредом, словно тоже напрашивается погостить тут у нас где-нибудь на угловой коечке...

Перебил:

— Чего же вы теперь хотите от Эндорфина... э-э... от Ивана Эндорфи... тьфу, Ивановича?

— Выписать.

— В качестве родственника?

— В качестве смехотрона.

— Мы в таком качестве никого не выписываем, для нас это больной. А ваш прибор-то на что?

— Моя модель будет совершенствоваться по образу и подобию, элементарно. Я давно вычислил, что смех Ивана Ивановича представляет собой абсолютно полный набор всех орто, мета и пара...

— Ясно, ясно, и мы как подойдем, ржать начинаем. Ладно, будем выписывать. Есть один вариант. Немножечко бюрократии. Опекунство придется оформить на вас по ходатайству учреждения. Честно говоря, нам тоже будет его не хватать... Тоже ломка будет, как у вас. Мы к Эндо... к Ивану Ивановичу тоже уже... привыкли...

Щечкин взорвался и зарыдал, началась истерика.

Я подошел к двери, чтобы отправиться за успокоительным, как вдруг он успокоился сам.

— Подождите... Все в норме... Вот что я делаю.

Опять вытащил свой смехотрон. Положил перед собой на пол. Внимательно поглядел. Сказал: «Алла-бесмила», — подпрыгнул и раздавил ногой.

Из-под сплющенного футляра не вылезло ничего.

Внутри было пусто.

Слабым голосом Щечкин залепетал:

— Я вам все наврал. Все навыдумал. Никакой я не изобретатель. Я плакатист. Оформитель стендов. Научную фантастику люблю. Скучно жить мне. И одиноко... Все время вспоминал нашего Ивана Ивановича. Стал наводить справки, искать. Нашел. Настроение поднялось. Смысл жизни дальнейшей появился: спасти, вернуть... Может быть, и себя... Спасти... Надо было придумать версию... Придумал. Оформил по типу документации... Добрался до вас...

Примечательно: как только Ивану Ивановичу сообщили о выписке, предстоящей на следующий день, смеяться он вмиг перестал — напротив того, заплакал, полились слезы. Все время, оставшееся до выписки, просидел тихо в одной позе, обхватив себя скрещенными ру-

ками за плечи; ночью не сомкнул глаз, так что подумалось, не депрессия ли часом острая грянула.

Отвечал на вопросы нормально, кратко и тихо. «Рады, что выписываетесь?» — «Рад». — «Домой хотите?» — «Хочу. Было б куда». — «А работать на прежнее место?» — «Возьмут — пойду». — «Щечкин, ваш друг, за вами придет. Обещал все для вас устроить, обязательство подписал». — «Спасибо ему». — «Почему больше не смеетесь?» — «Не смешно больше». — «А раньше смешно было?» — «Смешно». — «Всю жизнь смешливый такой?» — «Всю жизнь». — «Выпишут, опять будете смеяться?» — «Смешно будет — буду».

Выписывали Оглоблина в морозный февральский день, одет он был как привезли, по-летнему. Щечкин принес ему потрепанную казенную телогрейку. Иван Иванович, увидав его с телогрейкой в обнимку, опять прослезился, даже шатнуло его, встал и сел. Обычное выписное состояние, после таких затяжных отсидок некоторые наши хроники на пороге больницы пошевелиться не могут, впадают в ступор, а кто и падает без сознания.

Увел Щечкин Ивана Ивановича, поддерживая под руку и повторяя непрерывно, как автомат: «Все нормальненько. Все нормальненько. Все нормальненько...» Иван Иванович оставался спокойным и серьезным.

Я, по обычаю своему, из окна отделения провожал взглядом уходящих: от нас хорошо была видна посыпанная потемнелым песком аллея, ведущая к заснеженным больничным воротам, а после них к трамвайной остановке.

Думаю, мне не показалось, что, миновав ворота, Иван Иванович начал опять потихоньку трястись от смеха, зрение у меня до сих пор хорошее.

В ЧЕМ ВРЕД ПОРНОГРАФИИ?

раблетки для хохотерапии

Однако же, и размяться пора.

Как вы, должно быть, помните, друзья, я обещал вам время от времени поставлять снадобья для поддержания тонуса брюшного пресса и диафрагмы. Вы сами, точней, некоторые из вас мне в этом усиленно помогают, и долг мой — делиться халявно получаемыми лечебными средствами. Все натуральные, прямо из жизни, без обработки: в текстах, далее следующих, поступивших ко мне за последние пару лет (главным образом, по электронной почте), кроме подписей (за одним исключением) и некоторых длиннот, ничего мною не убрано и не прибавлено, сохранена орфография.

К большинству комментариев не требуется, но даю кое-какие реплики. Никак не доходили руки ответить уважаемым корреспондентам, и вот, хоть коротко, но отвечаю.

— Доктор сказал: принимайте это лекарство, даже если вам станет хуже. А мне стало лучше. Наверное, это не то лекарство...

...

Здравствуйте, пишу икс знает какое по номеру письмо: не поможете ли вы нам в борьбе с фашизмом, экстремизмом, нацизмом... Понятно, не поможете, спасибо за внимание... Извините что отвлек.

Похвально, когда человек сам отвечает на свой вопрос, пусть и неверно, зато вежливо.

...

Владимир Львович, так все-таки, можно ли избавляться от зависимостей путем стискивания зубов и зажима яиц в тиски? По-моему это и вредно (ибо насилие над собой) и неполучается.

Но вроде как есть такие люди, и типа это сила воли и все-такое.

Надеюсь понятно выразился.

Пожалуй, слишком понятно.

...

Унас с моей девушкой появились проблемы с сексом! Мы уже вместе 4 года, если раньше мы занимались этим почти каждый день, да еще и не по одному разу, то теперь это происходит раз в неделю о то и реже! Она объясняет это что у нее просто нет желания, якобы ей хватает этого! Но я почему то в это не верю мне кажется что у нее другой! Хотя она клянется что нет. Когда мы занимаемся любовью у нее просыпается дикое желание (при занятии раз в неделю о то и реже)! Так вот я хотел бы узнать у вас с чем это может быть связано и что можно предпринять что бы все вернуть назад (сделать секс чаще)??? Зарание спасибо!

Заранее до свидания!

...

У меня во время медитации голова самопроизвольно поворачивается вправо или даже начинает крутиться прямо-вправо.

Что это значит?

Не знаю. Попробую помедитировать... Нет, не выходит что-то... Возможно, у вас произошел прорыв в четвертое измерение, ибо о таком направлении вращения «прямо-вправо» никто в нашем мире еще не слышал.

...

Здравствуйте! Я читала Вашу книгу «Искусство быть другим». У меня создалось впечатление, что Вы умный человек.

В общем, я решила Вам написать. По-моему, у меня все мыслимые и немыслимые сексуальные извращения сразу!

То бишь: бисексуализм, мазохизм, геронтофилия (я не ошибаюсь в названии?).

У меня такое ощущение, что я скоро буду хотеть все, что движется, а еще через некоторое время насиловать все, что движется! Правда ли, что все это от неправильных отношений с родителями?

Нет, в этом вы ошибаетесь.

...

Здравствуйте Владимир Львович. Мне 25 лет и у меня при виде красивой девушки начинает трястись все тело. Сознание тухнет. Я даже сейчас трясусь, рассказывая вам о своей проблеме. Пробовал использовать рефрейминг на тряску, но не нашел куда ей применения. По-прежнему реакция на девушку — тряска. Познакомиться вообще не могу. Посоветуйте, пожалуйста, рефрейминговое применение этой тряски.

Подходите к девушке и тряситесь изо всех сил, она тоже затрясется, и на почве совместной тряски вы познакомитесь. Сознание ни при чем, пускай себе тухнет.

Грамотный читатель пошел! — что такое рефрейминг, знаете? И я не вдруг вспомнил. Смысловое преобразование, придание событию другого значения, смысла иного — вот что такое. Трястись можно от страха, как обычно и происходит, а вот если при этом

еще и разозлиться на себя — всегда есть за что! — то на вид получится, что дрожишь от страсти, и это произведет нужное впечатление!

Кроме шуток!

...

Владимир Львович! С удовольствием прочитал Вашу статью «Хлеб небесный». У меня к Вам такой вопрос: что Вы имеете в виду, говоря вздох облегчения? Это вдох или выдох? Я решил, что выдох, но меня смущает слово вздох.

Попробуем сделать выдох без вдоха — ВЫЗДОХ, может, пройдет смущение?..

...

Здравствуйте, Владимир. Собственно в теме письма все сказано. Я зануда. Добрый, симпатичный, неглупый зануда. Об этом мне говорят близкие друзья, но я сам не знаю в чем это выражается. С девушками ничего не клеится похоже именно из-за этого. Вы не могли бы подробнее рассказать в чем состоит занудство, какие признаки, откуда оно берется, какие причины и следствия у занудства, имеет ли значение для занудства наследственность, условия жизни, и как с ним бороться.

Это письмецо я пару раз зачитывал на публике. Смеяться слушатели начинают с пятой строки, к девятой хохочут уже самые мрачные, на одиннадцатой рыдают.

...

В.Л., у меня развилась одна новая зависимость. Если я в день хотя бы 2 часа не читаю ваших книг, мне становится плохо. Это не шутка. Помогите избавиться.

Как же мне вам помочь от меня избавиться?.. Мне становится плохо, если я хотя бы 2 часа в день не пишу для вас своих книг, это тоже зависимость и тоже не шутка.

Дорогой Владимир! Проблема: вагинальный оргазм сменился клиторальным и куча переживаний, и море комплексов.

Вопрос: КАК вернуть все назад?

Надежда: хочу попробовать автотренинг.

ПРОСЬБА: помогите профессионально.

Как сказал некто из комвождей: «Цели ясны, задачи определены — за работу, товарищи!»

• • •

В.Л., мне уже двадцать пять, а я все еще девственница. Одна надежда: на вас.

Ответ многим: спасибо за доверие, дорогие, но вы меня немножко переоцениваете.

Симметричное обращение от другой половины человечества:

Здравствуйте, у меня все хорошо, только вот с женским полом ничего, кроме дружбы: мне 25 уже, физиологически все нормально, а вот с девушками никогда еще хм... Помогите разобраться в этом непостижимом для меня деле... Если бы марс не был так близко к земле, я бы не решился написать о своих половых проблемах!

Марс прибавляет решимости, ближе к Марсу!

• • •

Здравствуйте, Владимир Львович. В вашей книге написано, что чем душу насиловать курежкой, пьянством, обжорством и сексом, лучше найти ей «духовный выход». Т.е. если я правильно понял, заниматься, скажем, науками, изучать язык, играть на музыкальных инструментах. Так? Если да, то зачем тогда мужчине нужен половой орган? Прошу вас еще раз мне объяснить!

А где и когда я уже вам объяснял? Что-то не припомню, склероз.

...

Посоветуйте, пожалуйста, как избавиться от храпа моего друга. Спать вместе невозможно. Спасибо.

Лучший способ избавиться от храпа вашего друга — затыкать себе уши. Второй способ — спать от него отдельно. Если и это не поможет, обратитесь к врачу.

...

В чем вред порнографии и как от нее вылечиться.

Эдик

Вот он, этот единственный вопрос с сохраненной подписью и пунктуацией. Такой перл хохотерапии без автора оставлять обидно.

...

Уважаемый Владимир Львович, мне нужна помощь сильного гипнотизера.

Проблема: Мой водитель напился и забыл где оставил машину. Может, поможете ему вспомнить? Сколько это будет стоить?

Стоимость данной услуги равна стоимости машины плюс НДС. Так что подумайте...

О законе сохранения смеха

..Перерыв — разминка тоже требует дозировки. Только что я употребил свой врачебный термин хохотерапия. Подчеркиваю: не «смехо», а «хохо».

Сказал когда-то старик Шолом-Алейхем: «Смеяться полезно, врачи советуют смеяться», сказал иронично-грустно, тонко так пошутил. А соль шутки в том, что если к смеху относишься как к врачебному или социальному предписанию (в застольной компании, например), — как к чему-то, что рекомендовано, что положено, принято, должно, что НАДО, — то вы-

ходит, как правило, наоборот: смеяться — не получается, и это вот как раз и смешно.

Увы, смехотерапия свое отживает по причине всеобщего огрубения, притупления и изнашивания эмоциональной сферы, зверски насилуемой СМИ и рекламой. Большинство современных людей разучивается смеяться простым естественным смехом уже лет с пяти, если не с трех. Смех больше изображается, чем подлинно переживается, это уже не взрывы беззаботной радости и веселья, не вспышки свободы, а какие-то внушенно-выученные гримасы...

Крепчает ныне юморазм.
От изобилия такого
уже зашел бы ум за разум,
да ни того нет, ни другого.

Иван Халевин. Ругайся номер раз.

Смех легкий, юмор тонкий, изысканные нюансы иронии, переливы намеков, прелесть смысловых игр, восторг иночтений... Куда там. Пробить толщу нашего туподушия способны нынче только снаряды, таранящие подкорку, прошибающие, как нашатырь, нижние этажи мозга. Там, вблизи центра дыхательного и центра плача расположен жизненно важный центр неудержимого хохота. (Центр смеха, более связанный с высшими произвольными регуляциями — повыше.)

Животно-грубое это дело, хохот, что уж поделаешь, но зато надежное, не подделаешь. Смех деланный можно и не отличить от настоящего, а искусственный хохот сразу видать-слыхать, очень это выходит противно и практикуется в основном в целях демонстративных истерическими психопатами.

А знаете, как я назвал единицу хохотерапии одноразового действия? По аналогии со стандартной формой для медпрепаратов и в честь величайшего гения хохотерапии, доктора Франсуа Рабле...

Ну вот-вот, раблетка, одна раблетка!

Сколько я уже выдал раблетов и сколько их здесь, не подсчитал и считать не буду. А тем, у кого они, что называется, не покатят, кто, не исключено, зафыркает — вот доктор-то каков: несчастных своих читателей, наивных, доверчивых, вместо того, чтобы пожалеть и помочь, на посмешище выставляет, прикалывается над беднягами — так отвечу:

если ты не смеешься над собой сам — значит, взваливаешь этот труд на других. Не взыщи.

Это Рабле.

Всмотритесь, пожалуйста, внимательно в глаза Франсуа Рабле. Они уже лечат. Если не смехом, то явно просверкивающей веселой, иронически-озорной улыбкой. Он видит вас насквозь, но притворяется слегка придурковатым.

«У меня все хорошо, но я не понимаю, зачем»

Что ж, продолжим разминку.

...

Здравствуйте, Доктор. Я женщина. Мне 72 года.

Придет время, и я буду начинать письма так:
«Здравствуйте, мадам. Я мужчина. Мне 92 года».

Дальше можно будет уже ничего не писать.

А вот опять обращение по поводу памяти и гипноза, одновременно почти пришло с тем, которое насчет упившегося водителя, — в рифму. (Все на свете строится в рифму).

Здравствуйте Доктор! Обращаюсь к Вам со своей проблемой. Я потеряла деньги в собственной квартире. Куда-то спрятала и не могу вспомнить куда. Скажите, есть ли у меня шанс вспомнить, ведь столько лет прошло? Может быть, гипноз помог бы? Может быть, Вы?

Ничего смешного. Представим себя на месте не юного, судя по давности захоронения денежек, человека. Обидно. И за деньги посеянные, и за память свою. Гипноз вдруг и вправду помог бы, а лучше — хороший ремонт квартиры. А может быть, это обман памяти, она любит выдавать желаемое за действительное...

...

Здравствуйте, Владимир! У меня все хорошо, но я не понимаю зачем.

Не дай Бог, поплохееет — сразу поймете. Другой встанет вопрос: зачем понимать?..

...

Уважаемый Владимир Владимирович!
Вот уже десять лет Ваши книги украшают мои книжные полки.

Владимир Владимирович, а можно задать Вам вопрос?..

В который раз спутали с Путиным. И это после десяти лет успешного украшения книжных полок. А может, Путину и написали, а по ошибке послали письмо на мой адрес?

...

А к вам у меня такой вопрос: «Как взять себя за жопу и начать достигать своих целей?»

Вот это уж точно ко мне, не перепутали.

...

Я пишу Владимиру Леви. Подскажите, плиз. Я не испытываю удовольствия от секса. Мне 26. К кому пойти?

И это понятно, что мне написано. А вот насчет к кому пойти ответу единственное: не ко мне. Перегружен.

...

Подскажите, пожалуйста, что нужно делать, чтобы на людях выглядеть незаметным? Все, что я знаю — это нужна неприметного вида одежда и взгляд устремленный под ноги. А что еще? Спасибо.

Отсмеявшись, пришел к мысли, что если человек хочет быть незаметным, значит, ему это зачем-то нужно. Может, приходится от кого-то скрываться, да мало ли что...

Кроме шуток: я знал женщину, умевшую становиться психологически невидимой с помощью самонастроения «меня нет» — в электричках, когда шли контролеры. Спокойно ездила всегда без билетов, ни разу не замели — шли мимо, и все. Главное, говорила она мне, поверить в собственное несуществование и самой перестать себя замечать, тогда и другие тебя замечать перестанут. Я проверял потом, и не раз — процентов на 80 такая установка работает.

...

Здравствуйте, Владимир Леви! Я нервный, немного замкнутый. Страдаю комплексом маленькой принцессы. Что это, я не знаю, но очень хочу от этого избавиться. Спасибо!

От чего я вас избавляю, не знаю, но избавляю — пожалуйста!

...

Здравствуйте. Мне 27 лет, биолог, не замужем, живу с котом.

Без комментариев.

...

Три цитаты из письма одной девушки:

...Я очень одинока — не с кем слова связать...

...19 лет без секса — это ужасно. (Мне 19)....

...Еще у меня такая проблема — я не знаю, как надо жить....

Тоже, пожалуй, без комментариев, иначе их было бы слишком много.

...

От представителя другой половины человечества — симметрично:

Владимир Львович, у меня нет девушки, а так хочется секса. От вас прошу только совета.

Спасибо, что только совета.

...

Доктор, у меня апатия ко всему, кроме плохих привычек.

А вы постарайтесь, чтобы плохой привычкой стала вся жизнь. Ведь в общем-то оно так и есть.

...

Идеализирую людей, а люди такие скоты, Владимир Львович!

Несомненный случай навязчивого идеализма.

...

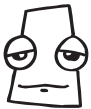
Новогоднее пожелание:

Желаю вам, Доктор, простого человеческого долголетия!

Принято к исполнению.

...

Еще из новогоднего:

Вы не первый, кому я пишу о своей проблеме. Два года назад я написала Деду Морозу, и он мне ответил.

Видимо, ответы Дедов Морозов действуют только два года, срок годности истек. А мои ответы работают без ограничения срока, надо только вовремя батарейки менять.

...

Доктор, у меня любовная зависимость. И их много.

Излишки можно раздаривать неимущим.

...

Мне хотелось бы найти ответ на вопрос — в чем проблема? Как заткнуть дыру в голове?

Проблема вот в этой самой голове. Затыкать дыру бесполезно, лучше поставить сито. В крайнем случае заменить голову.

...

Как бороться с маниакально депрессивным псинозом, чтобы его победить?

Если **не это** опечатка, то автор письма, возможно, собака. См. будущий 21-й том полного собрания моих сочинений, будущая книга «Псинология, или Учение о собачьей душе». А в этой книге — несколько из нее отрывков (стр. 255).

...

Скажите, как повести себя так, чтобы случилось какое-нибудь чудо?

Перестаньте себя вести, и случится.

...

Что читать вперед (для лучшего восприятия) Искусство быть собой или другим? По названиям понятно, что естественно собой. Вобщем я спросил. Спасибо.

Для лучшего восприятия слово «естественно» лучше писать правильно. По буквам понятно, что в общем я ответил.

Воистину, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Объясняя природу неврозов, в качестве общей модели я приводил самочувствие человека на бревне, по которому легко пройти на маленькой высоте, а на большой — страшно до невозможности... И вот иллюстрирующее письмо:

Доктор, обращаюсь к вам с сексуальной проблемой. Дело в том, что каждую супружескую ночь моя жена представляет собой высоко поднятое бревно. Как его опустить?

Для опускания бревна можно обзавестись домашним подъемным краном моей авторской конструкции. Производство штучное. Бревно легко опускается с любой высоты, но учтите, что превращение бревна обратно в жену производится силой воображения самого заказчика.

...

ДОКТОР, ИЗВИНИТЕ ЗА НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОС... ВЫ ЕЩЕ ЖИВЫ?

А вы, друзья?..

Кто кем работает **детская медитация**

*Лес работает собой.
Вес работает собой.
Пес работает собой.
Нос работает собой.
Кот работает собой.
Год работает собой.
Мышь работает собой.
Шиш работает собой.
Вошь работает собой.
Вождь работает собой.
Дождь работает собой.
Вдох работает собой.
Мох работает собой.
Дом работает собой.
Гром работает собой.
Ум работает собой.
Шум работает собой.
Суп работает собой.
Суд работает толпой.
Суть работает судьбой.
Бог работает душой.*

ПОДВИГ ДУРАКЛА

Юмор – это в конце концов разум.

Жюль Ренар

Погодите, я обязательно объясню, кто такой Дуракл. Не сейчас. Чуть погодя.

А сейчас надо поднатужиться и отодвинуть от стены пианино. Зачем? Затем, что под пианино закатилась моя пуговица. Такая пуговица, без которой... Ну вы понимаете. Очень нужная. Незаменимая.

Можно было бы и просто какой-нибудь палочкой или линейкой под пианино пошуровать, чтобы ее зацепить и извлечь, эту очень нужную пуговицу. Пошуровал. Еще и еще раз пошуровал все подпианинное пространство. Без толку. Наверное, пуговица где-то у самой стенки застряла, под плинтусом.

...Ф-ф-ф... Отодвинул. Пришлось для этого отодвинуть еще и шкаф, полный книг, нот и старых пластинок, он прижимал пианино вплотную — а шкаф так тяжел оказался, что его потребовалось предварительно разгрузить, наглотавшись пыли и сотворив бардак. И пианино не легонькое, между прочим: инструмент старинный, добротный, немецкий «Беккер», и дерево, и металл полновесные... Не оказалось под ним никакой пуговицы. Только пыли куча и старый союз-писательский билет мой, давно ненужный. А когда нужен был подлец — спрятался, сюда вот и зашмыгнул, а теперь нате вам.

Садизм, вот что это такое. Садизм вещей.

Что ж, придется все загружать-задвигать обратно. А где искать пуговицу, непонятно. Не в интернете же. Где-то ведь она здесь, родная, поблизости, оторвалась только что...

Загрузил-задвинул. Пот вытер. А вот вам, здрасьте, и пуговица искомая. Западло классическое: покуда хозяин, тщаь обнаружить беглянку, вершил свои мебеле-двигательные подвиги, сидела она у него же в туфле, под пряжкой. И надо же было суметь так ловко притаиться, сделав сперва ложный маневр...

Потеря времени и сил, хоть и не смертельная, но непропорциональная до нелепости, очередная дань собственной дури.

Зато теперь кто такой Дуракл, объяснять не надо: он перед вами. Геракл — тот, помните ли, подвиги совершал грандиозные и необходимые людям или богам, похожим на людей по запросам. Дуракл тоже подвиги совершает, но... Подвиги эти нужны разве что для личностного роста. Сгодятся и цирку или театру абсурда. А Богу — для развлечения...

Когда родился Дуракл, как произошел? Дуракл был всегда и пребудет, Дуракл вечен.

Когда Дуракл получил свое имя?

Когда я понял, что я Дуракл.

Было это не так давно... скажу точно: одиннадцать лет назад, жарким летом. Дочке Маше было тогда меньше года. Вез я ее спящую в коляске, гуляли мы около Битцевского лесопарка в московском районе по имени Чертаново. Шли по травке конного стадиона. На пути нашем возник забор — высоченный частокол острых металлических жердей. Вдоль забора — деревья, густые кусты. А за ним дорожка, очень красивая и удобная для прогулок с коляской. Только вот попасть на нее — как? Вправо — забор, влево — забор...

Принимаю решение: через забор перелезть. Вместе с коляской и дочкой в ней.

Мальчишеское решение. С детства я это дело люблю — перелезать через заборы, всяческие заборы. У меня получается. Каждый покоренный забор оставляет в душе самоуважительный след.

С коляской и ребенком, в ней спящим, я до того никогда еще через забор не перелезал, это была захва-

тывающая задача. Справился не без риска с помощью дерева, стоявшего близко к забору: укрепившись ногами на необходимой высоте, поднял коляску, перенес, удерживая, через забор, потом перенесся сам, коляски не выпуская, спустился...

Не слишком легкий, скажу я вам, цирковой номер! — пара прохожих старушек, увидев его, застыла в изумлении, граничащем с шоком... А Машенька даже и не проснулась.

Все удалось, только все было зря.

Перебравшись на дорожку и пройдя метров пятнадцать, я увидел... Калитку. Нормальную, хорошую калитку, открытую для прохода, в том самом заборе... С той стороны я ее не углядел из-за густого кустарника, а также из-за привычного недоверия к отечественным заборам, в которых всегда есть дыры для пацанов, собак, кошек, алкашей и воров, но нет проходов для детских колясок.

«Ну ты Геракл!» — сказал мне Внутренний Голос. И чуть тише добавил: «Дурак». — «Кто-кто? — переспросил я, — дурак или Геракл?» — «И то, и другое,» — ответил Голос. — «А нарекаешься ты отныне Дураклом в наименование всех подобных тебе, совершающих подвиги, не добрав знания о действительности или, хуже того, перебрав».

Герой шибко узнаваемый.

Был это мой надцатый подвиг Дуракла, то есть, не первый и не последний.

Научные сведения о Дуракле и дураклизме

Возможно, Дуракл как типаж к вам лично отношения не имеет. Но, смею заметить, типаж этот распространен повсеместно и повсеуременно и выявляет себя как в житейских мелочах, так и в гигантских масштабах эпох и цивилизаций. Более того: согласно последним научным данным, мной лично полученным и статистиче-

ски достоверное число раз проверенным на чужом и собственном опыте, дураклизм есть самая суть недомыслящего существа по имени человек.

Дуракл, он же Гомо Недосапиенс:

поднимает грузы неизвестного веса,
стреляет из пушки по воробьям,
входит в воду не зная броду,
говорит «гоп» перед прыжком,
чем обязывает себя прыгнуть,
отправляется за телушкою за три моря,
семь раз отрезает, один раз отмеряет,
оказывает медвежьи услуги,
строит вавилонские башни,
прошибает лбом стену и оказывается
в соседней камере с черепной травмой,
воюет с ветряными мельницами,
жертвует собою без спроса...

Дон Кихот — главный святой всех дураклов, наша дуракловская икона.

Реальных персонажей, явивших миру чудеса дураклизма, хоть отбавляй. Боясь оскорбить чьи-то чувства, ограничусь наблюдением, что двадцатый век, в котором я жил, не чая добраться до следующего, был для моего отечества веком по преимуществу дураковых подвигов. (Это не касается только Великой Отечественной Войны; да и то — с какой стороны посмотреть...) Россия не страна дураков, как народ ее в сердцах называет, нет, это страна дураклов, великих дураклов. И мои дедушки-бабушки, и родители, и я сам внесли в строительство дураклизма немалую лепту.

Виктор Степанович Черномырдин подвел итог: хотели как лучше, получилось как всегда. Если не хуже...

Ништяк, прорвемся.

Из казуистики дураклизма. Трактор пополам

Ништяк, я сказал. А что такое ништяк?.. Только что осознал, что значение и происхождение этого слова мне не известно, знаю только, что употребляют его просто-речно, когда хотят что-то одобрить или кого-то ободрить или похвалить. Звучит слегка разухабисто, напоминает дружеский шлепок по заднице, да?..

Этим-то вот словом приятель мой и тезка тракторист Вовка, из той деревни, где у меня дом был, выразил свое отношение к дураклизменному случаю, который я сейчас опишу.

Представьте себе картину: проселочная дорога, идущая через лес, перелески, поляны... По этой дороге от селения Палкино добирался я к своему Власово — когда пешком, когда на попутном грузовике, если проходимость была, или на тракторе... Стояла глубоченная вечная грязь на дороге этой, великая российская грязь-непролазь, дождями превращавшаяся в трясиное месиво, где можно было местами утопнуть, особенно если спланировать сподобишься носом вниз по пьянке, что иногда с местными жителями случалось.

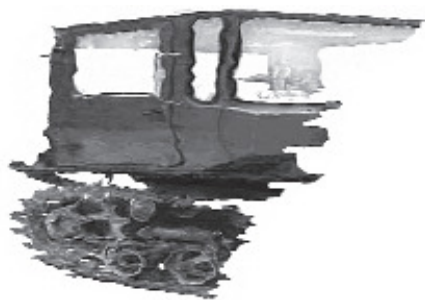
А в сушь гряземесиво застывало, становилось ухабами, колдобинами, буграми...

Картинка вполне обычная для глубинки нашей. И вот как-то летом, в сухое время, топаю я от Палкино с рюкзаком за плечами и вижу впереди на дороге трактор. Обрадовался: может, подвезет.

Да не тут-то было.

Поближе подхожу. Трактор странный какой-то, маленький, больной, что ли. Еще ближе подхожу — вижу: это не трактор, а половина трактора с торчащими из нее металлическими потрохами, зрелище жутковатенькое. И погружены эти полтрактора намертво в затверделую грязь, так что гусеницы еле видны.

А поодаль, метрах в тридцати-сорока, в таком же в дорогу влитом положении, еще увидал полтрактора с потрохами. И — никого вокруг...

Я — думать да гадать, что же произошло тут, кто трактор разорвал пополам да еще растащил две половины на порядочное расстояние. Злой великан из лесу выбежал, трактор ему не понравился?.. Или сам трактор, впад в острый приступ трактофрении, взорвался и произвел раздвоение своей тракторичности? Страшно представить, что произошло в этот миг с трактористом...

Сказочная и психиатрическая версии уступили место космической, энэлошной: инопланетчики безобразия сие сотворили, попавшиеся ненароком, стало тарелочникам любопытно, что у тарахтелки внутри. Эти ребята и не на такое способны... Тракториста, небось, взяли к себе живьем изучать, потом, память отключив, отпустили...

Успокоенный этой рабочей гипотезой, пошел дальше. Уже почти у самого дома Вовку встретил, он ехал на своем тракторе и как всегда радостно меня поприветствовал:

— Здорово, Володь! Чуть раньше выехать, встретил бы... Похмелиться пришлось.

— Ниче, допехал... Ты мне скажи, Вовк, что это там на палкинской дороге случилось? Трактор пополам кто разорвал, не знаешь?

— Не знать-то как. Мы с Коляхой и разорвали. Егорыч застрял на нем — ни в какую, вылез, допер до правления, нас позвал. Литр, говорит, ставлю, кореши, выручайте. Тут же и поставил. Посидели. Поехали. У Коляхи машина сильная, у меня тоже еще фурычит. Доехали, смотрим: ушел, б...., глубоко, да еще напахал. Ну мы по прицепу сзади и спереди, дергать начали — кому повезет. Никому, падло, не повезло: дернули разом оба — и пополам. Поддатые были нормально. Ништяк! Списали...

Из казуистики дураклизма. Человек-туалет

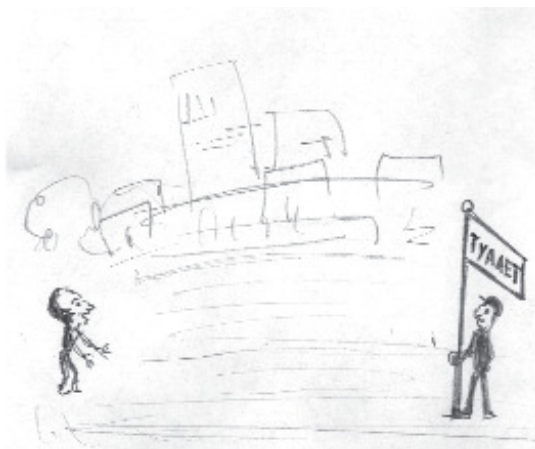
Вот еще картинка из области дураклизма, именно что картинка, не более. Но картинка, исполненная рукой мастера.

В том же Чертаново, на том же конно-спортивном комплексе очутился однажды я ранним утром. Только-только рассвело. Конный стадион и прилежащие пространства были совершенно пусты. Я по ним брел задумчиво в полной уверенности, что я на этих просторах один.

Оказалось — нет, не один.

На большой площади, шириной примерно в пол-Красной, в самой середине ее стоял человек. Одинок и неподвижно стоял, как стоят часовые на посту. А рукою одной держал длинную плакатную жердь с надписью:

ТУАЛЕТ

Около получаса, не отрываясь, смотрел я на этого удивительного человека. Он продолжал стоять, не меняя позы, лишь слегка пошевеливаясь. Что бы это значило? Посреди пустой площади никакого туалета не было и быть не могло. Не было туалета (я изучил эти места) и поблизости... Что он хотел сообщить, кому подавал сигнал? Возможно, вовсе не людям, и понимать надпись следовало не буквально?..

Я удалился, а человек-туалет остался. Может, так и стоит до сих пор, проверить бы.

**Герою не повезло,
но зачем же стулья ломать?
Мистический дураклизм**

Строго говоря, предыдущий случай к этой разновидности тоже относится, и, вдуматься ежели, всяческий дураклизм глубоко мистичен, ибо здравому уразумению не поддается.

У каждого, даже отъявленного реалиста и скептика, случается в жизни нечто необъяснимое, выходящее за рамки какого-либо понимания. Не отношусь к числу коллекционеров чудес; более того, я как раз и есть этот вот самый отъявленный скептик и реалист, вышколенный наукой, — не верю на слово даже себе самому, подавай мне факты, удостоверенные объективными наблюдениями, соотнесенные со статистикой...

Но обыденную наблюдательность никуда не денешь, и память пока не подводит; а жизнь гнет свое, и те же память и наблюдательность заставляют признать: случаются, наряду с событиями общего типа, такими, как дождь или рождение ребенка, и события не статистического ряда — если не одноразовые, то настолько нечастые, что краткость нашего существования заставляет признать их уникальными, то бишь чудесами.

Витиевато выразился?.. Ну вот пример, мелочь совсем. Сажу днем один дома, работаю, пишу. Пора

сделать перерыв, погулять в парке. Как обычно, перед тем, как выйти, проверяю и выключаю все в доме, чертоватое какими-либо безнадзорными неприятностями — нагревательные электроприборы, воду, если течет, газ, если горит... Захожу на кухню, убеждаюсь: газ выключен. Форточки все закрыты (чтобы голубь не залетел, как бывало)... Ушел.

Через пару часов возвращаюсь. В доме все в том же порядке. Все, кроме одной мелочи, которую обнаружил, зайдя на кухню согреть чаю. А именно: у ручки одной из четырех конфорок газовой плиты отсутствует пластмассовая насадная рукоятка. Торчит голый металлический стержень. Где рукоятка?..

Уходил — была, помню точно, конфорки все проверял. На пол упала, плохо держалась, свалилась?.. Нет, на полу рукоятки не оказалось. Ни под столом, ни под шкафом, ни за плитой... НИГДЕ.

Вся кухня и весь дом в последующие дни и потом много раз, вплоть до моего выезда из этого дома, тщательно и многократно обыскивались на предмет возможного обнаружения злосчастной рукоятки. Напрасно.

Исчезла. Сгинула.

Объяснений сему факту (назовем его по масштабу фактиком, фактишкой, крохотным чудишкой) — нет. За время моей прогулки никто в дом не заходил. Никому рукоятка от газовой конфорки понадобится не могла, никому, кроме какого-нибудь захожего барабашки или кого-то еще *оттуда*...

Оттеню одно сопутствующее чудишку обстоятельство. Жил я тогда около Преображенской площади, на улице Большая Черкизовская — в районе Москвы, отличавшемся, по разным независимым наблюдениям, определенными особенностями. А именно: частыми так называемыми аномальными явлениями: внезапным появлением и исчезновением неких светящихся объектов, зависанием чего-то похожего на НЛО, еще разной чертовщиной и чертовщинкой типа визитов то ли привидений кое-каких, то ли перезрелых покойничков... От-

мечалась многими повышенная концентрация барабашек и экстрасенсов на душу населения.

Невдалеке от моего дома за церковной оградой у пруда находилась могила великого юродивого и провидца Корейши, прошедшего всю вторую половину своей жизни в Преображенской психушке... Почти прямо из надгробья егоросло — да и сейчас оно там, на месте — удивительное человекодеревов, смявшее могучими ветвями железную ограду...

У Кьеркегора вычитал мысль, которую не могу сейчас припомнить буквально; но суть вот: наиболее неадекватен в этой жизни тот, кто отрицает присутствие в ней иррационального. Тот, для кого все объяснимо и ясно как $2 \times 2 = 4$, все раскладывается по полочкам известных законов, логичных цепочек причин и следствий, рано или поздно получает с грохотом по башке. И удар этот идет именно со стороны тех иррациональных сил, существование коих наш логичный товарищ этой самой рациональной своей башкой категорически отрицал.

Хочу теперь поделиться с заинтересованными читателями одним из весьма многих случаев своего доморощенного мистического дураклизма, в котором явно и неоспоримо виднеется соучастие сил *оттуда* (чтобы не употреблять дискредитировавший себя термин «потусторонние»).

Случилось это там же, на Преображенке, во время писания моего многострадального романа «Сквозняк» — точно даже скажу: именно из-за писания и случилось. Материальный ущерб. Убавление числа стульев в доме.

Опишу все в последовательности, строго как оно было, притом заранее прошу извинения за невыразительный, сухо-конспективный характер описания, а не зримо-красочный, ярко-сочный, какой приличествует уважающему себя писателю. Хватит, доуважался, себе дорожке выходит — тем более, что сейчас я сижу на стуле, принадлежащем не мне, а хозяйке квартиры, где я работаю на выезде, и чужую мебель подвергать опасности не этично. Минуточку, сейчас все поймете.

Итак, стало быть, сижу я за рабочим столом у себя дома, пишу роман, финальную его сцену. Герой мой, доктор Лялин, тоже сидит у себя дома и готовится к уходу из жизни — к расставанию со всем вещественно-материальным миром, его окружающим, с собственным телом включительно. Этот переход в невещественность переживается им как вторжение в дом всеобъемлющего спирального сквозняка, смерча, вытягивающего наружу через окно, как огромный вакуумный насос, все предметы, все, что есть в доме, а что не вытягивается — приводится в хаос и разрушается. Под конец этой энтропической вакханалии герой мой остается сидеть посреди кошмарного бардака на единственном оставшемся в доме стуле, удерживаемом силой тяжести его еще не исчезнувшего, живого еще тела — и вот стул этот тоже со страшным треском разваливается на куски, и герой мой плюхается нижней частью спины на пол...

Так оно в этот же самый миг и случилось в действительности, только не с доктором Лялиным, а со мной. Да, да, хотите — верьте, не хотите — не верьте, но именно это и произошло ровно в то самое мгновение, как я картинно-чувственно себе все представил и написал, что стул под Лялиным затрещал и рухнул — да, затрещал и рухнул мой стул, и я очутился вместе с его обломками на полу возле своего письменного стола.

Две-три секунды шока, немножко боли в понятном месте... Далее естественная реакция — хохот, дико хохочу и кричу — зову с кухни тогдашнюю мою супругу Светлану, прошу свидетельствовать...

Подчеркиваю, что стул, на котором я сидел, был достаточно нов, вполне цел и никаких признаков близкой кончины не подавал. На стульях сидючи, я, разумеется, слегка двигаюсь, ерзаю иногда немножко, как всякий человек творческого труда, но никогда ни до, ни после этого случая никакой стул подо мной и не думал рушиться, вес мой тому не способствует.

Скажете — невозможно поверить, фантастика, голову автор морочит. Я сам бы так и сказал, если бы это

произошло не со мной. А поскольку — со мной, и я даже знаю, по какому принципу...

Более двух тысяч лет назад был изречен этот принцип:

ПО ВЕРЕ ВАШЕЙ ДА БУДЕТ ВАМ

— вот и подтвердилось, забавно, по мелочи, но точнохонько. А механизм подтверждения — как именно ДОС (Действующий Образ События, мой давний термин) из моего мозга перематериализовался в дураклизменное разрушение стула — тайна сия велика есть, вот-вот — мистика. Хорошо, что я не представил себе за героя чего-нибудь худшего... Пожелаю вам, мой читатель, в связи с вышесказанным соблюдать в своих творческих представлениях гигиеническую умеренность.¹

Из казуистики дураклизма. Особенности нацбезопасности

Дело было в восьмидесятых, в конторе одной в центре Москвы. Зашел как-то и вижу: посреди большого офисного зала стоит стремянка. Обляпанная штукатуркой, вся покореженная, полусломанная, но стоит.

На стремянке записка:

«Просьба лестницу не убирать, может обвалиться потолок».

Ага, думаю, забота о человеках, однако. Только ежели потолок и вправду надумает рухнуть, как эта соплюшка его удержит?..

Кругом толчется народ. Ходят люди туда-сюда, наталкиваются на стремянку, ушибаются, пачкаются... Кое-кто останавливается, тупо читает записку.

Зашел еще недели через полторы — картина не изменилась: та же стремянка, на ней та же записка.

¹ Через много лет один мой друг, которому я рассказал этот свой случай, вспомнив о нем случайно, на моих глазах провалился сквозь диван. Может подтвердить.

Еще через пару недель захожу и узнаю, что потолок только что грохнулся. Накануне вечером наконец свершилось: стремянку уволок кто-то, а потолок этого только и ждал.

По мягкости судьбы произошло обрушение после рабочего дня, пострадала только уборщица, зашибло ее основательно, но не смертельно.

Сон в ту же ночь: стою посреди кремлевского дворца, он же детский сад. Я очень высокий, упираюсь головой в свод. Ребятишки бегают вокруг, толкают, щекочут меня, а я хочу, но не могу шевельнуться и каким-то деревянно-металлическим голосом их уговариваю, бубню:

— *Ребята, послушайте... Не убирайте меня, пожалуйста: я стремянка, поддерживающая ваш потолок. Я стремянка, стремянка я, потолок ваш поддерживаю, ей же богу!..*

Этим многозначительным утверждением, пожалуй, и завершу только-только начатое описание повсеместного и повсевременного явления, обозначенного мною как подвиг Дуракла и несомненного достойного премногих томов научных исследований, которые, я уверен, вскорости воспоследуют, в том числе и с моим посильным участием.

Вам тоже, мои благородные друзья, я пожелал бы как-нибудь на досуге, в свободное от подвигов время, рассмотреть свою жизнедеятельность в свете открытого мною явления. Убежден, многое окажется в высшей степени замечательным, и будет совсем хорошо, если вы не поленитесь каждый свой подвиг Дуракла, малый или большой, хотя бы конспективно записывать в особую тетрадь. Когда записей накопится с десятков-другой-третий, вы обнаружите, что перечитывание их с соответствующими воспоминаниями ощутимо повышает вашу самооценку и вдохновляет на подвиги еще более впечатляющие. Человечество вас не забудет — дерзайте!

Когда я заканчивал этот портрет Дуракла, дочка Маша заглянула мне через плечо и спросила: «Пап, это ты себя изображаешь?»

ЧТО ТАКОЕ ДРЫ?

экзамен по юмору интерактивные анекдоты

Надеюсь, друзья, вам небезынтересно будет узнать, что Доктору Ю, как и вашему покорному слуге, довелось потрудиться на ниве преподавания юмора. На факультете журналистики Московского Университета это происходило — Ю вел там полугодичный факультатив юмористики и сатиры для продвинутых, как они сами себя считали, студентов.

С содроганиями рассказывал:

— Только мазохист, к племени коих принадлежу, мог это выдержать. Или садист, коим пришлось стать поневоле.

— Ну, если тебе удалось так счастливо соединить два извращения...

— От кого бы слышать, друг-психотерапевт!

— Не отрицаю, и наша работа способствует... Садомазохистский момент, вообще говоря, присущ всякой работе, преодолевающей сопротивление человеческого материала.

— Было бы чему сопротивляться. Кроме одного паренька, талант которого был очевиден с первого взгляда, и одной милой дамы с проблесками, звал я ее Антарктидочка — до поступления в Антарктиде с пингвинами работала, там без юмора никак — все мои студенты, блатные-проплаченные в основном, были как один... м-м-му... (Ю запнулся, ища подходящее слово).

— Несмеянцы?

— Если бы. В том и ужас был, что кроме вот этого паренька и Антарктидочки, которая улыбалась только, они все беспрерывно ржали, едва только меня заведев.

— Ну да, тебя ведь все знают, все видели и слышали, все от тебя ржут...

— Животный рефлекс какой-то. А у меня рвотный. Вместо «здравствуйте» первая фраза моего первого урока была злая и грубая: «Че ржете как психи? А?..» — и паузу держу, жду, пока оторжуются и смолкнут. Не тут-то было, еще пуще грохочут. — «Че ржете, спрашиваю?.. Вам что, уколы успокоительные в одно место?.. Скорую психопомощь вызвать?» — В ржачке заходятся, ржут икотно, у четверых истерика близится. Ну все, думаю, попал как кур в ощип, зачем только согласился на этот кретинский факультатив. Разогнать всех к чертовой бабушке, и дело с концом.

Тут ловлю взгляд этого скромного паренька — не смеялся единственный он, даже не улыбался, как Антарктидочка, а просто смотрел на меня тепло и сочувственно — видно было, что все понимает.

«Подойдите сюда, ко мне. Вы, да-да, вы, — подзываю его. — У вас есть зачетка с собой?» — «Есть...» — «Давайте ее сюда. Давайте, давайте». Дает испуганно. — «Та-а-к... Ставлю вам зачет сразу за полное прохождение курса... И экзамен — вот — получайте «отлично»... Подписываю... И можете на мои занятия не ходить, вам тут делать нечего».

Все разом смолкли как мертвые и разинули рты. А паренек, гляжу, побледнел, покрылся каплями пота и вот-вот на пол грохнется — шок — видать, счел, что наказываю его за то, что не смеется, выгоняю с позором издевательски так. Я его обнимаю, за плечи трясусь, за уши дергаю и воплю: *«Вы талант! Талант, слышите! Самородок! Я вижу, я вас насквозь вижу! У вас получится! Уже получается! Я вас не научу ничему! Учиться надо только у жизни! И у себя самого! Слышите? У себя самого! Мотайте отсюда, пока не поздно!»*

Паренек все же валится тихо в обморок — успеваю свой стул подставить, противообморочный массаж начинаю — практику нашу, оказывается, не забыл — а остальным говорю: «Я не пошутил, уважаемые. Мастер мастера видит издалека. Даже еще только потенциального мастера видит с первого взгляда. Уверенно

утверждаю, что этому человеку учиться у меня нечему, он и так достигнет всего, что предписано ему небом, если пойдет смело своим путем. Впрочем, — говорю очухивающемуся парнишке, — ежели любопытно, можете приходить и сюда, только чтобы я вас не видел... А вам, уважаемые, даю первое задание, и оно же, скорее всего, последнее. Вот задание — *рассмешить меня*. Да — меня. Рас-сме-шить. Не самим ржать, а меня заставить. Вынудить. Как царевну Несмеяну. Всем ясно?.. Предупреждаю: кто впредь посмеет при мне заржать, будет немедленно с занятия уда...

Ю внезапно прервался, как часто бывало, и апатично уставился в стенку. Я знал, что в такие моменты в мозгу его, как в компьютере, идет перебор бесчисленных вариантов юмористической интерпретации происходящего в данный миг, и невольно спросил себя, а не происходит ли сейчас что-то смешное?.. Нет, вроде бы ничего... Тогда почему же откуда-то из живота уже подступает судорожная вибрация, и вот-вот... Нет, определенно, есть что-то бесовское в этом человеке, что-то за гранью... С превеликим трудом сдерживая непонятный смех, спросил:

— А что дальше было?

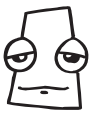
— На том первом занятии больше уже никто не заржал, только нервно похохатывали. Рассмешить меня пытались пыльными шуточками и пошленькими анекдотиками, эффект был представляешь какой. Парнишка, придя в себя, сразу же, потрясенный, ушел. На последующие занятия упорно ходил, но держался тенью, молчал и внимал, а я делал вид, что не замечаю его. Пару раз пригласил его украдкой к себе домой, попросил принести почитать свои вещички — принес, понравилось, благо, жанр оказался не слишком комическим. Сейчас его уже знают все, это А...

— Вот он кто, понятно... А остальные твои студенты?

— Улыбчивая Антарктидочка стала известной журналисткой и писательницей Л...

— А-а, припоминаю, востра бывает...

— Остальные порассосались, куда кто. Человек десять в рекламные агентства устроились. Один в олигархии подался. Двое — в книготорговцы, оптовики средней руки. Прочие — по журнальчикам, по газеткам. На ТВ заметна девица, которая больше всех истерила... У одного толстячка свое радио объявилось, препохабнейшее. В общем, могу похвастать, что десятка полтора начинающих графоманов от литературы я отучил успешно. По крайней мере, от жанра юмористического.

— И то дело. Вот этим запретом ржать и заданием тебя рассмешить отучил?

— Этим и отучил. За ржанье выгонял с занятий безжалостно. Один раз целую группу всем скопом выгнать пришлось.

— Как, сразу всех?..

— Вот как дело было. Прихожу на занятие в нормальном, что редко со мной случается, расположении духа. Напоминаю своим питомцам: «Для овладения нашим предметом, который именуется юмором, необходимо прежде всего научиться владеть собой. Не ржать из-за чего попало. Вообще не ржать никогда. Сдерживать идиотский смех. Сохранять полную невозмутимость. Помните! — за ржанье каждый заржавший с занятия немедленно удаляется.

А теперь выполняем задание на находчивость и нестандартность мышления. Я сейчас вам задам оригинальный вопрос (сам в этот момент еще не знал, какой), а вы мне дайте на него обоснованный, разумный ответ или необоснованный и неразумный, но — каждый свой.

Приготовились?.. (В этот миг вопрос и придумался). Что такое ДРЫ?.. Вопрос повторить?.. ЧТО ТАКОЕ ДРЫ?»

Тишина. Нервная тишина. Смотрю — несколько человек зажали себе рты и беззвучно трясутся. Другие трясутся, низко опустив головы. Дальше хуже — начали трястись столы, стулья, задрожал пол. Но никто — ни звука, все сдерживаются из последней мочи...

Наконец, Антарктидочка, меньше всех трясшаяся, но красная как помидор, тянет руку — ага, думаю, вот и первый ответ. — «Пожалуйста». А она писклявеньким голоском: «Можно выйти?..» Тут все и грохнуло во все глотки. Антарктидочка выбегает вон. Стою, жду, пока успокоятся — не успокаиваются, ржут пуще и пуще. Еще раз пытаюсь вопрос повторить (нашел способ успокоить...) — куда там, все уже в полной истерике, несколько человек попадали под столы... И осталось мне только самому вскочить на свой стол и заорать громово: «Вон отсюда! Все — вон! Выгоняю всех!»

С диким гоготом все вываливаются в коридор, а я стою на столе и вдруг замечаю, что ржу и сам, как идиот, в одиночестве. Такого со мной никогда еще не бывало, я и не знал, что умею ржать.

— Ну да, ты же ведь у нас агеласт.

— А тут на тебе, стою, ржу, одиноко и безутешно ржу, сам не знаю над чем — ну, думаю, все, допреподавался, крыша поехала, к Леви пора обращаться.

— Не припомню что-то, чтобы ты ко мне по этому поводу...

— Обошелся в тот раз рыбалкой.

— Ага... А что же такое ДРЫ? Ответил ли кто-нибудь?

— Ответили. Все ответили. На следующем занятии. Совершенно спокойно. В письменном виде. Каждый свое.

— ?..

— Думаешь, помню?

— Ну хоть один ответ. Антарктидочкин, например.

— Что-то вроде вот этого: «состояние души, в котором становится совершенно ясно, что такое ДРЫ. Этому состоянию способствует многочасовое пребывание на солнце и отсутствие каких бы то ни было мыслей в голове. Состояние сродни нирване, несмотря на то, что является его полной противоположностью».

— Состояние ДРЫ, ага, понял, нормально... Так как же у тебя эти ребятки зачеты сдавали, экзамен по юмору?

— Смеешься, какие зачеты. Подписал всем под конец автоматом, что факультатив пройден, и все. Анекдот никто так и не смог сочинить простейший. И так уж им объясняю, и эдак показываю, что анекдот есть блоха, скачущая со своего места в неожиданном направлении — бесполезно, тупят в ожидаемом. Одна только Антарктидочка в пяти-шести пробах из десяти показывала что-то приближающееся к остроумию — и то не на самостоятельное сочинение, а на окончание начатого — блоха уже на месте сидит и кусает, осталось только подпрыгнуть. Так я и называю эти анекдотные упражнения — блохами.

— Я что-то подобное в ролевой психотерапии делаю: начинаю сценку с одной-двух заданных реплик, а дальше требуется свободно продолжить... Покажешь блох?

— Ну вот, пожалуй, хоть эти, что ли... На детском уровне большинство. Сочинял я эту бодягу там же, на занятиях, импровизировал. Нормальные ответы-окончания давала одна Антарктидочка — далеко не в десятку, но кое-где что-то есть... Один или два анекдотика уже в народе гуляют, в интернете можно найти.

Блохи

Анекдотные упражнения

Задание: закончите начатый анекдот.

*Можно в нескольких вариантах,
но в этом случае обязательно укажите,
какой вариант вам кажется наилучшим.*

. 1 .

Летят два голодных орла над горной кручей.

Один острым орлиным глазом заметил, что на одной из вершин растянулся червячок.

Говорит другому:

— Смотри, вон вкусный червяк, съедим?

Другой отвечает:

— ...

. 2 .

Сидит кошка, чешется. Рядом лежит щенок, смотрит на нее. Кошка говорит:

— ...

. 3 .

Муж и жена в постели смотрят телевизор.

Муж:

— Давай переключим на эротику.

Жена:

— ...

. 4 .

Бежит козел по степи, на рогах бумажка, на которой что-то написано.

Козел забегает на ферму, подбегает к фермеру.

Тот снимает бумажку и читает:

—

. 5 .

Приходит человек к врачу.

— Доктор, понимаете, склероза у меня нет, только одна проблема: забыл, как меня зовут.

Доктор говорит:

—

. 6 .

Бежит Черепаха по зоопарку и орет:

— Кто хвост потерял? Кто хвост потерял?

Тут выскакивает Директор Зоопарка и кричит:

— Я! Я!

В это время в палату вошел психиатр и сказал:

—

. 7 .

Сидит человек, листает книгу, а в ней все страницы пустые. Другой подходит и спрашивает:

— Почему у вас страницы пустые?

Первый человек отвечает:

—

. 8 .

Сидит человек, в шляпе у него дырка. Из дырки вошь вылезает и говорит:

— ...

. 9 .

Идут два динозавра по долине. Вдруг подул сильный ветер. Один динозавр спрашивает другого:

— Это что, буря?

— Нет, — отвечает другой. — Это

. 10 .

Психиатр сидит за семью замками, понаставил везде сигнализацию, видеозрачки, подслушки и пр. и говорит сам себе:

—

. 11 .

(Маленькая притча).

Сидит человек, сочиняет анекдоты и плачет.

Подходит другой человек и говорит:

—

. 12 .

Поссорились чайник с кофейником. Кофейник говорит:

— Я чайник!

Чайник:

— Я кофейник!

Тут входит хозяин

. 13 .

Помидор подходит к овощной полке, принюхивается, строго спрашивает:

— Кто здесь пахнет?

...

. 14 .

Приходит человек в ресторан в боксерских перчатках.

Садится за столик. К нему подходит официант.

— Вам что-нибудь принести?

— Принесите, пожалуйста, нарезанной телятины.

— Простите, — полюбопытствовал официант, — а почему вы в боксерских перчатках?

—

. 15 .

— Поздравьте меня, я уже три года занимаюсь прыжками в воду, и наконец —

. 16 .

В кабинет психиатра вползает на брюхе пациент.

Врач:

— Вы что, считаете себя змеей?

Пациент:

—

. 17 .

Ползет гусеница по листочку. Видит большой красный цветок

. 18 .

Ловит мужик рыбу. Поймал золотую рыбку.

— Ты золотая? — спрашивает.

— Ну золотая...

— Три желания можешь исполнить?

— Ну могу...

— Можешь сделать меня самым богатым человеком на земле?

— Ну могу...

— Сделала уже?

— Ну сделала.

— Можешь сделать так, чтобы все красавицы мира принадлежали мне?

— Ну могу.

— Уже сделала?

— Ну сделала.

— А можешь...

— Ну могу, могу. Ну сделала уже.

— Слушай, рыбка, а чей-то ты такая, будто все тебе по фигу?..

—

. 19 .

Сидит человек в кафе. К нему подсаживается блондинка со смелым декольте, в миниюбке.

— Давай покатаемся

. 20 .

А эту маленькую штучку я сочинил специально для своего четырехлетнего сына. Взрослым она может показаться не смешной. А мой сынишка способен слушать ее по двенадцать раз на день и ухохатываться.

Здесь привожу всю историю за исключением конца последней фразы.

Лежит одна коробка. В коробке — сумочка. В сумочке — мешочек. В мешочке — носочек. В носочке — бумажка. В бумажке — тряпочка. В тряпочке — червячки. А червячки — ...

Варианты окончаний анекдотов моей студентки — на стр. 302.

Психотерапевт пациенту:

— Освободите себя ото всех предрассудков, и с облегчением убедитесь, что в голове вашей не осталось ни одной мысли...

В начале был смех

интервью с доктором Ю

Все хотелось куда-нибудь пристроить один стишок, понравившийся в свое время замечательному поэту Лене Уховой. Когда-то, в бытность корреспондентом «Комсомольской правды», Лена взяла у меня интервью. Стишок, ею вдохновленный, — пародия на интервью, но не наше с ней, а другие многие, по моей специфике. Вот он, пусть поиграет роль первого эпиграфа к этой громадной главе.

А ЕСЛИ, или Большая любовь к...

*из интервью доктора Л. Прави
корр-ке журнала «Попса» П. Зачехленной*

П.З. – А вы когда-нибудь любили?

Л.П. – Еще бы.

– А кого?.. Секрет?

**– Секретов тьма. Вот вам ответ:
была любовь – автомобили.**

**Но не взаимная, увы,
о чем и догадались вы.**

– ?..

**– Не приютят, не приголубят,
не тормозят, когда повлю...**

– Машины, значит, вас не любят.

– И я их нынче не терплю.

**Не дай мне Бог автомобиля,
в его колесной пустоте**

рычит энергия дебила

и номер смерти на хвосте.

Нет, никогда я не привыкну

и поклоняться не хочу

ни имбецилу мотоциклу,

ни идиоту тягачу.

Ни шевроле, ни мерседесы

в мои не входят интересы,

и самый современный форд

мне нужен как монашке черт.

– А... а...

– ...Вот если б вы спросили,
какой же транспорт – для меня,
ответ старинный был бы в силе:
коня! Пол царства за коня!
– Есть где держать?
– Помилуй боже.
Столь именитому врачу
в конюшне принимать негоже,
мне не простят таких причуд.
– А чем вы лечите?
– Касаньем.
– Чем-чем?..
– Невинным баловством
и канцелярским описаньем
в листке каком-то путевом
извилистого гражданина,
который спит на пианино,
поскольку с детства глух и нем,
унылого телосложения,
но все же чуть живее, чем
читатель без воображенья.
– Ваш пациент или герой?
– Ближайший родственник.
– Ваш дядя?
– Не-ет, он лелеет геморрой
и в нужник ходит при параде.
Гораздо ближе.
– Э... А кто?
– Мое осеннее пальто.
– Вы шутите.
– Ни в коем разе,
экстравагантность не по мне.
Когда подходит сдвиг по фазе,
ложусь и сплю лицом к стене. И вам советую.
– А если бессоница?
– Ну что ж, тогда
аутотренинг в черном кресле
и минеральная вода.
– А если не помогает?
– Пойте песни,
в бассейн ходите каждый день,
вообразив, что вы тюлень,
составьте план оздоровизма:
трусца, рысца, холодный душ,
по вечерам хороший муж,

*а если не поможет – клизма,
массаж...
– А если...
– «Если» – значит гложет
какая-то мечта. Долой.
Пальто сожгите – вдруг поможет,
вдруг там и скрылась под полой...
– А если нет?
– Тогда отдайте
в химчистку, раз и навсегда.
И впредь диету соблюдайте,
и минеральная вода,
и больше ничего.
– В химчистку?.. Мечту?..
– Ну да. А я вам дам расписку,
нисколько Бога не виня,
что вы лечились у меня...*

Доктор Ю тоже оценил этот стишок — в нем, сказал он, столько иррациональной иронии, сколько достаточно, чтобы почувствовать, как тебя достают читатели, журналисты и пациенты, и какой зануда ты сам.

В той же деревне...

Теперь второй эпиграф, который мог бы служить за-
певом всей книги.

*Когда Бог смеялся, родились семь богов,
управляющих миром.
Когда Он разразился смехом, появился свет.
Он разразился смехом
во второй раз — появились воды.
При седьмом взрыве божественного
смеха родилась душа.*

Из египетского папируса

Ну, и третий, уж кстати:

*Смех — вот единственное возможное
доказательство бытия Божия.*

Яков Кротов, священник

Как видим, одна древнейших версий сотворения
мира — сотворение его смехом. И всю материю мира,
как думали египтяне, создал божественный смех, и вер-
ховную иерархию мироуправления, и — седьмым взры-
вом — душу, жизнь жизни.

Итак, интервью **Ю** — вы уже поняли, мои проница-
тельные друзья, почему в этом слове последняя буква
заглавная. Трудно было бы предположить, что такая по-
пулярная личность, как Доктор Ю, останется без вни-
мания средств массовой информации.

Знали, правда, что знаменитый юморист не охоч
до разговоров на публике, держится закрыто и обыч-
ными в наше время средствами раскрутки упорно пре-
небрегает. Однако на сей раз по причине деликатного
свойства (шерше ля фам) допустил исключение из
своего правила и дал что-то среднее между творческим
вечером, семинаром, лекцией и пресс-конференцией под
общим устрашающим заглавием:

СМЕЯТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО

интегральный синопсис научно-практических материалов комплексного изучения смеха и юмора

Меня пригласил к участию для медико-психологической поддержки. «Не бойся, — предупредил. — Наша задача — сделать вечер как можно более скучным. Вдвоем нам занудства хватит. От автографов отобьемся вместе». — «Еще чего не хватало, сам отбивайся, а мне-то что...» Но Ю настаивал, почти умолял, и я с ужасом согласился.

Состоялась встреча на факультете журналистики в конце семестра, сразу после окончания того самого факультатива. Университетское начальство отнеслось к мероприятию благосклонно. После того случая, когда из аудитории вывалилась толпа хохочущих студентов, ректор, как раз проходивший мимо по коридору, не устал ставить Ю в пример преподавательскому составу: «Вот как надо соединять теорию с практикой. Человек юмор преподает — все со смеху умирают».

Пришли журналисты из разных печатных изданий, с телевидения и радио, понабежали студенты, преподаватели, еще люди откуда-то; в некоторых я узнал знакомых писателей, журналистов, актеров, актрис, режиссеров...

Я сидел рядом с Ю на сцене за небольшим столиком. Включил диктофон, одновременно кое-что записывал сам. Все продолжалось очень долго, реплики и вопросы в записках и с места приходили, как обычно, самые разные — и содержательные, и пустые, и умные, и дурацкие, и благожелательные, и злые, писали и говорили вразброс, не всегда разборчиво, так что привести итоговую запись в сколько-нибудь упорядоченный вид мне не удалось.

Вот эта запись, урывками, после значительных сокращений. Рваность текста усугубляется моими интермедиями — это для того, друзья, чтобы вы не подумали, будто автор хочет совсем уже внаглую вытянуть книгу за счет коллеги.

Немного понервничали

...шум в переполненном зале...

Мы с Ю топчемся за сценой, готовимся к выходу. Оба, хотя и тертые калачи публичности, почему-то волнуемся: Ю беспрерывно почесывается и сипло откашливается, я чихаю и нервно сморкаюсь.

К публике выходит для открытия встречи Ректор. Видимо, он заразился нашим волнением, потому что вместо «Уважаемые господа» или «Дамы и господа» торжественно произнес:

— Господамы!

Зал грохнул хохотом, очевидно, приняв это за хорошо спланированную шутку. Ректор секунды три-четыре стоит в растерянности, затем проявляет находчивость и говорит:

— Вы правильно меня поняли. Представляю вам наших госпо... гостей...

Зал снова грохочет и уже не смолкает, не давая Ректору больше сказать ни слова. Стоячая волна смеха, характерная для выступлений Ю, хотя на сцене его еще нет, — эффект предвосхищающего ожидания... Неожиданно Ю толкает меня в бок, молча делает рукой знак «пошли» и широкими шагами выходит на сцену. Я семеню за ним.

Зал затихает. Ректор благодарно нам улыбается — вовремя выручили, делает приглашающий жест рукой, сбивая при этом со столика микрофон, который падает с ужасающим треском, я бросаюсь его поднимать, Ректор тоже, ушибаемся друг о дружку висками, у Ректора легкий нокдаун (я-то к ударам по голове привычный, закалка боксерская плюс работа в буйном отделении), микрофон поддерживаю, Ректора ставлю на место, тьфу, то есть наоборот, зал опять в хохоте, это уже какая-то клоунада...

А Доктор Ю, как всегда, невозмутимо стоит и ждет. Он уже полностью владеет собой.

Ректор, потирая ушибленный висок, сходит со сцены и садится на заготовленное место в первом ряду. Мы с Ю

под непрекращающийся смех молча садимся. На столике уже выросла, откуда ни возьмись, грудa записок.

Ю медленно вынимает из кармана очки, очень медленно надевает их, лениво берет наугад записку из кучи (все время подносят новые), молча прочитывает и кладет обратно на стол. Смотрит в зал.

Зал притихает.

Ю — Я же предупредил вас, и в афише написано: смеяться запрещено. А вы — как всегда... Что за бесенок заводит вас? Поймаете его за хвост — поймете природу юмора, только я вам не советую этого делать. Я действительно не собираюсь вас сегодня смешить, пришел серьезно поговорить. И доктор Леви тоже — Володь, да?

Я — Ага. (*Смех в зале.*) Только не верят нам.

Ю — Ничего, заставим. (*Смех.*) Загипнотизируем. (*Хохот.*) Ладно, задавайте вопросы.

Вопрос с места. — А доктор Владимир Львович Леви ваш личный психиатр?

Ю — Да, но я не монополист, он и вам может помочь. (*Смех, аплодисменты.*) Он хороший боксер.

Процесс психотерапии идет...

Здоровье как побочный продукт юмора

Вопрос с места. — Уважаемый Ю, в интернете написано, что вы были врачом, лечили кожные и венерические болезни. Если это правда, то почему вы выбрали именно эту врачебную специальность? И почему бросили ее, оставили медицину?

Ю — Один из наших учителей, заслуженный старый доктор, говорил нам, студентам: хирургия — это когда все видно и все понятно; терапия — ничего не видно и ничего не понятно; неврология — видно одно, понятно другое; психиатрия — кажется, будто что-то видно, воображается, будто что-то понятно; кожные болезни — все видно и ничего не понятно, венерические — сперва не видно, но стыдно, потом видно и больше не стыдно...

Для хирургии мне не хватало решительности и рукоумия, для терапии — интуиции, для неврологии — памяти, для психиатрии — воображения. Выбрал видное и непонятное, интересно было решать задачки на понимание. И стыдное тоже было интересно, потому что сам долго был чересчур стыдлив и застенчив. А сменил род занятий после одного успешного случая в моей практике, когда успех был достигнут неожиданно и совсем не тем средством, от которого этого можно было ожидать.

Была у меня пациентка с тяжелым экзематозным нейродермитом, девушка по имени Ася. Болея была с детства. Чем только не лечилась — безрезультатно, болезнь прогрессировала и превращала ее прекрасное гармоничное тело и хорошенькое лицо в подобие исполосованной наждачной бумаги. Ко мне пришла уже в отчаянии. Как ни бился, ничем помочь ей я тоже не мог. На одном из приемов призналась, что запланировала самоубийство. Тут в отчаяние пришел уже я, хотел направить Асю к коллеге, сидящему перед вами, но он как назло был в командировке. (Мне.) Искал тебя, ты потом все хватался за голову, помнишь, да?

Я — Как не помнить. Случай не уникальный, но впечатляющий. Опасность суицида была, да...

Ю — И тогда я, чтобы как-то девушку поддержать, развеселить хоть чуть-чуть, с превеликим трудом уговорил ее прийти на мою литературную вечеринку в одном частном доме. В то время юмористика была для меня только хобби, средством самоспасения... Пришла Ася в старинной бабушкиной шляпке с плотной двойной горошковой вуалью на милом лице; такие вуали, маскирующие кожные дефекты и придающие даже самому заурядному лицу шарм таинственности, давно не делают, а жаль, многие страдалицы чувствовали бы себя увереннее и на косметике бы сэкономили. (*Оживление в зале среди женщин и девушек*).

Сидела, как мышка, в уголке, тихо-тихо, но когда я начал читать свое, принялась хихикать, хихикала все громче и громче, и во второй половине вечера звонкий хохот ее уже был самым слышным во всей хохочущей компании. Когда я закончил чтение, Ася, все еще хохоча, быстро вскочила и, ни словечка ни произнеся, убежала. Я это заметил, встревожился: а вдруг, думаю, после такой бурной эмоциональной разрядки наступит обратная реакция. Домой придет, шляпку снимет, себя увидит — и...

Через три дня утром ко мне на прием с огромной охапкой роз и бутылкой отменного коньяка является цветущая молодая особа. Я сперва ее не узнал.

— Доктор, спасибо. Не знаю, как вас благодарить. Вы меня вылечили.

Это была она, Ася, но поверить своим глазам я не мог. Совершенно чистая, детски свежая кожа. Полное излечение. Такое могло присниться только во сне. О подобных случаях чудесного исцеления — иконами, освященными водами, святыми мощами — рассказываются легенды, которым я никогда не верил. И вот пожалуйста. И это сделал я сам... Ну уж нет, — тут же стукнуло в голову, — это сделал не ты. Это сделал юмор. Это сделал смех и подъем настроения. Это сделала ее собственная душа. Ты только нечаянно выпустил ее из тюрьмы, сбил замок...

После этого случая я и понял, какой отраслью медицины мне надлежит заниматься. (*Аплодисменты.*)

Той же, какой занялся в итоге наш веселый предшественник доктор Франсуа Рабле, до того много времени и сил отдавший пилюлям, примочкам, клистирам, слабительным, рвотным и мочегонным, успевший побыть и монахом, и приходским священником...

На медицинском факультете, где Рабле учился, а потом и преподавал, смех был в особом почете как универсальное лечебное средство, считался гиппократовой панацеей. Самые знаменитые из факультетских медиков писали серьезные трактаты по теории смехолечения и рекомендовали пациентам смеяться не реже пяти раз в день, пока не выступят слезы и не отойдут ветры. (*Кто-то из сидящих в зале студентов то ли громко изобразил, то ли вправду выпустил ветры. Шум, смех, шиканье.*)... Ну да, вот примерно так. (*Хохот.*) А соединить теорию с практикой лучше всех удалось смехолекарю Франсуа Рабле; смехопрепарат, им созданный, — роман «Гаргантюа и Пантагрюэль», хорошо действует и до сих пор.

Вопрос с места. — *Вы потом общались с Асей? Рецидива у нее не было?*

Ю — Общались. Долго не было рецидива. Все функции организма, до того разлаженные, пришли в норму. Через несколько лет, после тяжелых неприятностей, рецидив наступил. Ася опять обратилась ко мне, и снова удалось ей помочь, хоть и не так быстро, как в первый раз, тем же способом с некоторыми нюансами. В это время я уже оставил медицину, писателем стал. Но почему бы не помочь человеку, если это выходит само...

Вопрос с места. — *Можно ли объяснить это чудо с научных позиций?*

Ю — Коллега это объяснит лучше меня.

Я — Чуда тут не было, все закономерно. О случаях исцеления тяжких болезней комическими атаками общались с древнейших времен, их засвидетельствовал и только что упомянутый отец медицины, величайший врач древности Гиппократ...

Ю (*перебивая меня*) — Тот самый Гиппократ, которого граждане города Абдеры, считавшегося в древней Греции городом дураков, пригласили для психиатрического освидетельствования Демокрита, автора «Миростроя», праотца современной физики, химии и космологии. Демокрит уединялся на кладбищах и целыми днями на разные лады громко смеялся, за что был заподозрен согражданами в сумасшествии. Побеседовав с Демокритом, Гиппократ объявил его совершенно здоровым, а Демокритов смех — средством и показателем здоровья.

Я — Кожа — экран настроения и состояния организма. На кожных болезнях всего нагляднее проявляется сила внушения, меняющего и психологический настрой, и внутреннюю среду, химию тела. Древняя практика сведения бородавок и струпов магическими заговорами, исцеление тяжелых кожных поражений гипнозом, быстрое рассасывание рубцов — все это реальные факты, и впечатляют именно потому, что видны воочию.

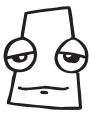

(*Обращаясь к Ю*) В случае с Асей твоя комическая атака, очевидно, произвела могучую эндорфиную бомбежку организма — то, что Демокрит делал в порядке самообслуживания. Эндорфины — вещества хорошего настроения, естественные наркотики, вырабатываемые мозгом и телом. Похоже, в Асином случае эти внутренние доктора, выработка которых блокировалась болезнью, под действием смеха вырвались на свободу, и включили другую, дотоле подавленную генопрограмму здоровья.

Вопрос с места. — *А другие случаи исцеления смехом у вас были?*

Ю — Бывали, да, мне о них рассказывали... Но вот главное: сам я ни в тот первый раз, ни потом цели излечить кого-либо юмором и смехом не ставил. Такая заданность все сгубила бы на корню. Оздоровление — побочное действие смеха, вроде того, как человек — побочный продукт любви. (*Смех, но смеявшиеся вряд ли знали, что автор этой общеизвестной шуточки — именно Доктор Ю*).

Хохотерапия для похудения?

Записка. Я прочитала недавно, что смех помогает худеть. Один врач доказал, что при громком хохоте сгорают лишние калории, и если хохотать по 15 минут каждый день, можно за год сбросить несколько килограммов веса. Я верю, но как добиться того, чтобы хохотать по 15 минут каждый день? Скупить всю комическую фильмотеку мира, всю комическую литературу? Я пробовала и помногу смотреть Чарли Чаплина, и читать самое смешное, что только могла отыскать, в том числе вас, и все равно смеяться дольше, чем пару минут, не получается, а хохотать в голос — всего секунд сорок, не дольше. Где в мире юмора найти средство для пятнадцатиминутного ежедневного хохота?..

А еще я заметила, что когда смотришь что-то смешное и вспоминаешь, что смеяться полезно, смех пропадает, уже не смешно. Что бы вы посоветовали?

Ю — Я бы посоветовал принять к сведению, что способов похудеть — неисчислимое множество, и что смеяться бывает вредно (смех и шум в зале). Я говорю серьезно, как врач. Почти всякое лекарство есть яд, и почти всякий яд есть лекарство — все дело в дозе, а также в индивидуальной пригодности и своевременности. Смех как лекарство имеет и множество показаний, и множество противопоказаний. От хохота у некоторых геморрой и грыжи вылазят, смещение позвонков происходит, разрывы сосудов и многое прочее, до смерти включительно.

Докторам, которые советуют регулярно хохотать, я бы посоветовал попробовать сначала самим выполнять свое предписание. Смеяться по заказу — такой же ужасный и, по счастью, невыполнимый абсурдный труд, как по заказу любить. От регулярных попыток заказным смехом можно быстро откинуть коньки либо сойти с ума.

С места. — А от цекотки?

Ю — Не знаю, на меня щекотка не действует, но знаю многих, кто от нее смеется насильственно — щекотка ведь просто насилует мозговой центр смеха — и потому-то люди боятся щекотки, особенно дети, и правильно боятся.

Я — А я знаю и случаи, когда от щекотки умирали, и тех людей, для которых щекотка — единственный способ посмеяться и получить удовольствие, в том числе от интимных сторон жизни. Я бы тоже пожелал нашим слушателям поаккуратнее относиться к смеху...

Ю — Имеешь в виду народное то ли наблюдение, то ли поверье, что после веселья и смеха непременно приходится горевать и плакать?

Я — Да, резон в таком опасении есть — и по закону отмашки эмоционального маятника, и потому, что во время буйного хохота критическое сознание может уехать в отпуск слишком уж далеко и надолго: «пировали — веселились, подсчитали — прослезились...»

Ю — Смех, и особенно в степени неудержимого хохота, есть судорожное состояние, своего рода насилие мозга над собою самим и телом. Неврологи знают, что такое насильственный смех при органических поражениях мозга — жуткая пытка, кошмар. Но и безо всяких мозговых поражений смех иногда срывается с тормозов и несется черт знает куда. В средние века в Европе то там, то сям вспыхивали массовые эпидемии безудержного хохота — целыми толпами, безостановочно, изнурительно, день и ночь хохотали и дети, и взрослые, и старики. Связано это было, как можно догадываться, с суровыми церковными запретами, с непрерывно нагнетавшимся чувством вины и страхами, опутывавшими жизнь тогдашних людей, — такая вот массовая маятниковая отмашка в противоположную сторону, вулканический прорыв подсознательных сил... Лечились подобные эпидемии всего успешнее музыкой.

И в наше время эпидемии хохота нет-нет да и возникают среди детей и подростков. В шестидесятые годы прошлого века серьезная смехоэпидемия на-

чалась среди девочек в школе-интернате одного из восточно-африканских селений. Ученицы смеялись непрерывно целыми днями и заражали друг дружку. Школу пришлось закрыть, но эпидемия перекинулась на соседние селения, захватила и взрослых. Сообщали, что больше тысячи людей в этом районе безостановочно хохотали несколько дней подряд, некоторые умерли от истощения...

Милой особе, задавшей вопрос о похудении с помощью хохота, я бы искренне пожелал забыть и про похудение, и про хохот. Достаточно быть просто открытой необъятному миру юмора — он везде, он в вас, не надо его искать, просто доверьтесь ему, не изменяя своим вкусам, но *развивая* их, и юмор сам вас найдет и отъест у вас необходимой дозой смеха ровно столько килограммов, сколько ему нужно, я его знаю, аппетит у него хороший (*аплодисменты, смех*).

С места, голос мальчишеский. — *А можно от излишнего юмора вылечиться?*

Ю — Можно. Я давно уже вылечился. (*Смех.*) Даже от не излишнего. Мой доктор, как я сказал уже, хороший боксер (*смех*), перестарался немного...

О юморе при депрессиях

Сцена есть сцена — на этой последней реплике мне ничего не оставалось, как поддержать шутку принятием роли: покосившись на Ю, слегка взбучиться, поиграть плечами. Хорош же Ю, обещал все всерьез...

Я, впрочем, и вправду однажды на загородной прогулке слегка его помолотил, было дело, достал он меня. Не вырубал, по голове не бил, только пару ребер потрескал — он не обиделся, понял, что это лечебно.

Было еще несколько записок о смехолечении и юморе организма, на которые Ю не ответил, только без комментариев зачитал. На некоторые пришлось отвечать мне.

Записка. *Я не лишен чувства юмора, даже, как говорят друзья, бываю полтора раза в день остроумен. Но временами наваливается такой депресняк, что с трудом удерживаюсь от последнего шага... В такие периоды чувство юмора не отказывает, но находится как бы за стенкой: юмор по одну сторону, я по другую. Смех какой-то чужой. И остроумие мое тоже отделяется от меня, даже может усиливаться, но мне от этого еще больнее, еще тоскливее... Что посоветуете?*

Я — Похоже, речь идет о серьезных депрессивных состояниях возвратного или нерегулярно-периодического характера. Личность автора записки, кажется, близка к так называемому циклоидному типу. Чувство юмора у таких людей бывает повышенным, сохраняется и может даже обостряться во время депрессий, хотя юмор в это время, как правило, обретает черноватый оттенок.

С депрессиями такого ранга нужно разбираться обстоятельно, врачебный совет по коротенькой записке давать не серьезно. Для самостоятельной ориентировки могу предложить свою книгу «Не только депрессия». А вот насчет юмора мнение выскажу. Вы говорите, что вам от вашего остроумия при депрессиях не легче, а только тоскливее. Верю, сам испытал подобное... И все-таки пожелал бы вам не отказываться от этого дара, а всячески его культивировать и развивать, пусть с ним даже и тяжелее бывает, зато достойнее. На то вы и человек.

О пользе боли

Записка. Как вы относитесь к поркотерапии? Только не смейтесь, я такую книжку недавно читал: автор рекомендует порку как универсальное средство чуть ли не от всех болезней, розгосечение по спине и по заднице, до кровавых рубцов. И еще настаивает, чтобы мужчину секла обязательно женщина, строгая и суровая, а женщину соответственно мужчина. Уверяет, что поркотерапия вылечила его от инфаркта и еще кучи болячек, а также от депрессии и навязчивостей. Метод, прямо противоположный смехолечению?

Я — Да, пожалуй, хотя на глубине механизм един. Боль — мощный стимулятор жизненных сил, а проходя, может усиливать и выработку веществ хорошего настроения. Что дозированная боль может помогать справляться с разными недугами, и телесными, и душевными, я не сомневаюсь, для самооздоровления некоторые болевые приемы и к себе применяю...

С места. — Болевой самомассаж?

Я — Да, разумное самоизбиение, плюс некая доля самопыток вроде валяния на сосновых шишках, ледяных обливаний и прочая — хорошее дело! При депрессиях и других расстройствах настроения — в самый раз.

Что же до поркотерапии, то здесь врачебное начало, похоже, подмочено мотивациями иного рода — речь явно идет о сладких парочках садист-мазохист.

О смехе в неподходящие (?) моменты: юмор интима

Записка. Что делать, если во время близости с мужем разбирает смех? Только начнем, принимаюсь неудержимо хохотать, ничего с собой не могу поделывать. Муж заражается и тоже начинает хохотать, так ничего у нас и не получается. Муж злится: «Ты меня импотентом делаешь». Пожалуйста, помогите.

(Долгий смех в зале после зачитания.)

Я — А знаете, вам и помогать-то не требуется. Вы сами себе помогаете, только этого не понимаете. Смехом вы помогаете себе быть человеком — смотреть на себя со стороны, видеть иначе... Ведь вправду почти все наши физиологические дела на взгляд ребенка, например, либо ужасны, либо смешны, в том числе и эта неуклюжая возня... Смех вам сообщает, что вы человек, что душа ваша желает свободной быть и от супружеских обязанностей...

А то, что смех этот неуправляемый и несвоевременный, так на то он и смех. Своевременный смех бывает только на заседаниях кабинета министров.

Кто это постановил, что в интимные моменты запрещено смеяться? Смейтесь себе на здоровье, а мужу скажите, чтобы он смех ваш не только поощрял, но чтобы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** смеялся вместе с вами. Чтобы заставлял вас смеяться, чтобы *требовал* смеха, да-да, именно вот тогда, когда... И все будет, как говорится, хоккей.

Сколько лет самой старой шутке? Про злой смех и добрый

Неразборчивая записка, Ю не смог прочесть и в очках; еле-еле прочел вслух я.

Привожу сокращенно.

Каким был юмор наших предков, древних, первобытных людей?.. Какие вехи в истории юмора можно обозначить? Каково ваше собственное представление об этой истории, о ее возможном продолжении в будущем?.. Может быть, «юмор спасет мир»?

Ю (мне, тихо) Ну и наворотили... *(В зал)* Чтобы изложить историю мирового юмора даже предельно кратко, необходимо во всех подробностях изложить всю мировую историю. Придется немножко здесь задержаться, вы на это готовы? *(Смех.)*

Юмор вечен, и между делом спасает мир испокон века. Каким был юмор самых древних людей, знать нам с достоверностью не дано, однако кое о чем можно догадываться. Три основных источника догадок — жизнь, игры и юмор племен, оставшихся вне пределов современной цивилизации; фольклор, игры и юмор разных народов; и наконец, развитие ребенка, веселье, игры и юмор детей.

Заметили? Во всех трех источниках присутствует общее начало: игра. Юмор и Игра — брат и сестра, единокровные дети Свободы и животворящего Духа.

Во всех донныне известных древних цивилизациях обнаруживаются свидетельства игрового и юмористического отношения к жизни. Старейшей записанной шуткой на сегодня считается шутка шумеров, живших в южной части современного Ирака. Какой-то тамошний остряк написал: **«Вот чего никогда не случилось на свете: молодая жена не пукала на коленях у своего мужа»**. Шутке этой девятнадцать веков — для такого возраста довольно свежа.

Любили посмеяться и древние египтяне. Шестнадцать веков назад кто-то из них позволил себе стеб по поводу своего верховного повелителя: **«Знаете, как развеселить скучающего фараона? Запихайте толпу голых женщин в рыболовецкую сеть и отправьте его на рыбалку»**.

Египтяне любили поиздеваться над фараонами, изображали их в виде небритых баб, пародировали фараонские воззвания, рисовали рядом какающих людей и гиен, непристойности, сцены садистского юмора — разбивание черепов падающими молотками... В общем, были людьми.

Гревние дреки... Простите, гре... дре... (смех)... Древние греки различали злой смех и добрый. Смехом добрым, радостным, умным заведовал бог Гелос; появлялся он обычно в компании Диониса-Вакха, бога веселья и виноделия, вдохновителя артистов. Интересно, что в Спарте святилище бога смеха Гелоса соседствовало

с храмами бога смерти Танатоса и бога страха Фобоса — смерть, страх и смех и внутри нас живут рядышком...

А божеством злого смеха, язвительной насмешки, злословия, также и богом глупости, — обратите внимание, даже глупости понадобился свой бог — был, по древнегреческой мифологии, некто Мом. Родила этого паренька, вместе с его братцем, богом сна Гипносом, Никта, ужасная богиня ночи; папой его был Эреб, воплощенный мрак, а дедушкой — Хаос, зияющая и кишащая собой пустота, да притом, что примечательно, пола мужского.

Этот Мом только и занимался тем, что ко всем придирался, выискивал у всех недостатки и по-черному их обсмеивал и обзывал. Но на Афродите прокололся — не нашел у нее ни единого изъяна и лопнул от злости. Так что благодаря прекраснейшей из женщин насмешка, злословие, а также, важно заметить, глупость — остались без божества, а следовательно, без вдохновения. Правда, и злоба — сама по себе род вдохновения; глупость тем более.

Ну так вот, переходя от древнего мифа уже к послемифию, принимая эту образную модель — этот самый мерзавец Мом лопнуть-то лопнул, но не исчез. Кусочки, на которые он разлетелся, начали, как семена, прорастать в человеческом роде, всевозможно мутировать и в разные стороны развиваться. Семена, проросшие на вершинах мысли и совести, превратились в шедевры сатиры и трагикомедии. По долинам и холмам обыденного общения из относительно облагороженных семян с умерившейся агрессивностью выросли более или менее терпкие шутки, приколы, розыгрыши, подтрунивания и тому подобное. А из осколков злобных насмешек, культивированных народным искусством — эксцентрическая комедия, карнавальное смехачество и клоунада, где много бывает демонстративного понарошечного садизма.

Другие же семечки пошли прорастать по низинам хамства, по болотам пошлости, по подвалам жестокости... Едва ли не в каждой детсадовской группке и каждом классе каждой школы найдется один или два, а то

и три-четыре маленьких момчика. Злые насмешники, дразнители, подкальыватели, издеватели, доводилы, травители. Умельцы подмечать недостатки и слабые стороны или выдумывать их, цепляться к чему угодно — к имени или фамилии, к внешности, к профессии родителей или к отсутствию таковых, к одежде, к комплекции, к национальности, к цвету волос, к любой черте характера, к одаренности... А когда и подмечать-то не требуется — человек заикается, допустим, или хромает, или косит на один глаз, или просто серьезен и хорошо учится — это был мой случай — тут уж просто нет спасу. Почти каждый хоть однажды подвергался атаке такого вот момца; некоторым от них спозаранку так достается, что травмированности хватает на всю жизнь, да еще и на передачу своим детишкам... Они могут быть и придурками, и весьма умными, но злыми и обязательно втайне завистливыми, эти сатирики по жизни.

С места. — Это агрессоры, правильно?

Ю — Да, конечно, психические агрессоры. А в сильно выраженной степени, я бы даже сказал, психологические террористы и палачи. Фильм «Чучело» помните?..

Семена лопнувшего от злости божка, сколько я мог наблюдать, прорастают в довольно многих детишках, и в какие-то моменты могут обещать дать пышные всходы, но у большинства более или менее благополучно усыхают. Если кого-то травят издевательскими подколками и насмешками, большая часть детей или подростков лишь пассивно следует за одиночным инициатором и вожаком этого мероприятия. Крайние определения — «садист» и т. п. — применимы, конечно, лишь к очень небольшому числу случаев. Что дальше получается из малых момчат, куда повернет развитие — станут ли они злыми момцами-дьяволистами, или более или менее обычными людьми с обычным противоборством зла и добра в душе — зависит и от включений гормональных программ, и от взаимоотношений внутри сред, где дальше окажутся, от непредсказуемых изворотов судьбы, от масштабов личности...

**Интермедия — о Володе и Мите Ульяновых,
о рожках да ножках, а также о том, как быть,
когда над тобой издеваются**

Когда Ю заговорил о ребятах-момчатах, мне вспомнились читанные в отрочестве, лет в одиннадцать, воспоминания старшей сестры Ленина Анны Ильиничны Ульяновой о взаимоотношениях Володи Ульянова и его младшего брата Мити.

«...Митя в возрасте трех-пяти лет был очень жалостливый и никак не мог допеть без слез «Козлика». Его старались приучить, уговаривали. Но только он наберется мужества и старается пропеть, не моргнув глазом, все грустные места, как Володя поворачивается к нему и с особым ударением, делая страшное лицо, поет: «Напа-али на ко-озлика серые волки...»

Митя крепится изо всех сил. Но шалун не унимается и с еще более трагическим видом, испытывая брата, поет: «Оста-авили ба-абушке ро-ожки да но-ожки», пока малыш, не выдержав, не заливается в три ручья. Помню, что я ссорилась из-за этого с Володей, возмущаясь, что он дразнит маленького».

Ужасно мне, мальчику, было узнать такое о горячо любимом и обожаемом тезке (еще бы не обожать его в те-то пионерские годы). И тем более ужасно, что преподносился этот рассказ Анной Ильиничной задним числом вовсе не как минус Володин, напротив — как плюс, с одобрением: вот шалун-то наш с детства уже был какой целеустремленный и твердый характером — невзирая на попреки сестры, испытывал брата, испытывал и закалял для грядущей бескомпромиссной революционной борьбы.

До слез жаль было малыша Митю. Я ведь и сам в первом классе музыкальной школы по той же причине не мог до конца пропеть песенку про киску, обиженную и оклеветанную подлым псом Тузиком, слезы душили...

Получился тяжелый диссонанс — не совмещалась издевательская жестокость старшего брата к младшему с образом доброго Ильича, самого человеческого человека, друга детей. Что-то не то, думал я горестно, ошибка какая-то — либо одно, либо другое...

Любой поступок ребенка являет собой некую черту зреющего характера — черту, которая потом либо разовьется сполна, либо свернется до незаметности, прикроется другими или обретет новую внешность, но никуда не денется, не исчезнет. Так мотивное зерно в музыке проходит сквозь все изгибы и переливы мелодии.

Не мог я тогда еще знать, что добрый Ильич — это сказка. Что настоящий Ильич был агрессивен, зол и безжалостен к слабым, любил издеваться над беззащитными, бил зайцев прикладом... Концы с концами более или менее сошлись только когда неприкосновенный манекен Ильича, загерметизированный официозной ложью, мумифицированный, как его мертвое тело, был публично вскрыт — когда обнародовались факты и документы его жизни. Вскрытие показало, что из маленького момченка Володи Ульянова вырос жестокий многоубивец, предтеча чудовищного сталинского беспредела. Теперь это может знать каждый, кто хочет знать правду истории.

Но еще прежде, чем вышел на обозрение страшный ленинский негатив, еще в пору сытой и откровенной в своей подлости брежневской лажи, вездесущий юмор на своих кривеньких анекдотных ножках успел принести радостную во многих кавычках весть: не был наш любимый Ильич тем лубочным божеством, которое нам рисовали. В анекдотах он и водочку попивал, и по бордельчикам хаживал, и Наденьку свою за нос водил, и ходоков крестьянских посылал на три буквы, и детишек докучных грозился бритвочкой укоротить, а уж картавил-то за семерых.

В отличие от его собственной исступленной злобности и испепеляющего сарказма, безымянный сво-

бодный юмор развенчал вождя мирового пролетариата легко, мягко и снисходительно, с добродушной фантазией. Поддержав под белые ручки, стянул с пьедестала, поставил на грешную землю, но в дерьмо носом с размаху не ткнул. Выставил не богом, не зверем, а человеком с человеческими слабостями, смешного, где-то даже и мило смешного и затаенно нежного, каким он и был, только очень редко, но был. Благоговейно относился к своей маме...

Такого неоднозначного, многомерного человека можно было даже продолжать любить — я и продолжал — и доньше, удивляясь себе, любить продолжаю, всему вопреки, что узнал и понял. А если бы не анекдоты (к некоторым и я, сознаюсь, извилины приложил) — не знаю...

А что Митя Ульянов?.. И у него мотивное зерно характера сработало чисто. Получился из него человек мягкий, добрый, сердечный, каким он с детства и был. Тянуло с раннего возраста к медицине — врачом и стал, толковым и добросовестным, пациенты его любили, и он их. Революцией тоже занимался попутно — дело семейное, шел послушно в фарватере великого брата, но никого не убивал и не обижал. Владимир Ильич и взрослого Митю не жаловал, говорил о нем соратникам: «это дурак, которому впору только пряники жевать».

Дураком Дмитрий Ильич не был нисколько, был лишь слегка пофигистом и целенаправленным выпивохой. Из-за усердных пьянок и несклонности к властвованию пришлось оставить один крупный организационный здравоохранительный пост, на который его сдуру назначили подхалимы старшего Ильича.

Очень любил женщин. По зловеще-ироническому извороту судьбы одной из любовниц Дмитрия Ульянова была эсэрка Фанни Каплан, вскоре выпустившая во Владимира Ильича пару пуль. Ленин выжил, поправился, но эти выстрелы стали предзнаменованием и началом его конца.

Вот как, бывает, аукаются рожки да ножки...

Как пресечь насмешки и издевательства *памятка*

Родители детей, травимых момчатами (их во все времена хватало повсюду), и сами травимые мальчики и девочки часто спрашивают меня: что нам делать, как противостоять насмешкам и издевательствам, как защищаться?

Ответ самый общий:

- поверь в свою силу — и сила придет;
- поверь твердо, что ты хорош (хороша) как есть и объяви войну своей оценочной зависимости; обретай внутреннюю свободу и независимость;
- сам(а) добродушно смейся над собой;
- чтобы усвоить уверенность и научиться вести себя разнообразно — занимайся игро-ролевым тренингом: учись быть разным (разной); учись в том числе жесткости (но не жестОкости!);
- занимайся боевыми искусствами;
- учись понимать людей и себя, изучай практическую психологию; пойми ясно и помни: кто издевается над другими, сам внутренне слаб, зависим и не уверен в себе, хотя может казаться монстром.

И далее следующее стихотворение иногда присылаю для ободрения — хотя речь в нем не о ребенке, а о старике, с виду слабом, по причине чего и издевался над ним отморозок, с виду сильный.

ВЫБОР ВАРИАНТА

каратистская притча

*Тем, кто путь свой знает, помогают боги.
Встретились однажды на большой дороге
молодой разбойник, живший без вопросов,
и щедушный, старый, сморщенный философ.*

И сказал разбойник:

*– Знаешь ли, премудрый,
как получше встретить завтрашнее утро?*

Жалко мне глядеть на стоптанное тело.

Жить тебе давно уж, видно, надоело?

– Всех казнит Природа, –

произнес философ, –

но в делах священных

важен срок и способ,

как в хорошей песне правильная нота.

Выбор варианта – тонкая работа.

– Всех казнит Природа, –

возразил разбойник, –

но какая тонкость, если ты покойник?

Парень я ленивый, но тебе, как другу,

окажу, пожалуй, грубую услугу.

Хочешь ли повиснуть, поболтав мозгами,

или в воду рыбкой, а на шею камень?

Прикажи – прирежу. Разреши – пристукну,

придушу, как мышку, а потом мяукну?

– Всех казнит Природа, –

повторил философ, –

но в незрелых мыслях много перекосов.

Делай что умеешь. Делай, не смущайся,

но сперва с ногой моею попрощайся.

*Так сказав, премудрый вдруг подпрыгнул ловко –
кхек! – и отлетела темная головка.*

В ад пошел разбойник,

в рай – Учитель строгий.

Тем, кто путь свой знает, помогают боги.

О серьезной науке и самых простых способах рассмеяться и рассмешить

Записка. Занимается ли кто-либо изучением смеха и юмора? Какая наука изучает юмор?

Ю — Смех и юмор слишком серьезные явления, чтобы можно их было оставить без научного присмотра. Особое внимание уделяют смеху философы — не было ни одного мыслителя в человечестве, который обошел бы смех стороной и не попытался бы посадить эту птичку в клетку своей концепции. Птичка в клетке посидит, посидит, да вдруг и превратится в слона, клетку вдребезги — и на волю...

Стараются и социологи, и историки, и культурологи, и психологи, и конечно, все те же медики, и физиологи, и зоологи... Смеховеды и юморологи появились среди математиков, программистов, рекламщиков, диск-жокеев. Квантуют юмор, выводят его формулы, считая их пригодными для индустриального производства смехопродукции. Измеряют смех приборами с датчиками, устанавливаемыми на смеховых мышцах, выражают смех в единицах измерения — хахах. Один хах соответствует таким-то биотоковым импульсам, таким-то колебаниям диафрагмы и прочая. Минимальный смех — величиной в одну сто двадцать пятую хаха — зарегистрирован специалистами из японского университета Канзай у одной благовоспитанной японской старушки при просмотре мультика, от которого у ее внучки количество хахов зашкаливало прибор. (Смех.)

Наука о смехе, **гелотология**, серьезна весьма (достает из кармана бумажку), вот текст из научной статьи:

...ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ВОЗНИКАЕТ ПРИ ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДВУХ НЕЗАВИСИМЫХ КОНТЕКСТОВ В ТОЧКЕ БИСОЦИАЦИИ, КОГДА ДВА КОНТЕКСТА, ДРУГ ДРУГУ ЧУЖДЫЕ, НАЧИНАЮТ КА-

ЗАТЬСЯ НАМ АССОЦИИРОВАННЫМИ, И ВОЗНИКАЕТ КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС, КОМПЕНСИРУЕМЫЙ РЕАКЦИЕЙ СМЕХА...

(Когнитивный диссонанс в зале, компенсируемый реакцией смеха).

Если перевести эту ассоциацию на человеческий язык, то получится, например, фраза моего друга — укладываясь на диван с книжкой, говорит жене: «Я минут пять почитаю, разбуди меня через два часа». *(Смех.)*

То же на другом уровне: хотите моментально развеселить себя и рассмешить окружающих?.. Истошно закричите петухом, а в конце крика изобразите икоту или чихание. Можно и пук, и рвоту... Резко столкните одно с другим... *(В зале пробуют, хохочут...)*

Или: крик петуха — пауза — размышление — и мяу!.. Или гав!.. Или муу!.. Петух как бы опомнился и вспомнил, что он кошка, собака или корова...

Можно и без крика петуха, можно без пука, икоты и рвоты, просто внезапное сочетание любого действия с каким-то другим, неуместным...

(В зале разные пробы и взрывы хохота).

...Тянитесь к кому-то с нежным поцелуем и, совсем приблизившись, вдруг резко поверните лицо в сторону с выражением громадного интереса к чему-то другому — скажем, к подъезжающему к остановке автобусу. Изображение наслаждения вкусной едой или поцелуя, резко или постепенно переходящего в любое из вышеперечисленного с петухом, тоже даст должный эффект...

(Пробы предложенного... Шум и хохот в зале...)

Сфотографируйте свое или чье-то лицо один раз со свирепым выражением, другой с умильно-ласковым; введите эти фотографии в мобильник или компьютер, поместите рядом и начните быстро чередовать показ одной и другой так, чтобы показалось, что лицо само, как в кино, меняет свое выражение. Туда и сюда, сюда и туда...

Один из спусковых крючков смеха — ошибка ожидания, сознательного и/или подсознательного. Столкновение разнонаправленных ожиданий, внезапное несоответствие чего-то чему-то, промахивание, непопадание или попадание не туда — не катастрофическое, или катастрофическое, но с виньеткой.

Не знаю, зачем я это все вам говорю, ей-богу, лучше один раз посмеяться, чем получить сто объяснений смеха...

Еще о науке, одной ноге и морковке

С места. — *Вы иронизируете над наукой о смехе. Ратуете за ее упразднение?*

Ю — Нет, почему же, я за науку. Отдельная наука о смехе имеет такой же смысл, как отдельная наука о голове, о носе, о волосах, о пупке, о правой ноге, о левой...

Жила была одна нога.

Она не знала ни фиги.

А что касается другой,

то та вообще ни в зуб ногой.

(В зале повисло молчание. Это была импровизация Ю, ждали продолжения, но Ю сделал длинную паузу).

Ю — Смеховедение — часть человековедения, человековедение — раздел жизневедения, а жизневедение входит в ткань общего мироведения. Смех и юмор сообщают нам нечто важнейшее о сокровенной сути Вселенной. Они показывают, что мироздание многомерно, что оно умно и таинственно, что в нем есть и закон, и свобода; что оно само себя зеркалит и развивает, что оно нас испытывает, вызывает на состязание, приглашает к игре и сотворчеству...

С благодарностью относусь к изысканиям, в которых главным — но не единственным, не отчлененным от всежизненного Целого предметом исследования оказывается смех и его повелитель — юмор.

Уважаю вечно юного Аристотеля, для которого смех вместе с речью — первейшее отличие человека от животного. Аристотель дал определение смешного и комического, не исчерпывающее и не совсем правильное, но верной своей частью сгอดившееся на последующие времена до сегодняшнего включительно: смешное — это *не пагубная ошибка или безобидное безобразие*. По другим интерпретациям — *неболезненное, терпимое или одолимое зло...*

Иллюстрация моего студента Левишкина:

*Как объяснил нам Аристотель,
смех – это глядя в виде тети,
не устрашающий урод
с улыбкой задом наперед.
Его прыжки невероятны,
его страдания нам приятны,
и все позволено ему –
лишь не смеяться самому.*

Портрет клоуна... От аристотелевского определения плясали в разные стороны многие.

*Бодрый мистер Томас Гоббс
в юмор вгрызся словно мопс;
главный вывод томасгоббства –
смех есть радость превосходства,
в этом видел Гоббс корысть
и продолжил юмор грызть,
грыз он, грыз он, грыз он юмор
до тех пор, пока не умер.*

Притчу о слепых, ощупывающих слона помните?.. Вот еще одна иллюстрация.

*Как заметил Спиноза,
смех – такая угроза,
на которую можно
наплевать осторожно
и бродить по базарам,
по дворам, по тавернам...
Смех веселый, сказал он,
не бывает чрезмерным.*

Это опять Левишкин интерпретировал, и вот его же пассаж о чемпионе скуки в мире науки.

*Занудой был профессор Гегель.
Смех от него как заяц бегал,
но он поймал его за хвост,
поставил на попа как мебель,
обрезал кое-что как стебель
и занял кафедральный пост,
весьма серьезный, на котором
диалектическим прибором
Фортуны целя между ног,
во времени довольно скором
он юмор задавил измором,
а шутки выдумать не мог. Ни одной.*

С места. — Как вы относитесь к Бахтину?

Ю — С пользой и удовольствием читаю великого культуролога, оригинального мыслителя, автора превосходного труда о Рабле и его эпохе, о сущности карнавалов, о смехе народном. Замечательно представление Бахтина о культуре как диалоге с Другим и с самим собой... А смех Бахтин опоэтизировал и воспел как воина-освободителя человеческих душ — и это во времена, когда вольный смех был на мушке у всемогущих мерзавцев...

Я — Мне довелось одно время врачебно помогать Михаилу Михайловичу. Он был инвалидом, передвигался на костылях и страдал бессонницами. Я по его просьбе выписывал ему снотворные.

Ю — Для некоторых из сидящих здесь услышать, что ты выписывал снотворные Бахтину — почти как узнать, что я лечил от чесотки Фрейда. (*Смех в зале.*)

Я — Не шути так, а то поверят. Фрейд, кстати, тоже был смехообъяснителем со своей колокольни...

Ю — Что это за колокольня, все знают, с нее и вправду видно кое-что из того, чем сегодня не рас- смешишь уже никого... А вот то, что создатель психо- анализа сам сочинял анекдоты, в том числе про себя, знают не все.

Вот один. Взрослая дочь Фрейда приходит к отцу.

— Папа, а мне вчера снилась морковка.

— И что ты с ней делала?

— Я ее съела. Ужасно, да?

— Не волнуйся, деточка, бывают и просто сны...

Не все табу еще в гробу

интермедия о неприличии: мат и юмор

Припоминаю один международный конгресс пси- хологов в Москве. Время позднесоветское, близ пере- стройки.

Огромный зал, переполненная аудитория слушает доклады ведущих мировых специалистов. Сажусь в зад- них рядах. Вдруг замечаю, что на несколько рядов впе- реди меня сидит мой тогдашний приятель и шуточный конкурент Игорь Губерман, узнал его со спины.

Сидит как-то странно: то и дело вздрагивает, тря- сется, подпрыгивает на месте, раньше такого за ним не замечал. Несколько раз вставал и, держа в руках какие- то листки, быстро-быстро пробирался к боковому вы- ходу, потом возвращался, вздрагивая и трясясь...

В перерыве подхожу: «Что с тобой? Тебе плохо?..» — «Тс-с-с! — отвечает Игорь зловеще-жизнерадостным шепотом. — Мне хорошо». — «А чего трясешься? Вско- киваешь, то и дело бегаешь куда-то...» — «Не куда-то, а в сортир. От смеха трясусь». — «Доклады смешные?»

— «Ты что, какие доклады? Скучища тут, мухи дохнут. Не от докладов я ржу». — «А от чего?» — спросил я осторожно, уже начиная подозревать, что психологические конгрессы на впечатлительных людей могут оказывать сомнительное воздействие; но Игорь, сколько я его помню, всегда был образцом сокрушительной нервной устойчивости.

— Выйдем, покажу.

И повел меня в туалет, где дал читать те самые листки, с которыми туда-сюда бегал.

— Не могу оторваться. То и дело приходится выбегать и ржать, выбегать и ржать...

Это был самиздатски напечатанный на папиросной бумаге первый из великоматерных романов Юза Алешковского «Николай Николаевич». Роман, за чтение и распространение коего в годы те еще можно было оказаться в местах не столь отдаленных.

Я немедленно принялся за чтение вперемежку с Игорем. Не могу сказать, что на меня матерный шедевр произвел то же воздействие, что на него, но доля культурного шока случилась, — примерно как если бы на опере «Евгений Онегин» главные герои вдруг пустились в стриптиз. Дослушивать докладчиков-психологов расхотелось.

(Из моих бесед с Доктором Ю)

Я — Почему я ни разу не слышал от тебя мата? Знаешь ли, что это психоаналитически подозрительно?

Ю — Знаю, сексоманьяки не матерятся. Может, и я маньяк подсознательный, как практически все, но для меня мат просто скучен. Слишком легко. Слишком понятно и слишком можно. Стандартно.

Я — Ну как это — слишком можно?.. Хоть и сказал матерый матерный классик: «Я табу в рот гребу», запреты на сквернословие все-таки какие-то еще действуют...

Ю — ...у определенной части населения в определенных ситуациях в определенное время. И на радио и ТВ мат пока еще кое-когда заменяется свистом. А я от-

матерился еще на первом курсе мединститута. Год матом разговаривал, особенно в анатомичке, а потом вдруг как отрезало. Отреагировал за школьные годы, когда материться хотелось очень, да не моглось, затабуирован был. Теперь запретного плода нет, вот и не хочется; наоборот, душа протестует. Кругом матерятся — тошнит...

Я — Ладно, у меня к тебе два вопроса на обсуждение. Первый: в чем сокровенная суть и таинственный смысл мата, почему и зачем он?

Второй: взаимоотношения мата и юмора.

Ю — Начнем сразу со второго. Юмор и мат — две огромные фракции в менталитете, два великих течения в океане общения — самостоятельные, независимые друг от друга, но где-то пересекающиеся и друг друга использующие. Оба выпускают пары подсознания и размахивают флагом свободы души и свободы речи. Но в отношении к свободе и заключена разница, даже вражда: флаг свободы у мата черный, у юмора же всецветный. Юмор с табу танцует, в том числе с матом. А мат юмору на ноги наступает.

Соперники, конкуренты за звание Вольноречия.

Много ли знаешь остроумных, по-настоящему юморных матерщинников?

Я — Редкие экземпляры.

Ю — Вопрос в доминанте — что движет, что главное. Человек с матерной доминантой к юмору не склонен, ведущий его импульс — экспрессия, самовыражаться ему надо, притом стандартно, а не сообщать миру нечто забавное. Матерясь, можно играть шута, эпатировать, сотрясать мозги — но не юмор это, а в лучшем случае шокотерапия. Лишь некоторые юмористы и остроумцы элитного класса, Фаина Раневская, например, могут и даже любят играючи применить мат и приграничные с матом слова...

Я — Типа г..., ж...?

Ю — Да, и крепче, все что угодно, безо всяких табу — но — великое НО: со вкусом. С ограничением, как перец и соль к еде. С точным чувством уместности.

Когда без — нельзя или не так смешно, а значит неправильно. Именно вот когда без мата неправильно. Обосновать логически это невозможно, все в чувстве, как музыкальный слух.

Я — Музыкальный слух к мату, ага... Но ведь как правильно: без мата или с матом — решается не по учебникам литературы, а по привычкам среды общения. Для моего соседа каждая фраза без мата — неправильная.

Ю — Вопрос также в уровне. Юмор, даже самый убогий, содержит в себе мысль, ну хоть огрызок мысли. А мат с мыслью несовместим, мат ее шлет на те буквы, из которых сам состоит. Мат — идеальный способ не мыслить.

Я — Ну не скажи. Вот Юз Алешковский, например, мыслит матерно. Я тоже иногда... про себя.

Ю — М-да... И Пушкин баловался матерком, да еще как, Барков отдыхать пошел... Алешковский — не пионер мата в русской литературе, а терминатор совковых литературных приличий. Со времен «Николая Николаевича» лихая протестная разнузданность благополучно деградировала в тошнотворную пошлость. Но, слава Богу, плинтус, ниже коего опуститься уже нельзя, культурой нашей и мировой еще не достигнут. Многовековая битва между чистоплюями и грязеплюями, выразимся так, еще длится; хотя исход сражения кажется предрешенным, чистоплюи все еще упорно сопротивляются, не все табу еще в гробу...

Тайна мата открывается в исследовании развития языка. Когда-то весь матерный лексикон был равноправной частью общеупотребительной речи, запретного и неприличного не было ничего. Постепенно, вместе с сословно-классовым расслоением, расслоилось и словоупотребление. Религиозные табу тоже разгородили язык. С утверждением христианства многое телесное стало грешным, запретным, в том числе и слова, обозначающие это телесное.

Значения вполне мирных, спокойных слов и оборотов за несколько веков неузнаваемо изменились. К при-

меру, одно из грязнейших ругательств, относящееся к чьей-то матери (сами слова «мат» и «мать» одного корня...) первоначально было не ругательством, а утверждением своего статуса в иерархии и означало: «Я старше тебя», «Ты мне в сыновья годишься» или даже напрямик «Ты мой сын».

Первичные наивные словесные обозначения телесного низа и его деятельности попали сперва в разряд грубых, потом в неприличные, а потом и вовсе в запретные, языкопреступные. Пришлось искать им замены... И возникло в языке шизофреническое положение: слова, обозначающие одно и то же, имеют разное употребление, несут разные контексты, принадлежат словно бы разным народам.

Ребенку можно сообщить, что слова попка и пипка — хорошие, разрешенные, а ж... и х.. — плохие, грязные, запрещенные. Но ребенку невозможно объяснить, почему это так, разве что отделаться иронической отговоркой Януша Корчака: «Это объясняется исторически».

Я — Запрети слово «нос», и лет через сто мальчишки начнут его на стенах писать? И все наденут на носники?

Ю — Наверняка. Можно приказать и ребенку, и неискушенному в исторической психологии взрослому не употреблять такие-то слова — и приказ будет при некоторых условиях выполняться: взрослые, допустим, не будут материться при детях, дети — при взрослых, а в наилучшем случае и мужчины при женщинах, а женщины при мужчинах. Но и те, и другие будут чувствовать свое лицемерие, согласованную фальшь, договор о лжи — друг перед другом прикидываться, будто таких слов вовсе говорить не умеем.

Я — А нарушение этого договора об обоюдной лжи есть оскорбление личности и удар по нравственности и общественному порядку. В каких-то случаях может быть приравнено к сумасшествию.

Ю — Да, оскорбление, осознанное или неосознанное, да, удар ниже пояса, словесное изнасилование.

Да, взаимное лицемерие. Но ведь и ношение одежды — точно такое же лицемерие, такая же взаимная ложь, будто бы мы не голые, такая же алогичная условность, такой договор.

Я хочу этому договору следовать. Я не желаю, чтобы кто-то насильственно сдирал с меня одежду или себя непрошенно выставлял в голом виде. На нудистском пляже, на порносайте, на стриптизе — пожалуйста, но не вламываясь в мое личное пространство без спроса, не перед носом у меня, у моей жены и ребенка. Не знаю, как ты, а я, когда слышу рядом похабный мат, в транспорте или на улице, особенно если со мной женщина или ребенок, чувствую громадное желание немедленно расстрелять матерщинников или, на худой конец, очень крепко побить им морды.

Я — Я тоже, и иногда морды бивал, тут же, на месте, или отсроченно... Но с течением времени, попадая в нескитанный раз в ту же матово-патовую ситуацию, перешел, главным образом, на юмористический способ реагирования, потому что понял, что: а) живу в зверинце; б) все морды не перебьешь, конституцию менять надо; в) подавляющее большинство этих матерных морд не имеют намерения ни лингвистически насиловать, ни оскорблять окружающих, осложнять им жизнь и как-либо нарушать лексическую экологию. Они просто не ведают, что творят, и ведать не желают, у них нуль рефлексии. Они думают, что ведут себя естественно и свободно. Им нет до вас дела. Они говорят между собой на своем языке и считают, что имеют на это полное право, они ведь не в кабинете начальника, не в кремлевском дворце, не на похоронах и не в загсе.

Ю — Доводы здравые, а душа не смиряется. Успокаиваю себя тем, что сквернословие — лишь один из синдромов всемирной духовной шизофрении, одна из зияющих дыр человеческого несовершенства...

Я — ...и у нас на Руси дыра эта зияет с воистину богатырским размахом. Такого гигантского разрыва между народной ненормативной речью и нормативно-

официозной ты не найдешь больше нигде. И такого матерного могущества, такой самодовлеющей мощи этих худых словечек, для которых и десяти пальцев сосчитать — много будет...

Ю — Этому изумлялся еще Достоевский...

Я — Когда я в заостромской глухомани жил и бродил по лесам, нашел там село Разбоево, по местному название звучало несколько иначе — Разъ(.)бово. Все обитатели его, от стара до мала, изъяснялись исключительно матом, других слов просто не знали, разве что предлоги и союзы были более или менее человеческие.

Пересказать речь этих людей можно только многоточиями; и при этом они легко и свободно говорили о самых разных предметах — об урожае, о погоде, о ценах, о политике, о здоровье — узнав, что я врач, несколько человек все на том же многоточечном языке попросили о помощи...

Попав туда, сперва ничего не понял, подумал горестно, что меня гонят — матерят на чем свет стоит — но делают это почему-то с приветливыми лицами и улыбками, наливают воду, дают молока попить. С трудом сообразил: люди хорошие, просто у них местный диалект.

Ю — Да, писали этнографы-фольклористы о некоторых таких реликтовых поселениях ...

Я — Действительно, как я узнал потом, это не единственное такое село. Легенда: будто бы основал Разбоево-Разъ(.)бово беглый каторжанин, разбойник, который умел говорить только матом, зато красиво. Витиевато, богато выражался. По другим версиям это был беглый солдат или матрос... И раздобыл этот лингвистический гений себе молодую девку из окрестной деревни и наплодил с ней детей, которым свой дар передал по наследству, сохранению и упрочению коего способствовала отдаленность села от остальных мест и добротность угодий, позволявшая обходиться почти без внешних сношений.

Ю — Итак, да здравствует великий и могучий, правдивый и свободный!..

Я — Пускай даже слишком правдивый!

• • •

*Позвольте маленький сюрприз:
в Париже видел я стриптиз.
(Париж – латиницей: Paris,
но «s» французы не произ-
носили с той поры, как из-
менили древний свой прононс
и звук пошел не в рот, а в нос).*

*Я спал. В партере было тесно.
На сцене раздевалась стерва.
Седые чресла в жирных креслах
дрожали, вытрясая сперму,
меж тем, как жертвенная кошка,
изображая злую течку,
струилась как сороконожка,
переползающая свечку.*

*Итак, я спал. Гремел стриптиз.
Припомнил кстати: грек Парис
прекрасен был как кипарис,
морально слаб как человек,
и был троянец, а не грек,
неважно, стало быть, стриптиз,
и он решал, которой из
троих богинь вручить свой приз.*

*Тот древний конкурс красоты
мы обойдем за три версты,
дабы не рухнуть носом вниз:
а вдруг нас вызовут на «бис»?
А если вдруг случится криз
гипертонический? А вдруг
бумажник выпадет из рук,
а в нем валютный счет, запис-
ная книжка с телефонами и адресами,
паспорт, виза и мало ли еще что.*

*...Уже истерзанное платье
в неистовом змеилось свисте;
уже замученный бюстгальтер
покончил жизнь самоубийством,
и с агонирующих ляжек
как ручейки текли колготки,
и в срамоте крючков и пряжек
дымился прах последней шмотки,*

*как вдруг у кого-то выпал
пельмень,*

*но я спал
и не мог оказать врачебную помощь.
Пардон, monsieur!*

Крыса в штанах

ИнтервьюЮ, меж тем, продолжалось.

Записка. *Есть ли юмор и смех у животных?*

Ю — Не сомневаюсь, что свой юмор есть и у комаров, и у мух, и у тараканов (*смех*), и у страусов, и у жирафов, и у растений, бактерий и вирусов.

Свой, понимаете?..

Чтобы судить о юморе других существ, нужно понимать их языки, законы их жизни, коды общения, знать конкретику их бытия и быть в ней. Наука к этому еще только издалека приближается, но уже ясно, что чем подробнее изучается какой-то из видов животных, тем больше у него в поведении обнаруживается условной целесообразности, то есть игры, и чего-то похожего на наш юмор и смех.

Обезьяны играют всячески, озорничают, прикалываются, издеваются друг над дружкой, при этом по-своему улыбаются, смеются, хохочут. Самые человекообразные из них, шимпанзе, делают это почти по-человечески, узнаваемо для людей, только без речи, — на своем языке поступков, жестов и звуков, но почти понятно для нас. Как и у людей, основная доля игро-юмористического поведения приходится на юную часть населения, но и среди взрослых и пожилых обезьян попадаются юмористы, некоторые даже устраивают творческие вечера...

(В зале смех: эта фраза была сказана голосом известного эстрадного юмориста П.).

У дельфинов, существ интеллигентных и благожелательных, чуть ли не вся жизнь проходит в веселой игре, и среди разнообразных звуков, которыми они обмениваются, многие напоминают смех — и по смысловому контексту, и по типу звучания, только в другом акустическом диапазоне.

Крысы, играя, щекочут друг дружку, при этом пискляво хихикают и осклабляются: это мимика удовольствия, доказано опытами со вживлением электродов в мозг...

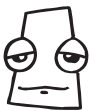
Кошки улыбаются и смеются всем телом. Игривость котят и молодых кошек общеизвестна, но распространенное мнение, что они при этом только репетируют охоту и драки, ошибочно: самые игривые коты как раз меньше всего склонны и к охоте, и к дракам. Игруют кошки для собственного удовольствия и не упускают случая потешить домашних. Есть среди них те еще приколисты. У нас на даче жил кот-крысолов по имени Шурик, он шуриться любил (*показывает — как, в зале смех*). Ловил Шурик крыс ночью где-то под домом, душил, но ни одной не съедал, а регулярно клал нам в обувь, в тазы, ведра, кастрюли и сковородки, а также в куртки и штаны, если они были ему доступны. Любил наблюдать эффект: обычно сидел неподалеку от положенного в нужное место трофея, шурился и терпеливо ждал, пока кто-то выйдет, обнаружит и оценит.

Собаки — это подтвердит каждый наблюдательный собаковод — умеют разнообразно улыбаться и по своему смеются, играя и радуясь — фыркая такой дых (*показывает через микрофон, зал одобрительно смеется*). Собачий смех заразителен: обнаружено в экспериментах, что смех этот, воспроизводимый в аудиозаписи, может служить прекрасным успокоителем для собак тревожных и злобных — они перестают гавкать, выть, скулить и рычать, начинают дружественно вилять хвостами и улыбаться. (*Из зала: «Вот бы и людей так!»*)

В поведении некоторых псов полно иронии — мой скоч-терьер Бяша, например, только и занят тем, что

надо мною подшучивает. Когда собираюсь уходить без него — он всегда это знает — приносит мне в пасти один ботинок, стоит и кончиком хвоста и одним ухом спрашивает: может, второго не надо, одного хватит? Второй припрятывает... Перед самым уходом приносит и делает вид, что долго искал и очень устал. Все это, конечно, разыгрывается для того, чтобы смягчить грусть расставания, ведь для собак расстаться на полдня — что для нас на месяц-другой...

Овцы зевают всем стадом

Вопрос с места. — *Наука — дело долгое, скучное, а что вы сами, как практик, могли бы сказать о происхождении смеха и юмора в человеческом мире?*

Ю — То же, что и о происхождении человека: тайна сия велика есть. Даже если бы я знал эту тайну — скорее всего, она гениально проста — я не раскрыл бы ее вам, опасаясь злоупотреблений из-за утечки информации...

Человек не произошел. Человек происходит. В процессе все, в деле, в потоке создания, в бесконечной череде проб и ошибок. И смех и юмор не произошли, а с непрерывностью происходят — не сотворены, а творятся.

Нет в нас с вами ничего завершеного. Нам только кажется, по краткосрочности тутошней нашей жизни, что человечество уже есть, вон сколько его... Живя по секундной стрелке истории, движения часовой, минутной даже — не видим, только разницу в положении можем кой-как отметить несколько раз — от просыпания до засыпания...

Если бы я был Богом и сотворял человека, то сперва бы смеялся от радости — какое чудо получается, потом плакал бы от горя и ужаса — какое выходит чудовище, потом зевал бы от скуки — какая ограниченная и пошлая оказалась тварь. Но поскольку единичные искорки во тьме человеческой мое божественное зевание время от времени нарушали бы — то чудесностью своей, то чудо-

вищностью — я бы не устал повторять попытки сотворить из этих существ что-нибудь посимпатичнее и поинтереснее, я позволил бы этому роду продолжиться и развиваться. Я бы все время помнил, что еще не досотворил человека, что только начал. Трудность доделывания человека меня вдохновляла бы, и я не успокоился бы и не оставил бы свое творение без внимания и поддержки до той поры, пока оно не достигло бы уровня сознательного саморазвития — целенаправленного самотворчества, космического самоделания.

Тогда, наконец, мы смогли бы на равных встретиться, поговорить по душам и решить, что делать с собой, со Вселенною и со смехом дальше. (*Аплодисменты.*)

Смех развивается вместе с человеческим телом, юмор — вместе с духом. Смех — инструмент, юмор — играющий на нем музыкант...

Я — Бывает, на инструментах играют не музыканты...

Ю — Можно и так сказать: смех — это краски, а юмор — художник. Представим все возможные отношения музыканта и инструмента, художника и его выразительных средств — и увидим весь объем взаимоотношений юмора и смеха во всех их сортах, качествах и нюансах.

Случается, да, что инструмент есть, музыкант же отсутствует, или такой, что лучше бы не было. Среди тех, кто рисует, много ли художников?.. Низкопробный, тупой, глумливый, жлобский, быдловый юмор, не заслуживающий звания юмора, — многотысячелетний кошмар нашей предчеловеческой жизни, современной включительно, и увы, в степени усиливающейся. Пещерные сумерки духа...

С места. — Смех, не связанный с юмором, пустой, голый смех, даже без щекотки — это нормально?

Ю — Смотря для кого. Для ребенка лет до семи, иногда даже до двенадцати или четырнадцати — совершенно нормален смех просто от хорошего настроения, от радости жить, по любому поводу и без такового. Дальше — уже

под вопросом. Бесповодный смех для некоторых характеров норма, а в других случаях — знак патологии: голый, не связанный с каким-либо содержательно-смысловым началом смех некоторых душевнобольных или глубоких олигофренов, истерический смех — плач навыворот, насильственный смех при неврологических расстройствах, после инсультов и травм, при хорее и прочая... Все это уже ближе к чистой психомеханике.

Центр смеха в мозгу возбуждается у одних людей очень легко и сильно, кое у кого возбужден почти постоянно, у других — действует слабо и трудно, может быть и катастрофически недоразвит, как у меня. (Смех в зале, аплодисменты). Я серьезно говорю, между прочим. (Хохот.) Володь, подтверди.

Я — Не знаю, в твои мозги не заглядывал, но раз так считаешь, тебе видней.

Ю — В оправдание замечу, что юмор без смеха и даже без улыбки возможен. Ирония предполагает сугубую серьезность, но содержит в себе смех, как химикаты выражаются, в связанном состоянии.

Биологически смех — такая же функция организма, как кашель, чихание, зевание и плач — негатив смеха, его мозговой сосед. Изначальная цель у всех этих древних рефлексов одна — внутреннее очищение и освобождение от напряжения. В ходе развития рефлексы разветвились и обособились: чихание очищает верхние дыхательные пути, кашель — нижние. Зевание очищает мозг, словно насос, подкачивает его ионно-кислородным питанием. Смех и плач — уравнивают психику. Действуя с противоположных полюсов эмоциональной шкалы, временно примиряют внутренний ад и внутренний рай. А вместе с эмоциями уравнивают и весь организм. И то, и другое — и плач, и смех — можно назвать *противоадием*.

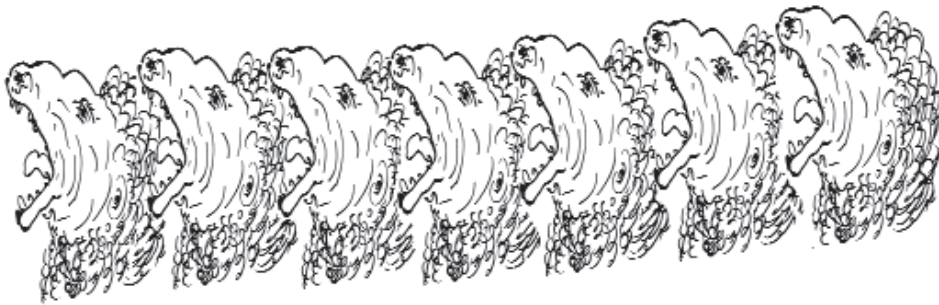
С места. — А зевание?

Я (сдерживая зевоту) — Зевание — древнейший самоспасательный рефлекс при нехватке кислорода в мозгу. Прообраз — судорожные движения жабрами,

которые делает рыба, выброшенная на сушу. Для нас, бывших рыб, хорошенько зевнуть — значит вырваться из насильственного торможения, отдалить засыпание...

Ю — ... а заодно навести торможение и сон на кого-то другого. Я своего сынишку, к ночи чересчур расшалившегося, приближаю ко сну вот так (смачно изображает зевание... еще... по залу прокатывается волна зевоты).

Зевание — сигнал застоя не только в мозгу, но и застоя душевного — скуки, угрожающей душе смертью заживо, и мы прямо сейчас еще раз убедились, что и сигнал этот заразителен, и сама скука — заразная штука. Овцы зевают всем стадом. (Оживление в зале.)

Смехопортрет

Записка. Я прочел в одном психологическом руководстве, что каждый человек смеется одним из типов смеха: ха-ха-ха, хи-хи-хи, хо-хо-хо, хы-хы-хы, хе-хе-хе, ху-ху-ху. Каждый тип смеха соответствует типу характера. На ха-ха смеются люди смелые, простодушные, грубые, на хи-хи — зависимые и трусливые, женственные, инфантильные, на хо-хо — самоуверенные, высокомерные, на хы-хы — тупые жлобы, на хе-хе — завистливые и подлые, на ху-ху — злобные, жестокие... Так ли это? Верно ли мнение Достоевского, что смех — самый верный выразитель характера человека, снимок души — каков смех, таков человек?

Ю — Насчет ха-ха или хи-хи психологам видней, но ведь сколько угодно на свете и смеха без «х» — всевозможного гогота и ржання, стонов и визгов, закатываний и клокотаний... А серебристо-певучий русалочий женский смех? А колокольчато-золотистый смех маленького ребенка, рассыпающийся радугой солнечных зайчиков?..

Наблюдение Достоевского точное, но не исчерпывающее. Да, опишите смех человека, полно, художественно опишите — и получите его психологический портрет. Я бы только, как человек не смеющийся, добавил к этому и минусовую сторону: каково отсутствие смеха, таков человек. Опишите еще и когда, почему и как именно человек не смеется. Это труднее, зато определение характера и не только характера, но и личности — *характера и противохарактера в одной и той же душе* — приблизится к полноте.

Видов смеха и юмора, равно как и бессмешия и безъюморности, ровно столько, сколько видов людей. А поскольку видов людей столько же, сколько людей, то...

Вопрос с места. — *А это правда, что вы никогда не смеетесь и не улыбаетесь?*

Ю — Как видите. (*Тихо, в мою сторону.*) Кроме одного недавнего случая...

С места. — *А почему? Какой вид юмора вы любите больше, а какой меньше всего?*

Ю — Почему не смеюсь и не улыбаюсь — не знаю, так природа захотела, а зачем — понимаю: чтобы не мешать смеяться и улыбаться другим. (*Смех.*) Больше всего люблю те виды юмора, где меньше всего смеются. Наиболее симпатичны авторы, не ставящие целью кого-либо посмешить, но наделенные самоиронией. Люблю юмор, получающийся у детей, которые не знают, что это юмор, — забавный и милый мир маленьких человечков. Ну и, конечно, юмор животных, забавность зверячьей...

С места. — *Забавность, веселость, юмор — одно?*

Ю — И да, и нет. Забавность — не юмор и не серьез, не смех и не строгость, а смесь того и другого,

прокрашенность одного другим. Забавность бывает и веселой, и грустной, и озорной... Забавность и дает нам понять, что жестких границ между юмором и серьезом нет — есть лишь крайние полюса, а между ними подвижная постепенность, с бесконечно разнообразными сочетаниями и оттенками.

Разговорчики в раю

Записка. Какую роль юмор играет в современном российском обществе? Какую миссию несет или должен нести? Есть ли существенная разница в общественной роли и положении юмора в сравнении с предыдущими временами? И когда наши правители начнут шутить? Почему в нашем государстве политические лидеры в своих публичных выступлениях повышенно, гротескно серьезны, а на Западе то и дело подшучивают, острят, вызывая ожидаемые взрывы хохота в аудитории?

Ю — Громоздкий вопрос. Содержит спорное утверждение, возражу сразу: и западные политики, за редкими исключениями, тоже отнюдь не комики, и от их речей тоже мухидохнут. Остроумцы в политике, яркие фигуры масштаба Черчилля являются раз-другой в столетие.

Нет, пока что нигде в мире с политических трибун не льются потоки юмора. Но заметно, что действенной демократии больше там, где в политическую жизнь включен смех, комическая игра, традиция карнавала. В Канаде, например, мне рассказывали, премьер-министр выступил как-то в рождественские праздники по телевидению с талантливой сатирической самопародией на собственную официозную речь, и вся Канада дружно над этим ржала. Наши политики тоже самопародируются, притом в каждой речи (*смех*), и делают это так гениально, что сами не замечают.

Так вот: в современном российском обществе юмор никакой роли практически не играет. Не потому, что юмора нет. А потому, что нет общества. Ни современного, ни какого-либо староукладного, традиционного, ни общества будущего, хотя бы в зачатке, прообразе — у нас нет.

Были и есть только попытки общества.

У нас есть **необщество** — государство. Живем и сейчас так, как сказано было Поэтом при тиране, который его за эти слова убил — ***мы живем, под собою не чуя страны***. Страну в данном смысле можно считать не географическим понятием, а как раз синонимом общества.

Общество — это множество людей, имеющих общие ценности, общие традиции, общую мораль, общие права и обязанности, общие устремления и более или менее общий образ мыслей, общий менталитет.

У общества есть общественная активность. Есть самоорганизующиеся общественные движения и общественные организации. У общества есть то, что именуется общественным мнением, и есть средства делать это мнение действенной силой. У нас этого нет. Только попытки.

У нас есть государство, и есть контролируемое в нужных государству пределах разобщенное население.

Население состоит из людей-одиночек и некоего множества разобщенных между собой малых подобществ. Есть кланы и мафии. Некоторые довольно могущественны. Некоторые контролируют государство, но мы очень мало об этом знаем, это потемки.

Общество — культивируемое поле свободного состязания интересов и умов, принципов и идей: многообразие в единстве и единство в многообразии. У нас же есть только многообразие без единства и единство без многообразия.

И единства в безобразии более чем достаточно.

Миссия государства в свободной стране — обеспечивать возможность обществу — быть. У нас государство занято обеспечением общественного небытия.

Заботится также, когда и насколько ему это надо, об имитации общественной жизни, создает мираж псевдообщества, скажем, к очередным выборам, делает это на скорую руку, грубо и грязно...

Миссия же юмора, точнее — одна из миссий, социальная, состоит как раз в том, чтобы обществу — быть и жить. Быть духовно и жить душевно. Жить весело, жить смеясь над собой, как только и может жить здоровый человек и здоровый народ. Юмор в обществе — и чистильщик-ассенизатор, и врач — ставит клизмы, освобождает дыхание, и отводной клапан агрессивных паров — примиритель, и самое верное и безвредное психотропное средство против депрессий, фобий и параной. Общество без юмора и смеха — общество мертвецов, кладбище.

А вот юмор без общества худо-бедно живет. В сталинское время соломинкой был, за которую хватались, чтобы не потерять душу. Показав кому-нибудь неосторожно эту соломинку, можно было потерять жизнь. В школьном классе моем за анекдоты сидели родители пятерых ребят, у двоих отцов расстреляли...

С места. — Но ведь в те времена был гениальный Игорь Ильинский, был чудесный Карандаш, появился великий Райкин!.. Было, было у нас советское общество!

Ю — Это был режим, а не общество. И был Зоценко, затравленный этим режимом. Были великие сатирики и юмористы от музыки Прокофьев и Шостакович, охаянные и придавленные. Был сгноенный в психушке Хармс...

Не общество это было, а крепко сколоченное и заколоченное псевдообщество, зона с маленькими участками, где талантам дозволялось резвиться и потешать публику под бдительным пистолетным оком. Юмор делился на дозволенный и недозволенный.

Дозволенный, типа журнала «Крокодил», оснащал власть самым дешевым оружием разоблачения врагов народа, внешних и внутренних. Обеспечивал видимость критики снизу. «Нам Гоголи и Щедрины нужны», — возглашали сверху с плотоядной ухмылочкой, и штатные фельетонисты послушно огоголялись и ощедринивались.

А недозволенный юмор меж тем бродил потихоньку из уст в уста, с кухоньки на кухоньку. Занимался тем, чем и всегда занят был на Руси — словами Цветаевой, «**смеялся когда нельзя**». Слегка обезболивал, веселил, позволял пообщаться, сделать пару свободных вздохов...

Экстрим-спортом талантливых и честных, желавших при том и жить хорошо, стали пляски на острой грани дозволенного и недозволенного. Занимался этим и Райкин, и Жванецкий, и Высоцкий, и Светлов, и Паперный, и любимовский театр, оказываясь то по одну сторону грани, то по другую. Кто чаще заскакивал за, как Галич и Губерман, получал призы неформальной популярности и репрессий. Кто ловче и увереннее балансировал, как Рязанов или Хазанов — мог и народу нравиться, и расти имущественно и карьерно...

Во времена хрущевские и брежневские соломинка вольного юмора выросла, стала новым ковчегом свободной мысли и свободного чувства. Жанр анекдота достиг немыслимой плодовитости и недостижимых вершин. Появились блистательные самиздатские юмористы: Венямин Ерофеев, Войнович... А сколько превосходного

разноцветного юмора звучало в лучших бардовских песнях — у Окуджавы, Визбора, Дольского, Клячкина...

Всех, кого знаю и люблю, не называю, чтобы не громоздить запятые. Скажу только, что всех тех, кого объединял и пока еще объединяет этот вольнодышащий юмор, жестко или мягко противопоставивший торжествующей хищной подлости, — этих-то вот людей, сколько бы их ни было, этих **Живых** и можно называть **Обществом** в настоящем смысле. Да, парадокс: общества у нас нет, но оно живет — живет, пока жив хоть один **Живой**.

...Что же сейчас?.. Как поживает юмор в условиях нашего внезапного капитализма, конституционной свободы слова и бесцензурности?

Знаете, есть такой очень сладкий, но при незрелости очень противно вяжущий фрукт: хурма. Если произвести от слова «хурма» наречие и прилагательное, то выйдет «хурмово», «хурмовый». Так вот, юмор нынче у нас хурмовый. (Смех.) Вы правильно понимаете, какое качество я имею в виду. Хурмово обстоят дела с юмором в обществе, которого нет. Деградирует юмор, грозит сдохнуть.

Три главные трудности у него теперь вот такие.

Дозволенность. С табу больше не поиграешь, не потанцуешь — табу рухнули. Какие коньки откинули, какие в нокауте — не поймешь, но бить лежачего неинтересно.

Коммерциализация. Чтобы собрать деньги, нужна массовая аудитория. А чтобы собрать массовую аудиторию, не следует быть остроумным, а следует несколько наоборот. Недоостроумие — то, что надо, думает смехоменеджер. Массовый человек, чувствуя, что его за дурака держат, внушению поддается радостно, получается взаимная цепная реакция снижения планки. Результат — СМЙшная дежурная развлекуха, льющаяся с экранов. Не юмор это.

Недозволенность главного. С той поры, как с экранов изгнали политико-сатирическую программу «Куклы», стало понятно, что в отличие от Конституции, которая у нас есть, но не работает, цензуры у нас

нет, но она работает. Всяк, кто хочет жить бесцензурно, на свой страх и риск перемещается в интернет. Но интернет — среда страшно замусоренная, столько там нецензурищины, что черт башку сломит. Настоящий юмор высокого класса найти там не так уж просто; он, впрочем, и раньше на улице не валялся. А вот мимо незаметно мог проходить...

Что же касается повышенной серьезности дорогих наших политиков... Да, есть такой феномен — властная агеластия. Вне публичной сцены власть имущие, в основном обычные люди, смеяться умеют, некоторые и остроумны, и похулиганить горазды. Публично же изображают из себя несмеянцев, каменно серьезные, остервенело занудны. Так уж повелось, таковы правила этой игры, густо замешенной на лицемерии, недоверии, цинизме и страхе. Политический театр, как и церковный, боится свободного смеха, чурается его, изгоняет юмор, за что и оказывается излюбленным объектом высмеивания. Если бы власть наша не была так бедна юмором, откуда бы взяться такому сказочному богатству политических анекдотов, пародий, карикатур?

Но надо признать и то, что некоторые бреши в железобетонной стене нашего властного серьеза в последние годы пробились. Степени речевой свободы существенно возросли. Поменьше стало карикатурной надутости, пафосности, побольше раскованности и дозированного неприличия. То один, то другой деятель бросает в народ перлы типа «мочить в сортире» или гениального «хотели как лучше, а получилось»...

С места. *Не шутка это, сказано было всерьез!*

Ю — Тем и смешно. Публичная эксцентрика поведения тоже получила определенные права, вплоть до психиатрической клоунады — демонстративных симптомов грубой клинической психопатии. Если взглянуть на то, что дозволяется, и с немалым общественным удовольствием, бесноватому господину Ж...

С места. — *Позорище! Знамя нашей моральной деградации!*

Ю — Вам видней, однозначно. (Смех.) Я хотел сказать, что нынче у политики застегнуты уже не все пуговицы, некоторые оторвались, и пока их пришивают, рвутся другие. Политики наши шутить начали давно, только вот, как и я, своих шуток не понимают.

С места. *Какой политический анекдот советских времен, по-вашему, самый остроумный? Или самый любимый лично вами.*

Ю — Таких много, выбрать трудно. Ну вот первый пришедший на ум. Помер человек и попадает в небесный распределитель. Там некто с крылышками спрашивает его: «Куда хочешь — в ад или в рай?» — «В рай, конечно», — отвечает усопший. — «Считаешь себя достойным?» — «А как же. Всю жизнь старался.» — «Ладно. Расписывайся вот здесь.» Расписывается и вмиг попадает в пустынное место за колючей проволокой, в толпу таких же как он. У всех руки связаны, на ногах кандалы. Маршируют в сопровождении вооруженной охраны. — «Скажите, а куда я попал? Это разве рай?» — спрашивает у охранника. — «А как же. Он самый.» — «А зачем кандалы? Зачем колючая проволока?» — «Р-р-разговорчики в раю!»

Нос слева — охрана.

Иконы тоже умеют смеяться

Записка. В каком жанре искусства юмор возможен, а в каком — нет?

Ю — Знаменитая фраза Вольтера «все жанры хороши кроме скучного» не подразумевает непрямого присутствия юмора в каждом произведении искусства. Но понимает, что это возможно, что юмор волен появляться в искусстве где и когда ему вздумается, лишь бы искусство оставалось искусством. Сколько угодно юмора в классической музыке и балете, в живописи и скульптуре, в архитектуре и дизайне. Все жанры хороши кроме пошлости.

Я думал одно время, что веселья и юмора быть не может в иконописи, но, по счастью, ошибся. Довелось увидеть на сайте у Якова Кротова и веселые, забавные, смеющиеся иконы.

XI в. Богоматерь с младенцем. Жироне. Испания.

Смеялся ли Иисус Христос?

Записка. Можно ли представить мир, в котором юмор и религия едины и не исключают друг друга?

Современное православие сугубо серьезно, ислам не допускает никаких шуток... Католичество последнее время пытается стать более демократичным и веселым, но пока получается это вяло и неубедительно. Пасторов протестантских церквей в Америке обучают тому, что хорошая проповедь не должна проходить без юмора, священнику полагается быть остроумным и уметь вызывать улыбки прихожан. Но и здесь чувствуется неискренность, психологический прагматизм: юмор нужен как средство привлечения и удержания паствы, что-то вроде рекламного хода...

Может быть, все-таки церковь и должна быть серьезной, как серьезен Космос, серьезна Вечность?.. Верно ли мнение, бытующее в религиозных кругах, будто бы Иисус Христос, обладая высоким чувством юмора и остроумием, никогда не смеялся? С этим мнением согласен и обосновывает его такой крупный гуманитарный авторитет, как Аверинцев.

Ю — Аверинцева я глубоко уважаю, и разделяемое им мнение о несмеянстве Христа мне близко, даже по-детски лестно... Но мнение не есть факт. Другой крупный — для меня, по крайней мере — гуманитарный авторитет, священник Яков Кротов имеет противоположное мнение, что Иисус Христос «еще как смеялся».

Установить факт — как было на самом деле, смеялся Христос или нет — никто из ныне живущих смертных не может. Древние тексты, дошедшие до нас, действительно содержат свидетельства юмора, присущего Христу, и не содержат свидетельств его смеха; но это вовсе не доказательство, что Христос не смеялся — ведь и о смехе Моисея или царя Давида, к примеру, как и о смехе сотен других персонажей в Библии ничего не сказано, но это не может означать, что никто из них никогда не смеялся.

Интермедия — об Аверинцеве и смехе Христа

Сергея Сергеевича Аверинцева я имел счастье несколько раз видеть лично, слушал его лекции. Сказать, что это было для меня потрясением, — значит ничего не сказать. Представьте себе, что в переполненный душный зал входит существо с какой-то другой планеты, где цивилизация продвинулась несравненно дальше земной, где все давно поняли, что смысл жизни — в служении Красоте и Добру, где Истина живет в генах, в клетках, в крови...

Великий культуролог, филолог, историк; изумительный переводчик и автор прекрасных религиозных стихов; фантастический эрудит, владевший множеством языков, новейших и древних; глубокий оригинальный мыслитель...

Внешность его была, пока не начинал говорить, карикатурно-комична: сутулый, длинноносый и тонкогубый, с небольшим лбом, не обещающим гениальности; очень бледный, в очках, глядящий куда-то в себя, похожий одновременно на ученого и священника Павла Флоренского, на поэта Велемира Хлебникова, на актера Игоря Ильинского и на пианиста Гленна Гульда; передвигающийся странно, затрудненно-нелепо, как будто бы раздвигает в воздухе невидимые астральные кочки... И в самом деле он их раздвигал — проходя сквозь свое пространство и время, сквозь непонимающую среду, сквозь тупой и лживый совок, сквозь собственные слабости и искушения...

...Пока не начинал говорить. Когда начинал — первые четверть минуты комически-эксцентрический эффект усиливался до запредельности, потому что и голос был какой-то кочкообразный — высокий с соскоками вниз, дрожливо-скрипучий, картавый на все буквы. Но только первые четверть минуты, не более. Далее начинался гипноз, сметающий, сжигавший все эти шелуховые первые впечатления подчистую. Великолепный гипноз дивной свободной речи, сияние интеллекта.

Проникающее излучение мысли. Блуждающая пристальность гения. Озоновый слой всеведения, неким чудом сошедший с небес на землю. Человек Логоса — посланец Смысловой Вселенной.

К смеху и юмору, как показалось мне, этот комического вида колосс (ох, как над ним издевались в школе...) относился то ли с некоторой опаской, то ли со сдержанной безгловостью, то ли с оттенком легкого интеллектуального высокомерия, — а как определеннее выразился он сам, с «духовной осторожностью». Эта осторожность в отношении к смеху присуща, по утверждению Аверинцева, православной духовной традиции и связана с тем, что смех, будучи средством внутреннего освобождения, сам по себе есть некое психофизическое насилие — так сказать, изнасилование свободой. И нужна бдительность трезвого духа, дабы уследить, куда смех движет душу — вверх или вниз.

Иисус Христос, верил Сергей Сергеевич, был Богочеловеком, воплотившим собой абсолют внутренней свободы. Освобождаться ему изнутри было не от чего, потому, полагал Аверинцев, и смеяться не требовалось. Юмор же, безсмеховый юмор во всех его бесконечных оттенках и ступенях — и всего более, конечно, ирония — был для Христа естественным посредником между идеальностью его внутреннего мира и неидеальностью внешнего (включая и собственную телесную оболочку), и немаловажным средством общения с учениками и народом.

Допускаю, что так могло быть: не смеющийся, однако искрящийся юмором; строгий, подчас гневный — и сострадательный, нежный, иногда улыбающийся... Легко и представить себе смех Иисуса, светлый, живой смех Сына Человеческого, смех земной и небесный, смех музыкальный...

Академик занят, он умирает

Записка. *Есть ли темы, морально запрещенные для юмора, пусть даже самого высокого, тонкого, доброго? Сокровенное, святое... Горе, несчастье, смерть — позволительно ли над этим шутить?..*

Можно ли, оставаясь верным юмору, подшутить и на смертном одре?

Ю — Истина смеха всегда конкретна, как музыкальный звук: все решается вмиг и на месте, здесь и сейчас. А запреты действенны только для тех, кто их принимает. Смех вездесущ, за колючей проволокой от него не спрячешься. Как и любовь и ненависть, смех тяготеет к беспределу: как нет удержу низкому циническому глумлению, для которого наивкуснейший соблазн — облевать высокое и святое, так нельзя поставить границ и юмору высшему, божественному, свободно играющему со всеми возможностями бытия, летающему, как космический ветер.

Над чем только не смеется человечество, низко ли, высоко ли — даже по поводу смерти собственного ребенка умудрился пошутить один античный философ, шутку эту мне повторять не хочется...

Согласимся — приоритет в шутках по поводу ухода из жизни по праву принадлежит самим уходящим — кто ближе к выходу, тому и слово. А провожающие, если не хотят быть идиотами и садистами, должны сообразовывать свое остроумие с уровнем сознания и душевным состоянием провожаемых. Если удастся напоследок рас-

смешить человека, душу потешить, что может быть лучше?.. В паре случаев и мне такое по наитию удалось, но тиражировать это никак нельзя.

Я знал людей, умиравших с шуткой на устах, иной с грустной, иной — с веселой или соленой.

Великий физиолог Иван Павлов лежал при смерти, когда ему доложили, что какой-то посетитель у двери умоляет пропустить его к академику Павлову по неотложному важному делу. Павлов сказал:

— Попросите у этого человека извинения и скажите, что академик Павлов занят: он умирает.

Чехов, умирая в Германии, произнес по-немецки: «Ихь штэрбе» — «Я подыхаю», это была если и не совсем шутка, то некоторый прикол. А мой друг, врач-реаниматолог, в полном сознании умиравший от инфаркта у себя на работе на руках у коллег, в собственной палате, где он проработал пятнадцать лет и знал каждый миллиметр пространства, последние слова произнес такие:

— Ребята, когда повезете меня отсюда ногами вперед, не споткнитесь, за дверью там линолеум загибается... а я загибаюсь здесь... ну пока, ребята... за мной не спешите, успеем свидеться...

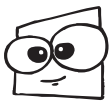
Остановил глаза и ушел. Не слишком весело, но красиво. Светло. Достоинно.

Про супружасы: как помочь юмором

Записка. Извините за длинное письмо вместо записки, умоляю найти пару минут для ответа...

Мне 28 лет, мужу 34. Главная наша проблема: неумение сдерживать эмоции и прислушиваться друг к другу. Оба упрямые, холерики, с негативным опытом первого брака. Конфликты из-за воспитания сына. Мальчик огрызается или бурчит, не сразу выполняет приказы мужа. Муж очень авторитарный, не выносит неподчинения, повышает голос, может дойти до рукоприкладства... Я вмешиваюсь, пытаюсь их растащить, получаю за это от мужа... Сама не без греха, срываюсь и я, потом прошу прощения, миримся...

С мужем сложнее: он всегда прав, прав априори, я должна его поддерживать. А я не хочу и не могу идти против своего убеждения, что не надо ломать сына... Сама вспыльчива, легко захожу в истерику, несет... Муж озлобляется, подливает масло в огонь, замкнутый круг... Поднимает на меня руку, последнее время стала и я отвечать взаимностью... Стыдно, что два взрослых образованных человека могут орать гадости и лупить друг друга, страшно, что сын это видит...

После очередного ужаса миримся, зарекаемся больше так не делать, обещаем друг другу измениться... И все по-новой... В истериках грожу мужу покончить с собой, он тоже обещает наложить на себя руки...

Сейчас разругались совсем, разойтись некуда, существуем на одной жилплощади... Я ему грозила обратиться в милицию, засвидетельствовать побои...

Как остановить волну гнева? Ведь иногда хочется убить того, кому утром в любви признавалась... Как не доходить до необратимого? Как наладить диалог? Может, поможет юмор — но как?.. Вообще-то мы с мужем юмором вроде не обделены, но когда начинается очередной скандал, у обоих он куда-то улечивается, как будто и не было...

Ю (мне) — Это больше по твоей части, Володь, я только слегка выскажусь по поводу, ладно?..

Я — Можно и не по поводу...

Ю (в зал) — Мне искренне понравилось это искреннее письмо искренней женщины. Типичный **супружас**: война двух зверей против двух людей. Зверь, в каждом сидящий, под видом обороны от зверя извне, атакует и своего внутреннего человека, и человека в другом. Между ними человечек-сын со своим зверенышем...

Жаль, милая женщина, что вы не взяли с собой на эту встречу своего мужа и не написали это письмо вместе с ним. Если бы этот текст был от двоих страдальцев, в основном одинаково понимающих свои трудности и задачи, надежда была бы немалая.

А так... А, Володь?..

Я — Так тоже есть некоторая надежда, но согласись: это задача для двоих, решаемая только вместе.

Ю — Если этот муж *всегда прав*, дело кислое. Мне даже кажется — извините, не в свою специальность полез, — что он с психопатинкой, этот возбуждимо-бьющий товарищ, таких держать надо на строгом ошейнике, ибо с каждым разом им бить сподручнее и все больше нравится.

Я — Статистика огромного числа случаев внутрисемейного насилия в России показывает странный факт: женщины от бьющих мужей по большей части не уходят, даже если они и бьющие, и пьющие. Более того, многое заставляет предположить, что с каждым разом битье и большинству жертв битья все более нравится. Могут и в милицию, и в суд обращаться, но подходит некое время, и заявления забираются, жертва бежит к палачу...

Ю — ... и настает черед сладкого примирения. Да, знакомо, и в этом есть свой трагифарсовый юморок...

Так что же, вы спрашиваете, как тут помочь можно? И сгодится ли в помощники юмор? Я бы ответил так: только юмор и может помочь вам выбраться из вашего супружастика, все остальное — туфта, миражи, дым и махание кулаками после драк.

Как же можно помочь себе юмором в таком тяжком случае?.. Ответ вот: **переселяйтесь в него.**

Да, да — в юмор. Переезжайте!

Перемещайтесь в мир юмора и живите в нем!

Немедленно эмигрируйте, бегите, уматывайте, рвите когти из мрачно-жестокой страны Серьезии и становитесь гражданами светлой державы Юмории, Юмориндии, Юморандии или Юмерики, как вам больше понравится. Делайтесь юморянами, юморчанами, юморчками, юморлами, юморжами, юмордами, кем угодно, лишь бы смеяться вместо того, чтобы ругаться и драться.

Поймите, наконец, оба: в вашей страшной Серьезии вы зомбированы гипнозом фальшивых фетишей, ложных ценностей! Вы упертые! Вы глухие, слепые! Вы занимаетесь душегубством — и главное! — делаете это не столько во время ваших душеубийственных ссор, сколько в мирных, казалось бы, промежутках, когда подготавливаете взрывы своей темнотой и безумным служением своим идолам.

Из-за чего бы вы ни сталкивались — из-за невымытой тарелки, из-за тещей-свекровей, из-за двоек своего чада, из-за грошей или из-за половых неудобств, все это чепуха, ерунда, прах по сравнению с абсолютной непреходящей ценностью веселого смеха, со спасительной радостью доброй шутки, со счастьем веселой выдумки!

Я призываю вас принять юмористическую *установку*, юмористическое *отношение* к жизни, к себе, друг к другу — исходное присутствие любви и доброжелательства разумеется — и получить в награду золотой ключик к спокойствию, к радости, к душевному здоровью при любых обстоятельствах, к миру и гармонии, к счастью.

Я приглашаю вас в **юмористическое мирочувствие.**

Сколько в мире мирочувствий, столько миров.

Человек недоверчивый, подозрительный создает мир недоверия и подозрительности, излучает его, втягивает в него и себя, и вас. Человек завистливый заражает мир завистью. Человек злобный, жестокий производит мир злобы и жестокости. Человек нудный, скучный

рождает мир занудства и скуки. Человек творческий, фантазийный и мир делает таким, преобразует его по своему образу и подобию. Человек добрый творит мир добра... Это все понятно.

Понятно и то, что в эти разные миры-в-мире мы можем входить и можем из них выходить — иногда легко, иногда с невероятным трудом, иногда невольно, насильственно, иногда по собственному желанию, по своей воле.

Юмор — тоже особый мир в этом не лучшем из миров. Я назвал бы его *междумирием* — ибо нет мира, куда юмор не может проникнуть и если не изменить его, то по крайности слегка ущипнуть...

Я — Это то же самое, что я однажды назвал третьим берегом... Юмор есть третий берег жизни, третий берег сознания, третий берег души... Как приплыть туда?.. Просто плыть. Просто верить, что ты плывешь именно туда и что там хорошо, там жизнь...

Вот один случай, когда на третий берег приплыть удалось. Из практики коллеги-психотерапевта.

Пришла однажды к доктору примерно такая же супружеская парочка, какая описана в только прозвучавшем письме. Пришли разобраться в себе и научиться жить мирно. Не успели и ртов раскрыть, как начали спорить. Посыпались взаимные упреки, повысились голоса до крика, сильно напряглись мышцы... Типичный взаимный негативоз и взаимонегативное намагничиванье, что-то вроде полового возбуждения с обратным знаком...

Слушал-слушал коллега, терпел-терпел (ругающиеся про него уже оба практически позабыли) — и наконец что есть мочи завопил :

— НЕ СЛЫЫЫШУУУ! НЕ СЛЫЫЫШУУУ!

Парочка на секунду притихла.

— Не слышу!!! — повторил доктор свой вопль прямо в уши обоим поочередно, жене и мужу. Те смолкли и выглядели ошарашенно.

— Тааак!!! — продолжал надсадно орать психотерапевт. — А теперь извольте на той же громкости продол-

жать разговор! Кричите друг на друга! Орите! Как можно громче! А то ни фиги не слышно!

Парочка совсем растерялась.

— Орите!!! Вопите!!! Кому говорю?! Или выгоню обоих к чертовой бабушке! Ну?!?!

— Хорошо, сейчас, — испуганно промямлил муж. — Так... На чем мы остановились?

— Не помню, — прошептала жена.

— Я кому сказал — орать?! — грозно возопил доктор.

— Хорошо!! — послушно попытался заорать муж — и... Вместе с женой закатился в хохот. Смеялись минут десять до слез — вид разрядки, близкий к истерике...

— А теперь другое врачебное предписание, — продолжил коллега. Обязательство выполнить его вы должны подписать... Дома перед началом любого разговора вы оба обязаны вешать себе на грудь по табличке со словами:

Я НЕ КРИЧУ

и только после этого начинать разговор. Ясно?

— Ясно.

— Подписывайте.

Через некоторое время умиротворенная парочка доложила о результатах выполнения предписания. «Знаете, доктор, подействовало! Начали было орать друг на друга, и вдруг вспомнили о табличках, быстро надели и принялись хохотать. В следующий раз с надетыми табличками спорить и орать начали, и вдруг взгляд обоих упал на «Я НЕ КРИЧУ» друг у дружки — остолбенели, опять в хохот...»

С этими — получилось!

ЧЮ, любовь и недержание отношений

Записка. Чувство юмора в наше время относится к числу ценнейших любовных позитивов: на сайтах знакомств и брачных объявлений давно уже официально принята аббревиатура ЧЮ — чувство юмора. ЧЮ ищут и требуют наличия, ЧЮ предъявляют как кредитную карточку, и сочетание «без ВП» (вредных привычек) с ЧЮ дорогого стоит, особенно в сопровождении «без КП» — квартирных проблем и с соответствующими параметрами... Вы это подтверждаете?

Могут ли вместе ужиться человек с ЧЮ и человек, напрочь его лишенный? Возможно ли счастье в супружестве без юмора?

Ю — Как человек, напрочь лишенный ЧЮ, можно сказать, безЧЮвственный (смех), могу вас успокоить (смех)... (Обращаясь ко мне) Володя, они мне опять не верят, ну что делать?

Я — Неважно, продолжай, потом с ними разберусь...

Ю — Не знаю, как там насчет параметров, и как часто встречается блаженное сочетание ЧЮ с без-ВП-без-КП — по-моему, это утопия. Но точно могу сказать, что ЧЮ для возникновения любви совершенно не обязательно, тем паче для взаимной. Более того, ЧЮ, если и не предохраняет от любовной болезни, то по крайней мере не дает слишком легко и незряче влюбиться в кого попало.

Зато, если уж этот защитный барьер пробит, дело худо. Любовь, как правило, катастрофически отнимает ЧЮ — по крайней мере в отношении любимого человека и в отношениях с ним или с ней, и это — момент роковой, ведущий прямиком в пропасть: сперва — в черную дыру безумной любовной зависимости, а потом — под уклон, говоря словами коллеги, недержания отношений.

Совместная жизнь без юмора — каторга неминуемой скуки, и хотя на свете весьма немало служитель-

ниц и приверженцев такого существования, счастье им не грозит. Посему всем, пребывающим в любви, всем супругам, состоявшимся и несостоявшимся, от души желаю срочно пройти тренинг-курс любовного юмора — ага, вот и минута рекламы — да-да, курс спасительного, уравнивающего, благодатного любовного юмора у моего коллеги...

Я (*перебив, стараясь не попадать в микрофон*) — Кто тебя просил?! Что подставляешь?! Сейчас уйду!..

Ю — Пошутил, пошутил. Какой уж там юмор в любви, просто пиши пропало... Любящие, взыскующие любви или спасающиеся от нее, соискатели счастья! Вам редкостно повезет, если ЧЮ обнаружится и уцелеет хотя бы у одного из вас, или если успеет восстановиться после острого периода временной утраты, пока любовь еще не умерла, но уже несколько протрезвела. Одного ЧЮ на двоих или даже полЧЮ бывает достаточно, чтобы сносно жить вместе даже тогда, когда это практически невозможно. ЧЮ помогает любить без иллюзий, смягчает ревность, и хотя умеряет кипение страсти и пылкость восторгов, зато очень содействует взаимопониманию и сердечной дружбе, а это для настоящего счастья, поверьте, гораздо важнее, чем безумная слепоглая любовь.

С места. — Откуда вы это знаете? Ведь у вас самого, как вы уверяете, чувства юмора нет.

Ю — А жены на что? Я без ЧЮ жен не беру, у меня с этим строго.

Бурные аплодисменты, крики восторга, в основном женские. Повскакав с мест, толпа с заметным преобладанием особ женского пола стремительно бежит к сцене с цветами, книжками, бумажками и ручками для автографов наперевес. Я в ужасе убегаю, Доктор Ю остается на растерзание. Занавес.

ХЛАМИСТИКА, или ДРУЖЕСКИЙ ФАРШ

из записных книжек Доктора Ю

— Да ничего тут смешного. Ну записульки всякие... Автоматизм просто, с тех еще школьных лет: всякую ерунду, что ни попадается — на бумагу, вдруг пригодится. Хлам придорожный, в том числе и отсюда, — Ю показал на свою голову. — Ну на, на, позорься. Только на меня потом не пеняй. Там и за тобой кое-что зарисовано...

— Давай сюда, разберемся, народ решит. Ты ж у нас инвалид, юмора не понимаешь, с тебя взятки гладки.

Так я уговаривал Ю дать мне списать в книгу малую толику из его «Хламистики», как он скопом обзывает все необъятное содержимое своих за много лет накопившихся записных книжек. Там и юмор общепонятный есть, и не общепонятный, и не совсем юмор, и не юмор вообще...

— Ладно, тогда вот мои условия: ничего не менять, ничего не объяснять, никому не жаловаться.

Куча проблем тут же, долгие переговоры. Запрет на объяснение удалось немного смягчить: в некоторых случаях мне разрешено указывать, кому принадлежат реплики, кто скрывается за инициалами, дополнительные обстоятельства происходящего и т.п.

Тяжелее всего было решить, как расположить все это разношерстное добро, в каких сочетаниях и последовательностях. Сам Ю, когда я спросил его об этом в надежде на содействие, только посмотрел на меня как на безнадежно больного и ничего не ответил. Так что осталось мне кроить материал на свой страх и риск, надеясь на снисходительность и благосклонность читателя.

Наблюдения из жизни

Бедный жонглер: жонглирует одним шариком.

Пьяный снег: не успел пойти — уже лежит.

Кот лениво испугался.

Петух чувствует себя при деле: он будит солнце.

Чихают всегда врасплох.

экологические наблюдения

Без вреда не вынешь и рыбки из пруда.

В наши дни крайне редкое и единственно возможное достоинство пищевого продукта — безвредность.

искусствоведческое наблюдение

Чтобы хорошо петь, одного старания мало.

Умение шутить сродни умению плавать: научившись, уже не разучишься.

Грязь, разложенная по полочкам, уже не грязь.

Это уже база данных.

Эпитафия фанату здоровья

Он вел вопиюще полезный образ жизни.

Она стояла и внимательно оценивала каждого с точки зрения производимого на него впечатления.

Солнце можно заслонить и пятикопеечной монетой.

Ниже плинтуса находится потолок предыдущего этажа.

Стоит создать прецедент, как любое общепосещаемое место с легкостью необычайной превращается в общественный туалет. В том числе в интернете.

Всякий ремонт когда-то кончается, но никогда не заканчивается. Включая выяснение отношений и исправление опечаток.

Ум человеку нужен в основном для того, чтобы усугублять последствия собственных глупостей.

Когда все понятно, человек хамеет.

Дождь лечит от трудолюбия.

Где ты прошел, там твой дом.

Все естественное сверхъестественно, и все сверхъестественное — естественно.

Не бывает времени, потерянного для сознания.

Любовь слепа к очевидному, зато видит невидимое.

Где растет понимание — растет сила.

Если ищешь Истину для себя, чтобы она тебе помогла, — Истина тебе не откроется.

Если ищешь Истину из любви к ней, ради нее самой, — Истина поможет тебе, даже и не открывшись.

**Из увиденного, подслушанного в кругу друзей,
в СММ, на улицах и пр.**

Некто рассказывает товарищу о посещении некой музыкальной тусовки:

— Эта музыка очень хорошо воздействовала на людей: они не хотели бить друг другу морды...

Симпатичная, интеллигентная женщина повествует подруге о подобном музыкально-тусовочном событии:

— Прекрасно помню это мероприятие, очень рада, что меня там не было.

Сила шедевра

Когда украли Мону Лизу, у пустой рамы стояли толпы...
(из интервью композитора Родиона Щедрина «Комсомольской Правде»)

Из подслушанного на кладбище. Голос из могилы:

— Жить надо. Это освежает.

Из услышанного в парикмахерской

— Лысому нечего терять кроме своих ушей.

Из разговора двух старушек (соседки известного врача)

— Не дай Бог кому-то заболеть в день Медика!

За столиком ресторана Дома писателей. Один писатель — другому:

— Ты — гений, Коля, это я тебя гениальностью заразил!

Друг своему другу профессору:

— Вот на выступлениях ты кажешься умным!

Доктор характеризует своему другу одну свою знакомую:

— Она очень жизнерадостная, оптимист, живет в твердом убеждении, что скоро наступит конец света...

Рекламир

Мальчик лет четырех-пяти, идет с мамой по улице. Одной рукой крепко держит маму за руку, другой показывает на полумесяц:

— Мам, смотри, рекламу Oltermani¹ показывают...

От слов к делу

— Сейчас в нашей стране очень много говорильни и мало конкретных дел, — заявил в интервью радио «Эхо Москвы» господин Трепашкин.

Через несколько недель в интервью той же радиокomпании академик Курякин-Стопкин призвал население страны покончить с вредными привычками.

Угроза больного врачу

— Щас как выздоровлю!

Вахтер возле входа в платную поликлинику убеждает сомневающегося человека:

— Что лучше: чтобы вас бесплатно угробили или за хорошие деньги вылечили?

Креатив — излишество

Новый русский:

— Че я тупой свое придумывать?!

Кредо «Модерн»

Спортивного вида дама на пляже — подруге:

— А я вот к чему пришла: все болезни — от врачей, весь голод — от еды, все дожди от синоптиков...

Подруга продолжает:

— А вся грязь — от мытья.

¹ Oltermani — финляндский сыр, ныне популярный в России.

Далеко ходить не надо...

Философские наблюдения о российской жизни.
Прочитано в заметках на полях одного современного
философа и политолога

Отличительное свойство жизни, а в особенности российской, состоит в том, что делается одно, а происходит — другое.

Если вы заработали в России большие деньги, у вас есть альтернативы: сидеть тихо или... просто сидеть.

Каждый по отношению к себе иностранец. А в России особенно.

*Популярные политические слоганы в подсознании на-
родонаселения*

Учительница ученику, вытирающему школьную доску
сухой тряпкой:

— А тряпку кто за тебя будет мочить? Путин?!

Хорошо живем!

Объявление в метрополитене:

службе сбора доходов Московского Метрополитена
требуются **ГРУЗЧИКИ**

В целях безопасности...

Объявление на кабинке туалета одного крупного
московского супермаркета:

«Просьба отнестись с пониманием: в целях вашей
безопасности ведется видеонаблюдение».

Любовь по-банковски

По радио выступает директор одного из банков:

— Мы всегда как бы рады своим клиентам!

Новый русский язык

На заседании правительства один из высокопоставленных чиновников говорит:

— Необходимо уделять больше вопросов технике безопасности.

Достижения техники: 21 век

В магазинах столицы вместо продавцов и кассиров установлены автоматы самообсчитывания.

Идея самообсчитывания навеяна действительно устанавливаемыми повсюду выплатными автоматами по сотовой связи, интернету и пр. с большим комиссионным процентом.

Из увиденного

Утром, в вагоне метро в часы пик.

Народ лежал в вертикальном положении.

По следам услышанного

Современная речь: еще не успев ничего сказать, говорят «Короче».

Из телепередачи

— Я сам вырос в Пензе, хорошо знаю этот край...

— Я вас уважаю как пензюка, но...

Предвыборное

Накануне выборов было задержано два человека с антиконституционной внешностью.

Много чего хорошего...

В теленовостях передают репортаж из города — претендента на проведение Олимпиады. Говорит житель Сочи:

— В России много таких хороших спортивных сооружений, которых нет...

Объявления

В салоне мобильной связи висит объявление:

Плата по кредитным картам временно
прекращена. Фирма приносит извинения
за предоставленные неудобства.

Объявление на двери одной из московских бытовых
мастерских:

Пошив сумок и чемоданов из кожи заказчика.

Почти весь подземный переход обклеен объявлениями:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Расклейка объявлений в переходе
строго запрещена.

Объявление в небольшом магазинчике неподалеку от
моего дома:

Ксерокопи документов: оперативное
размножение в вашем присутствии.

Объявление при входе в детский сад:

Принимаются заказы на пошив варежек,
шарфиков и шапочек из шерсти родителей.

Познание умножает скорбь

Объявление, замеченное в вагоне метро:

Ресторану требуется повар без опыта работы.

Дискриминация по-советски

Во времена, когда в магазинах продавался керосин,
в одном из таких магазинов висело строжайшее пред-
упреждение:

Гражданам с узким горлышком керосин
отпускаться не будет.

СМешное

Это удивительное существо человек

По телевидению передают репортаж боя без правил. Один из участников жестоко избивает соперника, лупит кулачками и коленями по морде и остальным частям тела.

Комментатор:

— Да, человек — удивительное существо, с большими скрытыми возможностями...

Сам себя не поприветствуешь...

Трансляция боксерского поединка.

Комментатор:

— Боксеры приветствуют себя перед заключительным раундом!

Трансляция боксерского поединка.

Комментатор об одном из боксеров:

— Да, ему нужно научиться держать руку востро.

Репортаж о боксе.

Комментатор:

— В конце боя боксеры погорячились: чуть не подрались.

Бокс. Комментатор:

— Во время поединка боксер не терял головы.

Бокс. Комментатор:

— У этого боксера сильная передняя рука.

Трансляция футбольного матча.

Комментатор:

— Что-то футболисты устали. Просто мяч ИЗ РУК валится.

СМШное

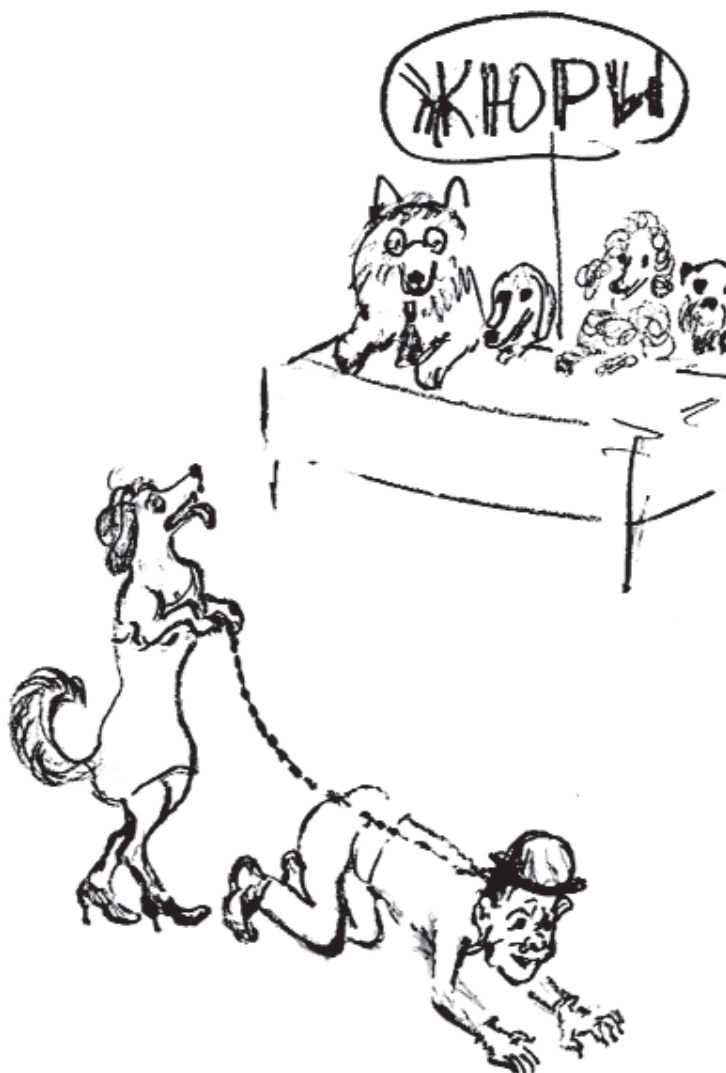
Комментатор по окончании футбольного матча:
— Этот матч вам мешал смотреть Григорий Овечкин.

Реклама нового собачьего корма:
Вааааунти — ЛАЙское наслаждение...

Репортаж о выставке собак.
Репортер:
— Выставка является важным фактором как для собаки,
так и для ее владельца.

Рекламука

Время от времени приходят неожиданные и непрошенные письма рекламного характера.

Как-то, например, пришло письмо от Р. Л. Разгильдяева с темой:

«Не откладывайте изучение английского языка!»

Кого до чего доводят

По электронной почте получен спам-реклама: «доводчики двери NTDO».

Жена спросила: «Интересно, до чего они ее доводят?» И сама себе ответила: «До ручки, наверное!»

Рыбий бизнес

Жена рассказывала, что отдыхая в Киргизии, заметила на одной из юрт надпись большими корявыми буквами: «Продам **цк**ру», и ниже небольшими буквами подпись — «рыба». Там же по пляжу разгуливал человек и громко возглашал: «Рыба, желающая картошку! Рыба, желающая картошку!» (вероятно, он имел в виду: «Рыба. Желающие картошку» или «Рыбу желающие, картошку», а может быть, и впрямь водится где-то такая порода рыб, которые желают наконец попробовать жареной картошки).

Дети и студенты

Преподаватель риторики в ВУЗе ведет семинар. Приводит конкретную психологическую задачу и обращается к студентам:

— Как вы выйдете из данной речевой ситуации?

Один из студентов:

— Можно выйти?

ВУЗовский преподаватель общей педагогики предостерегает студентов:

— Нужно с молодости избрать правильную, прямую дорогу, а иначе ваш путь будет усыпан различными тернистыми вещами.

Еще одно предупреждение, но уже из уст христианского проповедника где-то в нашей глубинке:

«Смотрите, не перегните палку, а то дров наломать можете!»

Табличка на кабинете психолога:

«Корректирую адекватную самооценку».

Психологический факультет государственного ВУЗа. Первокурсники слушают одну из первых лекций по общей психологии. Множество неизвестных терминов в устах велеречивого лектора утомляет слух. Наконец один из студентов решается нарушить монолог:

— Скажите пожалуйста, а что такое «метрический инвариант»?

— Метрический инвариант? — лектор неожиданно радостно вскинулся на вопрос студента. — Метрический инвариант — это полная конгруэнтность!..

Из студенческих записей лекций по психогенетике
Начиная с Гальтона, интеллект передается по наследству.

У маленького мальчика, возраста двух с небольшим лет спросили:

— А как твоя фамилия?

Не зная верного ответа, но не растерявшись, он расплылся в улыбке:

— Муууультиков!!!

Из детских выражений

— Пошли шепотом...

— Я ищу солдатиков, не могу наискать!

— Это мне понужится! (вместо «понадобится»)

— У меня коленку тошнит. (Ударился.)

— Доверчество — это здорово...

— Давайте сфотографируем, как кукушка кукукает.

На докторскую колбасу: «Мама, эта колбаса — врач?»

Рассердился на папу: «Мама, больше не женись на таком отце!»

Из диалога сына с отцом:

— Папа, почему нельзя оставлять открытым окно на кухню?

— Кто-нибудь может забраться.

— Так на кухне же ничего нет...

Маленький мальчик трех-четырёх лет играет в песочнице и приговаривает:

— У меня тут такие кумуникации...

Из подслушанного, увиденного и придуманного в доме моего друга психиатра

Помощник спрашивает доктора перед началом эксперимента:

— Сейчас у вас креативное состояние?

— Нет, скорее, кретинное.

Психиатр прогуливается по лесу с женой.

Психиатр:

— Вот этого человека мы на днях уже видели, помнишь?

Его жена:

— Да, помню, ты сказал, что он хороший, а мне он показался сумасшедшим...

Психиатр:

— Да, он хороший сумасшедший!

Из характеристики, данной одному больному:

— Это очень веселый депрессивный алкоголик.

Доктор рассказывает:

— Сегодня заходила одна цветущая больная...

Из диалога психолога и пациента

Пациент:

— Что такое, по-вашему, жизнь?

Психолог:

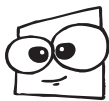
— Облом-тренинг...

На ту же неисчерпаемую тему.

Автограф, который дал мой друг-психолог во сне:

«Жизнь — это облом, но какой — зависит от нас!..»

Еще один сон моего друга

Город будущего: «При малейшем ощущении дискомфорта звоните по номеру 003. К вам немедленно выедет психиатр».

Комплимент, который сделал мой друг своей обожаемой супруге:

— Ты иногда так хорошо шутишь! В тебе словно какой-то другой человек просыпается!.. И, кажется, это... я!

«Хуже одной глупой головы может быть только полторы», — сказал однажды мой друг после сеанса семейной психотерапии.

Почему-то во всех анкетах пишут: «Укажите ваш пол». Но никто не пишет: «Укажите ваш потолок». А для приема на работу это было бы очень полезно.

Муж-психолог вселяет чувство уверенности в свою жену:

— Говори глупости! Будь самой собой!

Из домашней полемики в доме психиатра

Жена: «Нет, я еще в своем уме!»

Муж (психиатр): «Типично бредовое заявление!»

Милая, ты помогла мне обрести чувство юмора!..

С тобой без чувства юмора просто не выживешь...

Из откровенных признаний моего друга, услышанных в его доме

— Посуду обычно я мою скорее для очистки совести, чем для очистки посуды.

Искусство быть другим

Как-то моему другу позвонили домой и спросили: «Скажите, это ветеринарный питомник?»

— Да! — ответил хозяин квартиры и телефона. — Мяу! Мяу! Гав! Гав!

Психологические придумки

Тренинг релаксации «Эй, рухнем!»

Шопенгауэр-терапия для женщин.

Не подумайте, что философская.

Час покупок, и вы здоровы и веселы! Shopping-hour!

Название книги о преодолении бессонницы, предложенное моему другу: «Возвращение блудного сна».

Для книги, собственно, достаточно одного только названия. Повторяйте это название в течение двух часов тихим мерным шепотом, и к началу третьего часа непременно уснете.

Душа ушла в пятки и не вернулась.

Примечание психиатра: «Душа с большой неохотой возвращается из пяток, хотя, казалось бы, чего там хорошего?»»

Научное

Дискуссия о предмете исследования психологии, наконец-то, завершена. Сошлись на том, что психология долженствует исследовать небытие своего предмета.

— Что значит «мания величия»?

— Это когда мышь вообразила себя кошкой и съела саму себя.

Из сказанного в сердцах

Нет психиатра в своем отечестве.

Персонажи

Патологически жадный писатель: пишет много книг, но ни одной не издает — жалко отдавать читателям.

Маразматик с детства.

Колоссальных размеров карлик.

Перпетуум кобеле — вечно молодой мужчина.

Граблеиспытатель — профессия; испытывает грабли на прочность с помощью собственного лба.

Бакс — кличка новорусской собаки (питбултерьер).

СОС — Стойкий Оловянный Соматик — человек, который мужественно переносит внутренние конфликты, но расплачивается за них психосоматикой — болезнями, происходящими от чрезмерного стресса.

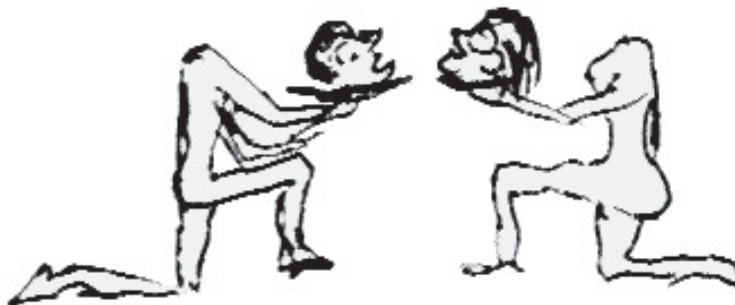
Бонаквов и Спрайтов — ужасные проходимцы, встретились с малолетними хулиганами: Лампочкиным и Расческиным. И устроили мелкое хулиганство в крупных масштабах.

НЛО — Неосознанный Лажающий Объект — человек, источник мелких и крупных неприятностей.

Его лицо выдает желаемое за действительное. А ее — действительное за желаемое. Такая вот парочка.

Дневниковое

Служил мировому добру в лице самого себя.

Заповеди

Лучше недопереесть, чем перенедоспать.

Прежде, чем бежать, нужно полежать.

Вдарим сном по режиму!

Прежде, чем идти в ресторан, перекуси.

Мойте душу перед едой.

Недосказать всегда лучше, чем.

Из дневника мужчины в расцвете сил

Наелся, напился, проснулся.

Очень устал, и поэтому начал творчески мыслить.

Морально обожрался.

Проснулся на обеденный перерыв.

Так долго спал, что опоздал даже в круглосуточный магазин.

Почему-то после того, как подкрепишь свои силы, хочется лечь и отдохнуть.

Временно пообедал.

Только что пообедал, теперь придется пару часов поголодать.

Он довольно часто прибирал свое жилище, чтобы никто не узнал, какой он свинья.

Я слишком ленив, чтобы воспользоваться помощью других. Поэтому я помогаю им сам.

Если не усну, встану и пойду работать. Тогда уж точно усну.

Утро рабочего человека.

От звонка будильника проснулась только совесть.

Все остальное продолжало спать.

Исповедальное

В своей жизни я погубил очень много будильников.

Из сказанного невзначай

Я забыл, что я не дурак.

Конфликт

Слушай, ты меня так до совершенства доведешь!

Ладно-ладно, пятнадцать минут не буду хвастаться.

Это нельзя, но нужно...

Не могу доить корову по расписанию. Только импровизацией.

Каждый приемник думает, что это он сам говорит.

Я помню это, как свои тысячи пальцев!

Замнем-ка мы это дело для ясности.

Никак не могу вспомнить, что я забыл!

Ты очень хорошо выглядишь издалека!

Это был такой светло-темнокожий человек.

Ты хорошо выглядишь, когда ты в черной юбке и вся в белом.

Меня вполне устраивает отсутствие лишнего.

Оговорки

Она вылечилась на бухгалтера.
(оговорка психиатра)

В этом году жена будет теплее.
(вместо «зима», недавно вторично женился)

Асексуары для ванной.

Казалось бы, все матерные лекарства исчерпаны...

Больше половины евреев — чемпионы мира по шахматам.

Я сейчас ввинчу болтик, только ты принеси расчесочку...
(вместо «отверточку»)

Пинг-понг — родина Китая.

Запишите, пожалуйста, мой дебильник.

Выбуди рубильник.

Помой почту, а я пойду, отправлю посуду.

Опавшие мысли.
(вместо «Опавшие листья»)

Будильник уже закипел.

Описки и опечатки

Великие мусли.
(вместо «великие мысли»)

Читательский вопрос моему другу:
«Надо ли зудеть и зачем?»
(вместо: «Надо ли худеть и зачем?»)

Две опечатки в один день: конфигурация и рекумендация.

Еще одна опечатка моего друга психолога и писателя:
«Я всем уже разоссал свои перевертыши».

Лирическое отупление.

Профессиональные рыгалии.

Метеоуролог.

Ослоумие. (Речь шла о себе.)

Семейно-дружеские записи, или Дружеский Фарш

- Ты будешь еще картошку?
- Да!
- Сколько?
- Всю и еще немного.

- Ты все забыл!
- Нет, я все помню. Только скажи, что!

У меня сейчас какая-то особенная ясность сознания...
Это означает, что хорошо бы поспать.

Далеко за полночь десятилетняя дочка сидит рядышком в кресле, я работаю за компьютером. Ей никак не хочется спать.

- Я совсем-совсем спать не хочу!
- Ну посиди здесь, уснешь от скуки.
- От скуки? Хочу уснуть от скуки! Это интересно!

Ресурсы

- Нашелся носок! Один, но очень хороший!
- У меня есть полторы пары целых кальсон.

Смотрим с женой вечерние новости. Уже не в первый раз спортивный комментатор рассказывает о новостях шахмат, а после них — о новостях плавания. Жена спрашивает:

- Почему после шахмат всегда идет плавание?
- Потеют сильно!

И у дверей есть душа

Как-то заело замок, никто не мог войти в квартиру. Вызвал рукастого друга-психолога, он выехал на место, захватив инструмент. Применил лопатку, ломик — дверь открылась. Мой друг обычно пребывает в состоянии убежденности в своих сверхобычных способностях, поэтому по окончании происшествия заключил:

- Инструмент можно было и не брать. Он нужен был скорее для психологического воздействия... На дверь.

- Я ужасный муж!
- Нет! Ты прекрасный муж! А какие у тебя к себе претензии? К чему можно придраться?
- Все тебе расскажи!

Как-то мой друг подавал проект своего интернет-сайта на конкурс. Написал заявление. По правилам редакции конкурса текст заявки — описания проекта должен был быть очень коротким: не более 30 знаков. Мой друг подобрал самые точные слова, уместился в 29 знаков. Я восхитился:

- Да ты молодчина!
- Знаешь, — ответил мой товарищ, — я хорошо себя чувствую в жестких границах слова. Если бы надо было, скажем, в три буквы уместить все мое мировоззрение, я бы уместил!..

На кухне. Гляжу на некую кашлицу, вываленную на тарелку из холодильника, спрашиваю у жены:

— Это что такое?

— Это шарж. На котлеты.

— Понятно. В таком случае, я сейчас нарисую на тебя дружеский фарш.

Жена, глядя на ненужный, вышедший из пользования чемодан:

— Может быть, его уже выбросить?

— Не надо. Он очень удобный.

— Да? А для чего?

— Ну например, для хранения каких-нибудь ненужных вещей.

Муж жене задумчиво (при подготовке к новогоднему маскараду):

— Тебе даже и без маски хорошо...

Как-то я решил сказать жене доброе слово.
— Ты — сокровище, которое меня нашло.

— Ты пообедала?
— Да, только что.
— А, да, я видел, у тебя из-за спины щеки торчали.

Из диалога мужа и жены

Жена:

— Это я повторить не могу, это неприлично!

Муж:

— Найди у Губермана и покажи!

Ужинаем с женой в ресторане:

— Смотри, тарелка сама поехала!
— Это потому, что ты выпил.
— Да, я выпил. Но она-то не пила!

Хорошее утешение

Гуляем с женой на природе.

— Не переживай, здесь комаров нет, их всех гадюки съели...

С утра

— Сегодня можно и отдохнуть.
— Да, тем более, что все предыдущие дни мы тоже отдыхали. Прецедент есть.

Трудное просыпание

Погаси этот свет, он мне просыпаться мешает...

О тихом и громком в русской культуре
Играем в шахматы. Жена по поводу так называемого «тихого хода», то есть не содержащего видимой угрозы:
— За тихим ходом следует громкий мат!

Парадоксальная психотерапия аудиальных расстройств:

- С твоими ушами все в порядке!
- А???
- С возрастающей громкостью:
- С твоими ушами все хорошо!
- Что?

Обратная связь

В откровенном разговоре рассказали каждый друг другу о трудностях своего детства. Жена сочувственно прокомментировала мой рассказ:

- Представляешь, каким бы ты был умным, если бы не этот детский сад...

Солянка

*Отрывок из вспомогательного пособия для низ-
ковербальных влюбленных*

Как можно ждать ответа от любимой женщины:

Как соловей лета, как террорист пистолета, как
штанга атлета, как мяса котлета, как яйца омлета, как
глупый совета, как строчка сонета (нужное зачеркнуть,
ненужное оставить).

Жизнь полна безобразия!
Прутка Козьмов

Права человека
Каждый человек имеет право на виньетку. А в исклю-
чительных случаях — на загогулину.

Очевидно до незаметности.

Это напомнило мне что-то из будущего...

Такими словами я обыкновенно представляю гостям
свою собаку:
«Прощу любить и не жаловаться!»

Пейзажные зарисовки
Снег расчесывает воздух.
Ветки, нарисованные снегом.

Заметка о цикле умственного развития
Каждый человек проходит круг от ЕЩЕ глупого до
УЖЕ глупого. Причем, что характерно, человеку нико-
гда не дано знать, на какой части этого круга он пребы-
вает в данный момент.

Человек рождается с огромным запасом глупости. И далеко не все успевают его растратить.

Подпись художника всегда чуть-чуть портит картину.

Плоха та вешалка, которая не мечтает стать виселицей.

Все в сравнении
Еж дикобразу:
— Не стоит чересчур зарастать собой.

Аристократическая фамилия: Несвинский.

Старая потрепанная мыслишка, но ведь и день сменяется ночью не первый год...

Необычный словарь

Супер — повар в общественной столовой.

Табун — человек, следящий за соблюдением общественной морали.

Кастрюля — небольшого роста евнух.

Пистолет — юбилей числа Пи.

Комикадзе — человек, рисующий карикатуры на высших должностных лиц.

Пятилетний мальчик, рассматривая рекламу в психологическом журнале:

— А психолог-то голый!

Опечатка в объявлении

За сохранность ваших вшей администрация ответственности не несет.

(вместо «вещей»)

Психологический семинар. Все участники заполняют тест на уверенность. Одна участница заглядывает через плечо к другой.

Преподаватель (*укоризненно*):

— Такие взрослые люди, а списываете.

Дату и место встречи изменить нельзя...

Внимание! Тренинг остроумия пройдет 1 апреля 2008 года в здании цирка.

На заседании кафедры, после прослушивания диссертации.

Зав. кафедрой: «Здесь нужен доктор!»

В словаре по психологии не оказалось слова «смысл».

Вдумчивый ребенок спрашивает у мамы:

— Как ты думаешь, какой процент мирового запаса ртути находится в градусниках?

Тот же ребенок, начавший изучать физику самостоятельно:

— Любая работа хороша!!!... Кроме работы силы трения...

Мальчика-именинника спрашивают:

— Что тебе подарить?

— Что, что? Ну, что подаришь, то и съем.

Разговорное-оговорное

«Если его брать за ножку, он начинает немного смущаться». (Вместо «сместаться», речь шла о диване).

Интернет испортил

Вместо «Ничего не сказано» пишут «Ничего не скачано». Вместо «Пойду, посплю» говорят «Пойду, перезагружусь».

Говорящая опечатка

Из жалобы администратору сайта: «С вашего сайта вместе с музыкой на мой компьютер закачался порнографический клип емкостью десять мегабаб».

Вопрос на уроке информатики в армии:

— Товарищ преподаватель, как выделить все?

— Очень просто. Выделяешь «в», «с» и «е».

Детская загадка
Рядом мышка бегаёт,
а внутри собачка.
Сам уроки делает,
сам себе задачка.

Из взаправду увиденного
Весна! Стриптиз в кабинке у консьержки.

Одностиишьё об эпохе перестройки
За продовольствием стоял народ.

Россия, век двадцать первый
Неудержимо прет духовность.

Окончены блаженные труды...
Из ненаписанных стихотворений
Александра Сергеевича Пушкина

Из словаря определений

Порядок — бардак, который тебя устраивает.

Реальность — совокупность всех прошлых, настоящих
и будущих мифов о ней.

Скромность — хвастовство тем, что не хвастаешься.

Скука — болезнь недостатка воображения.

Новое в физике

— Это пустая чашка. Она уже раза два разливалась.

Психологи выпили. Один другого спрашивает:
— Ты с-с-себя уважаешь?

Получил письмо от коллеги с таким текстом:
«Внимание! Если это письмо придет в нечитабельном виде, пожалуйста, срочно перезвоните мне на мобильный».

Если вы Колобок, то спуститься с горы медленно у вас не получится.
(Афоризм третьеклассника).

Кризисное
Крайняя степень бедности: продал полку для зубов.

В газетах и метро появилось объявление:

**Эксклюзивный практический семинар:
Как заработать во время кризиса?
Стоимость одного занятия — 3000 р.**

Собралось народу, около трехсот человек. Лектор вышел к аудитории, осведомился:

— Все ли приобрели билеты? Все оплатили?

Дружное «Даааа!»

— Поздравляю. Спасибо. Вы успешно прошли семинар «Как заработать во время кризиса». С наглядной демонстрацией. Можете быть свободны.

Над дураками можно шутить с большой пользой для здоровья и большой опасностью для жизни.

Из стихотворных опытов

Начало шпионского романа. Завязка.

Ехали две леди
на велосипеде.
А за ними сэр
из СССР.

Слушая радио, скромно помыслил
Индустрия хищной пошлости
набирает обороты.
В каждой ямке хочет вошь расти.
Громче всех орут уроды.
Злее бешеного пса
непотребная попса.
Накормила душу досыта
телерадиосивуха,
и не будь на свете Моцарта,
я б оглох на оба уха.
Не прожил бы я и дня,
если б не было меня.

- На полдороге к крематорию мы превращаемся в историю.
- Вот-вот, как раз на полпути, а дальше можно не идти.

Экспертное заключение о причине смерти стиха

Поэзия, прости Господи, должна быть глуповатой.

А. С. Пушкин

Не получился стих:
от рифм его пустых
за три версты разит одеколоном.
Не получился стих,
хоть, Господи прости,
учиться глупости есть у кого нам.

Не получился стих...
Туману напустив,
недовзорвался ядерный реактор.
Не получился стих —
растил мошну, растил —
и вдруг его кастрировал редактор.

Не получился стих:
гримасничал как псих,
а оказался просто симулянтом.
Не получился стих:
капут его постиг
от страха перед авторским талантом.

Речь к небожителям

Боги! Глупость непобедима.
Не затевайте войны с глупостью, боги —
глупость сметет вас,
проглотит,
в непереваренном виде
выблует:
сами себя едва ли узнаете, боги.
Я заклинаю вас:
в союз с глупостью не вступайте,
на железобетонные ее плечи не опирайтесь,
на необъятный зад
не рассчитывайте,
да не обольстит вас его чудовищная могучность.
Едва завидите глупость, давай Бог ноги,
боги,
страшней проказы эта инфекция — глупость.
Дыра в кармане у вечности,
или, как говорил мой техред,
трубопроводный контейнерный пневмотранспорт,
вот что она такое.
В тесном своем кругу вы это можете
экспериментально проверить.

КОНКРЕТНАЯ ГУРОЛОГИЯ

очередные творческие изъяснения
Ивана Халявина

Да-да, друзья, это он. Заслуженный стихиатр России, сторож детского сада, соавтор и герой моей книги «Не только депрессия», выдающийся пациент. В общем, узнали. А кто не знаком, сейчас же это дело исправим.

Нет, конечно же, повторять все то, что уже рассказано об Иване Афанасьевиче Халявине и что он сам поведал в опубликованном виде, не будем: кому интересно, найдет все легко и в книгах, и у меня на сайте; а тут, пользы дела для, слегка продублируемся только в самом конце. Многогранный облик ИАХ сквозит в каждой его строчке, а особенно между, и тут мы обнародуем лишь кое-какие штрихи, оттеняющие своеобразие его личности и дарования.

Правда вот с обнародованием-то, имею в виду на бумаге, творческих изъяснений ИАХ то и дело возникают некоторые щекотливости.

Вот, к примеру, эпизод из одной нашей недавней врачебно-литературной беседы.

Фрейд отдыхает

— Ах, Иван Афанасич, Иван Афанасич, ну экой вы, право. Стыда с вами не оберешься, ей-богу.

— Да чего же такого тут, доктор? Чего я грешного натворил?

— Ну как чего. Во-первых, опять пьян.

— Не пьян, а поддавши в меру поэтического разума, во здравие Музы.

— Знаем-знаем, постоянная ваша присказка. А во-вторых, опять неприличие. Ведь вот из-за вас люди чув-

ствительные и со вкусом, наткнувшись на эдакое, плеваться начнут, книгу захлопнут, дальше читать не станут и другим не дадут, на помойку выбросят, деньги назад потребуют, отзывы на меня напишут ругательные и будут правы, хоть я не при чем. Шипеть будут: опять Халявиным прикрывает свой срам.

— Срам? Неприличие? Это у меня-то, монаха почти по жизни?.. Да где ж вы его откопали, срамной момент?

— Да вот хоть это, пожалуйста:

На всем скаку останоВил коНя
и до сих пор стоит он у меня

это что, по вашему?

— Как что, не видите разве? Конь. Стоит. Как ему и полагается.

— Вот именно что стоит.

— Таак... А что, конь, по-вашему, лежать должен? Или сидеть? Лошади, они все отродясь стоя делают: и едят, и спят, и друг дружку любят, и жеребят рожают. А ложатся единственно когда помирают. Сидеть вообще не умеют, не положено им. Не понимаю вас, доктор, о чем вы. Что вас беспокоит?

— Что беспокоит меня, я расскажу своему врачу, а вы у меня пациент, я ваш врач, и мы говорим о том, что беспокоит вас.

— Ну хорошо, я вас слушаю.

— Это я вас слушаю, а вы мне, пожалуйста, отвечайте.

— Так вы ж вопроса не задаете. Вопрос о моем коне, так или нет?

— О коне?.. Ну, допустим.

— Целиком стих, откуда кусочек не понравился вам, — такой:

На всем скаку останоВил коНя.
И до сих пор стоит он у меня
Над изголовьем, верный мой Петас,
а я уже не беспокою вас.

- Ах вот какой конь.
- Пегас, да, лошадь поэтов.
- А почему он у вас над изголовьем стоит, а вы уже никого не беспокоите? Спите, что ли?
- Ну да. Сплю. Вечным сном.
- ?..
- Эпитафия это моя, поэтическая аутоэпитафия, не понятно разве?
- Теперь понятно... Ну хорошо, в данном случае имела место, возможно, некоторая гипердиагностика. А вот это, уж вы меня извините, более чем откровенно и ни в какие ворота:

У всякого коня
длинней чем у меня.
Не стану я конем,
Но еду я на нем.

— Это почему ж ни в какие ворота? Что ж, я, по-вашему, такой расподдатый, что лошадью в ворота не попаду? Да я на коня раньше сел, чем ходить научиться. В деревне родился, в глубинке, время лошадное еще прихватить успел.

— Иван Афанасич, хватит играть дурачка. Все тут понятно, прозрачно все. Типичнейшая компенсация примитивнейшего из мужских комплексов.

— Не понимаю, какая такая коньпенисация, что вам там показалось. Я, что ли, похож на человека с морально расстегнутой ширинкой?

— Зачем же так однозначно.

— Может, вам черновой вариант стишка показать, чтоб ясней стало, что в виду имеется?

— Только не вслух.

— Отчего же не вслух?

Нога у всякого коня
длинней, сильней, чем у меня.
Мне никогда не стать конем,
Но еду, еду я на нем!

— Вот это совершенно другое дело, Иван Афанасич. Это уже поэзия без непристойных двусмысленностей. Все определилось одним словом, одной деталью, и высветилось во всей мощи и красоте. Зачем вы вычеркнули важнейшее ключевое слово «нога» и уменьшили размер в окончательном варианте — вот в чем вопрос.

— Как зачем? Да для красоты же. Для цельности. Нога — это частность. И шея, и морда, и хвост, и спина — все у коня длиннее. Размер же стиха уменьшен с четырехдольного на трехдольный для правильной передачи ритма наезднического, для усиления энергетики. Лишние слова убраны, лишние слоги, точней сказать, во второй и четвертой строках — и поскакал, поскакал стих! — Тарам-тарам-тарам! — Татам-татам-татам! — разве не слышите?

— Слышу, но...

— Вот имен-НО! Вы, я гляжу, доктор, все психоаналитицки меня понимать усиливаетесь, а я человек простой, я говорю стихами без задних мыслей и в том числе без передних. В Расее нашей психоанализ — занятие ничемушное, у нас подсознанка сама прет изо всех дырок, успевай только затыкать. У нас Фрейд отдыхает.

Вот для нас психоанализ,
счастья кладезь:
dubinalis po spinalis
quantum satis!

Анатомолирическое отступление

Если кто-то еще не понимал, то теперь, думаю, понял, какой самобытный у меня пациент. И то сказать, у иных больших поэтов нет-нет да случится какая-нибудь фонетическая конфузия или прокол в области переносных смыслов. У Фета, к примеру, посреди знаменитого «Как здесь свежо под липою густою» прозвучивает некая анатомическая подробность. Хотя классик, разумеется, ничего такого в виду не имел, это мы *такие*.

У раннего Пастернака поэзия определяется как «шорох Вселенной в лопатках», и это бы здорово, да лопатки не те, что приходят на ум: в сноске автор делает примечание, что лопатки — это стручки гороха. И стало быть, именно горох, а не костные или саперные лопатки, улавливает шуршанье Вселенной.

У Пастернака находим и психоневрологический перл:

*Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.*

Чудесные строки, и всякой даме были бы ахти как приятны. Есть, правда, нюанс. Во времена, когда эти стихи писались, было уже известно, что извилины — характерный признак мозга млекопитающих с высокоразвитым интеллектом, и быть прекрасной без извилин понравилось бы не всякой красавице. Хотя как знать...

Как стать поэтом

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.*

Анна Ахматова

У Ивана Афанасьевича стихи растут из души, но через некоторые промежуточные инстанции. В частности, уши. О чем и свидетельствуют

*строчки, рожденные при просыпании ранним утром
от звуков, доносящихся из-за стены.*

Стиху важна поддержка звука:
включит сосед электродрель —
и слово, как стрела из лука,
взлетит без адреса, но в цель.

Оно стрекочет автоматом,
стреляет как гранатомет,
оно волшебным русским матом
до глубины души проймет

Остановись в житейском море,
послушай, что звучит вокруг,
повыражайся сам — и вскоре
поэтом станешь, милый друг.

Хороший совет для начинающего питомца муз: остановись и послушай. Можно даже не останавливаться, и на ходу слышно. Иван Афанасьевич иллюстрирует:

— Недавно идем мы с приятелем к музею-усадьбе «Коломенское», народ толпой движется в том же направлении — день праздничный и погожий, много молодежи, детей... Впереди, в метре от нас примерно, шагают двое солидных мужчин, один заметно подвыпивший, другой почти трезвый. Подвыпивший громко рассуждает, смеется, поет и ругается попеременно, все очень слышно. Почти трезвому это не нравится, и он так же громко, во всеуслышанье увещевает подвыпившего:

«Слышь, Вить! Помолчи, не позорь Россию на х.., слышь, Вить! Не позорь на х.. Россию, тебе говорят!»

Ага, формула национального престижа, патриотизма, и как кратко и емко, душевно как. Да, верно заметила Анна Андреевна: идешь, а кругом так и растут стихи, не ведая стыда, ну совсем не ведая. И как тут поэтом не стать.

Прокрустова лужа

Иван Афанасьевич, как я и раньше уже отмечал, при кажущемся простодушии — заметливый наблюдатель и незаурядный психолог. Вот одна из его маленьких, но превосходных по точности психологических самозарисовок, я ее часто использую как пример, рассказывая своим подопечным о природе парадоксальных состояний души.

Дело было в соседней деревеньке Глазищи. Было мне лет семнадцать, и вез я на лисапеде позднехонько вечером, уже в темноте, девушку свою с танцев.

Погода была мокрая. Едем с горки, к дому ее уже подъезжаем. Вижу перед собой на дороге смутно огромную лужу... Девушка моя визжит с багажника: «Не проедем, Вань, щас дерябнемся!» А я ей: «Спокойно, Марусь! Прорвемся!» И с ходу, не видя ни зги, промчался, можно сказать, колесом на ощупь по узкому перешейку суши аккурат посередке лужи.

Обратно тоже по этому же пути как по писанному проторился. А утречком через день еду опять к милой по той же дороге. Гляжу: впереди — та же лужа с узеньким перешейком. «Ого, — думаю, — это как же я в темноте здесь проехал?.. Ну, была-не была, сейчас проскочу со свистом!»

Не тут-то было — прямехонько в лужу носом и угол раздил! А лужа глубокая была: воды нахлебался, костюмчик новый подкрасил.... Перед Дульсинеей своей предстал в наилучшем виде.

Мораль: меньше видишь — дальше будешь!

Такой далеко идущий вывод из незначительного, казалось бы, пустяка может сделать только думающий поэт.

...А следующий рассказ Ивана Афанасьевича заслужил аж первую премию на конкурсе юморотерапии психорасстройств, проводившемся на Фобическом факультете новооткрытого Университета Уверенности при Министерстве Психологической Культуры РФ (ректор — Кстонов Д.С., декан — ваш покорный слуга). Какие только методы на этом конкурсе не демонстрировались — и мультикотерапия, и клоунирование, и щеко-толечение, и хохотрансмедитация, и игроукалывание, и абсурдохирургия, и идиотренинг, и хамомассаж, и мочить в сатире и прочая-прочая, а пальму первенства в виде говорящей лошади, вовсе и не желая того (почему, поймете, прочитав рассказ до конца), выиграл наш общий друг и любимец ИАХ — за произведение

Трусофобия

история одного противострахового средства

Знавал я одного мужичка, бесстрашного донельзя — ничего не боялся. Но была у него одна фобийка, которая и всю егоиную жизнь переменяла. А было дело вот как.

До смерти боялся тот мужичок трусов. Ну да, с ударением на первый слог. Как видит труса, бежит что есть мочи. А трусу-то ведь только этого и надо — чтобы его боялись. Для него это — бальзам на душу. Психотерапийка первостатейная. А поскольку трусов на белом свете хватает, чуть ли не каждый — трус, бедный мужичок наш, Егором его звали, постепенно попал в положение постоянно преследуемого. Трусов так на него и тянуло. Чует ведь сразу тварь всякая, кто боится ее, кто еще трусливее, чем она. И вот — что ни трус, то на бедном Егоре самоутверждается и от страхов, от трусости своей за его счет избавляется.

Много раз встречал я Егора моего, бегущего от кого-нибудь опрометью. А то и целая орава за ним: «Держи его! Бей его, гада!» Случалось и так, что под кем-нибудь лежит, а тот по нему ходит. А ведь у самого мускулы чуть ли не как у Геракла — здоровый такой. Но

что подделаешь — **ТРУСОФОБИЯ!** Программа такая в него была вставлена, боялся он трусов. А смельчаков на пути его и не попадалось вовсе за целую жизнь. Еще бы — кто громилу такого увидит, тот сразу — в мандраж! Егору же, то есть страху его, только того и надо: как видит струхнувшего перед ним, так сразу в крупную дрожь, да и мелкой рысью! А уж труханувший-то, представляете, как тому рад — эдакая гориллица да перед ним мандражит! Как самоутверждается сразу!

Жалко мне его стало. Как вижу, что кто-нибудь над ним издевается, подойду, как цыкну — все разбегаются. А я-то, сами знаете — тщедушен, сам всех боюсь, а уж от уверенных просто душа в пятки прячется. Вот так природа неравномерно распределяет свои задатки... Я-то, поскольку трус сам, то Егор мой и меня боится, но я его к себе приучил. Я, как вижу его, смелым притворяюсь...

А самое интересное еще впереди. Грянул в России, значит, капитализм. Зарабатывать надо, да не с чего. Я и подал Егорке идею: «Чтобы мании преследования у тебя не было, ты давай всех трусов под гребенку». — «Это как?» — Егорка мой спрашивает. — А я ему: «Ты сколько трусов уже на своем веку за счет своего здоровья психицкого и физицкого от страхов всяческих да от ужасов исцелил?» — «Штук тыщу, небось, да поболее того». — «Во, — говорю, — а я об чем тебе толкую? Ты с ентих трусов теперь деньгу будешь драть. Нынче ни зуб бесплатно не вырвешь, ни в туалет не сходишь, не говоря уж об страхах». — «Ааааа, понял», — Егорка в голове зачесал.

Дал он, значит, объявление в местную газетенку:

лечу разом фобии, страхи и прочие прибабахи

А так как Егорка был уже порядком известен как трусофоб, то пошло к нему трусов штук по пятьдесят на день. Боялся он их — жуть как. А им ведь того и надо — смелели на глазах, а далее и наглели. Кто в бокс потом пошел, кто свое дело открыл, кто детей с пяток

нарожал. Видели бы вы, как они его, сердешного, на приеме отделявают! — мало бы не показалось...

Так что — все к Егору Никанорычу моему — на прием! Денег он немного берет, мне как автору идеи процентов на магарыч еле-еле хватает.

Это, как вы поняли, была реклама.

Самые любопытные из вас могут поинтересоваться: а что, и взаправду Иван Афанасьевич лошадь за эту пиаракцию получил настоящую, да еще говорящую?

Насчет настоящести судить не берусь — решало и премии вручало жюри. Председатель, вы догадались уже — Доктор Ю, ну конечно же; он, разумеется, за всю конкурсную баталию не моргнул и глазом, сидел, как всегда, с каменным выражением и лишь в конце халявинского повествования ухмыльнулся слегка, это и дало всем понять, кто победитель.

Что же до говорящести, то я точно, своими глазами видел, как при вручении наград к ИАХ подвели под уздцы лошадь. Она была пегая, по видимости уже пожилая, бывалая, и что-то сказала ИАХ на ухо. Что именно сказала, и как дальнейшее их общение складывалось, поведает в свое время сам Иван Афанасьевич, я не имею права нарушать авторские права и врачебную тайну.

Как стать гуру, сколько это стоит и стоит ли

Все лишь бренди, шерри бренди, ангел мой.

Мандельштам

После победы на конкурсе смехотерапии Иван Халявин стал уже не просто знаменитостью, но и признанным авторитетом в своей области. А поскольку в своей, постольку и НЕ в своей.

Чувствую, недостаточно внятно выразился. Вот, послушайте, что по сему поводу рассказывает сам Иван Афанасьевич.

— Ну и влип. В гуру сдуру произвели, забрендировали. Они ведь всерьез думают, что я знаю и какие памперсы лучше, и как кошек лечить от течки, и как мужа вернуть удравшего, и как двести лет прожить, не чихнув ни разу, и как от прыщей избавиться и преодолеть геморрой, и когда конец света, не говоря уж о достижении неистощимой мужской потенции.

И у нас, и по всему свету так принято стало, что ежели кто получает СМИшную известность как фигура в деле своем, будь то физика, бизнес, эстрада, спорт, политика или стриптиз, то персону такую уже возводят и в глобальный авторитет, и по всем жизненным вопросам мнения испрашивают, медицинские советы берут, предсказаний требуют и в рекламу свою запихнуть норовят.

Давеча вот один колбасный топ-менеджер приставал: сделай ему рекламный ролик на колбасу «Семейная». Мы, говорит, новый бренд раскручиваем, а ваш бренд раскручен уже, и это нам очень поможет. — «Это как вы мыслите?» — спрашиваю. — «А вот так: вы читаете свои лучшие стихи о семейных ценностях, с юмором, но не слишком, а мы через каждые две минуты вставляем в запись наш текст про «Семейную» колбасу. Вас все знают, подъем покупательности обеспечен, с наваром платим хрен знает сколько бабок». — «Понял, — го-

ворю, — ну а что, если так, по-деловому и коротко: колбаса «Семейная» — дрянь первостатейная?» — «Хорошая шутка, Иван Афанасич, но мы серьезно. Нам пиар нужен. Мы платим бабки». — «Понятно, — говорю. — От пиара до навару только шаг, но я вольный санитар, а не ишак. Если хотите, берите мою обновленную версию слогана «Пепси», забойную. Им за сто тыщ баксов не отдал, мало показалось, а вам отдаю бесплатно». — «Хотим, а какую?» — «Бери от жизни все и валя отсюда». Не понял меня топ-менеджер, продолжал уговаривать, пока я ему не помог найти выход.

Еще одна журналюшечка, трясая перед носом американской переводной книжонкой «Как стать гуру за 60 дней», допытывалась: «А вы за сколько дней гуру стали, Иван Афанасич?» Я: «За пять минут, милая». — «Класс!! — кричит. — Круто!! И как же это вам удалось?» — «Да вот вылез с рекламкой дружка моего и сразу же огурел. Я с пеленок уже гурил, это у нас в роду, по наследству». — «Ой, Иван Афанасич! — заулыбалась томно, ножку отставила. — Возьмите меня в ученицы! Я вам такой пиар сделаю» — «Чего-чего?» — спрашиваю. — Вы это, не надо... Я этим способом, знаете ли, не практикую, естественник я, у меня принципы». В общем, атас полный.

— Атас, Иван Афанасич, — подтвердил я. — Сам сколько уж лет в гурах хожу и вас понимаю полностью. А недавно вот и сына Максима после музыкально-аптечных гастролей усилиями прессы произвели в музыкальные гуру-доктора. Тут же накинудись со всех сторон пользователи и пользовательницы. Кто-то чуть не уговорил музыкально сопровождать в многодневной поездке товарную фуру с потрошенными курами. Обещали в дополнение к гонорару выдать пять кур бесплатно. Из МУРа звонили, музычку просили для следователей по особо важным делам. Безизвилиная красotka из журнала «Гламур» заказала интервью на пять строчек по сексуальным подробностям личной жизни...

— Ага, атакуют, значит. Ну что ж, для психологической обороны передайте сынку вот это...

Тут же, не сходя с места, ИАХ выхватил из кармана пиджачка огрызок карандаша и на салфетке (мы вместе ужинали) накатал:

Гуру в гору не пойдёт,
гуру гору обойдет.
На фига ему гора?
Все и так кричат «Ура!»

Гуру к дуре не пойдёт.
Гуру дуру обойдет.
Не бросайся, гуру, к дуре —
проиграешь в первом туре!

Гуру куру не сожрет.
Гуру куру к черту шлет.
На фиг гуру птичий грипп?
Он и так по горло влип.

Гуру к МУРу не пойдёт,
гуру МУРа обойдет.
Ведь и так без МУРа тура —
уголовная структура.

Гуру фуру не везет,
фура пусть сама ползет,
А за это время гуру
накатает партитуру.

Прочь, гламурный гарнитур!
Гуру — сам себе гламур.
Кто гламуричь будет гуру,
повредит себе фигуру.

Гуру шкуру бережет,
бабки пачками стрижет.
Что бы делал мир без гур?
Превратился бы в домгур!

На сем мажорном аккорде, напоминающем, что призвание всякого уважающего себя гуру — спасать челов от других гуру, мы и закруглили временно эту тему. Но только временно.

Да, лишь временно — через пару недель Иван Афанасьевич принес мне еще одно произведение, уже покрупнее, затрагивающее вопросы гурологии, сиречь психологии авторитета. Рассказ, прототипом которого стал один из бывших приятелей и собратьев ИАХ по поэтическому цеху, сменивший свое амплуа, прямо можно сказать, забегаая вперед, на противоположное.

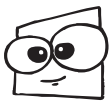

Полет галоши, или Дерьмометр

свидетельство из истории отечественной литературы

*...и только гиря говномера
слегка качала головой...*

Александр Галич

Поздним вечером он одиноко сидел за столом. Творил.

*Искал я долго комара,
что укусил меня вчера,
чтоб низко в лапки поклониться,
но он мне сел на ягодицу
и укусил... в последний раз...*

Для достоверности художественного самовпечатления поэт Светофоров Г. Г. хлопнул себя ладонью приблизительно по тому месту, куда укусил комар, и продолжил:

*На сем бы кончить мой рассказ,
но стал второй кусать упорно —
придется кланяться повторно...*

Вдруг, словно джинн по вызову, в форточку рванулся сквозняк, трепанул рукописи, в изобильном лирическом хаосе разбросанные по столу, походя прихватил лист со свеженаписанными строками и — фьють! — забросил его под стол.

— Тьфу, блин, — выразился Светофоров, полезая туда же. — Вот всегда: только напишешь че-нить гениальное, а оно и... да где ж ты...

Листка с только что написанными стихами под столом не нашел. Зато нашарил другой:

*Все ждешь от Музы поцелуя?
Уж лучше б на фиг ты пошел.
Скажи, какого аллилуя
в поэты лезешь ты, козел?*

— Это что? — озадачился Светофоров, вылезая из-под стола. — Это чье? А? Я такого не писал.

Не писал. Однако же, пристальное изучение оскорбительного текста подтвердило, что написан он Светофорова Г.Г. собственной рукой, его неподражаемо заковыристым почерком и ничьим более. Все свои стихи Светофоров писал от руки, от руки же правил, и лишь достигнув чувства творческого удовлетворения, печатал.

Но эти стихи были не его. А почерк — его.

— Таак, — Светофоров энергично изорвал скверный стишенок и забросил в корзину. — Поял вас. Вас поял. (После выхода из запоя букву «н» он пропускал как несущественную). Ребят, вы эти шуточки бросьте, собутыльники хреновы. Халявин, ты, что ль, подкинул? Не запаadlo тебе халявную водяру в чужом доме хлестать, а потом такое дерьмо под столом оставлять?

— Вот именно, — пропищал кто-то за спиной. — Именно что дерьмо, как все у тебя. Все-все-все дерьмо!

— Чеее! — резко вскинулся Светофоров, оглядываясь. — А?!

Ни-ко-го. Никогошеньки за спиной не оказалось. Как и во всей квартире, которую Светофоров суетливо обыскал в поисках источника столь оскорбительного слухового вторжения. И в кухне, и в ванной, и в туалете, и на балконе — полное отсутствие какого-либо присутствия. Лишь кучи пустых бутылок, груды окурков, горы немытой посуды — бардак, закономерный и присущий творческой личности на стадии завяза.

И Халявина нигде не было. Да, не скроем: рассказчик сего в сотворении обрисованного пейзажа активно участвовал. Но того не более. К тому же Светофоров был твердо уверен, что не дано Халявину с такой филигранной точностью подделать светофоровский почерк, как и чей бы то ни было. Ему, Халявину этому, со своим бы почерком управиться, собственные каракули кое-как нацарапывал, а потом едва разбирал. Тьфу, короче, это не главное...

Главное — что вот это «тьфу!», а с ним вместе «ой-ф-фу-у!», «уй-бляа!» и прочие непотребные визгливые

междометия вдруг явственно послышались Светофорову. И доносились они не откуда-нибудь, а с покинутого им творческого алтаря.

В два прыжка возвратившись к столу, Светофоров узрел нечто немыслимое. По рукописям его, мелькая в хаосе листов, скачет крохотное существо, размером с большого некусачего комара, — того самого, которого в детстве мы называли кикиморкой или сикиморкой, кому как на язык приходилось.

Но не комар это был отнюдь. А...

Вы подумали — чертик?.. Вот и Светофорову так сперва показалось. При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что ни копытец, ни рожек у существа не имеется, а хвостик, если и был, то скрывался под тщательно отутюженными темными брючками. Начищенные башмачки, пиджачок элегантный, галстук — цивилизно, пристойно все. Бороденка, правда, была, но минимальная, какую нынче позволяют себе носить даже банковские клерки: мочалочкой. Голова относительно тела очень большая, глаза крупные, выпуклые — человечек, как ни гляди, такой деловитый и аккуратненький челдобончик.

Прыгая по рукописям и повизгивая, с выражением одновременно и отвращения, и удовольствия, челдобончик прикладывал там и сям продолговатую блестящую штучку с утолщением на конце — что-то вроде ключика или короткой булавки. Штучка мигала и ослепительно вспыхивала, а челдобончик издавал все эти «ф-ф-фу!» и «уй-бляа!» как заведенный.

«Ага, — начал соображать Светофоров. — Три недели пьянки... Похмелье не совсем отошло... Бывает, ага. Чертиков мы уже навидались, знаем, не впервой... Ну-ка, поговорим...»

— Эй, ты кто? Галлюцинация, да?

— Сам ты галлюцинация. Не мешай работать, — откликнулся челдобончик, не прерываясь.

— Че за работа-то у тебя на моем столе?

— Ха! Был твой, а теперь мой.

- Во как? И че делаешь-то?
- Непонятно? Плановая проверка. Дерьмометрия.
- А это че за фиговинка у тебя?
- Ты слепой или носом убогий? Дерьмометр.
- Чево-о?

— Прибор. Измеряет количество дерьма на печатную строку. Поздравляю — у тебя, братец, выдающиеся показатели, впору в книгу этого, как его... Ой-ф-фу-у! Гавнинесса... Караул! Зашкаливает! Задыхаюсь!!

Бац! — Изловчившись, Светофоров прихлопнул челдобончика пятерней, но тот успел проскользнуть у него между пальцами, вскочил на руку, вцепившись в свой прибор, и испуганно захихикал.

— А ну дай сюда, гнида! — Светофоров попытался выхватить у наглеца дерьмометр, но челдобончик скакнул, как кузнечик, в сторону. Светофоров снова хлопнул ладонью, но опять неудачно, и еще раз, и еще...

— Положь мигалку свою, гаденыш! Глюк пакостный, змий зеленый! Убью!

— Я не зеленый, — обиделся челдобончик. — А раз ты так — пеняй на себя!

Кинул штучку свою прямо на заголовок поэмы «Исповедь гениЯ» (именно так, с большой «Я» на конце), подпрыгнул, завибрировал, вспыхнул синим пламенем и — пропал, как не было.

— То-то же, нечисть, — злорадно произнес Светофоров, хотел добавить покрепче вдогон и осекся.

Мигалка, которую челдобончик, аннигилируясь, бросил на рукопись, так на ней и осталась — сияла, сигнализировала с яркостью незаурядной. И какой-то от нее то ли дымок подымался, то ли... Просто вонь.

— Ф-фу, — Светофоров поспешил зажать нос рукой. Другой попытался схватить штуковину, чтобы выкинуть в окно — да не тут-то было: из пальцев она выскальзывала, скача по листам, как сумасшедшая блоха, туда и сюда... В глазах замелькало и зарябило, сознание начало уходить...

— Аааааа! — дико взвыл Светофоров. — Пропади! Сгинь, нечистая сила! Господи, помилуй мя грешного! Не дай в уме повредиться!

В кухню метнулся, выхватил из домашней аптечки пузырек валокордина, пригоршню успокоительных, загрузил все разом в себя и бросился на кровать. Бормоча «спаси и помилуй», минут через десять погрузился в спасительную тьму...

Проснулся около полудня. Не открывая глаз, первым делом потянул воздух носом, пытливо и робко, как землеройка, внюхиваясь в окружающее пространство. Вроде все нормально: обычный запах жилища запойного холостяка — застарелое табачище, да с бутылочных донышек достаточно пахнет. Ясно: допился до чертиков, вот и причудилась вся эта мерзость смердючая. А насчет дерьма и того, кто кого дерьмее, позвольте, господа хвостатые, нам иметь собственное суждение! Самооценке — самообслуживание!

С этим лозунгом, поднявшись решительно, Светофоров справил все нужды, принял контрастный душ, побрился с особой тщательностью, надел чистую рубашку и выпил крепкого чаю со зверобоем. Далее, согласно обычному распорядку, следовало сесть за стол и начать работать. Светофоров так и сделать хотел, и уж было к столу направился бодрым шагом, но... Застыл в ошеломлении.

На столе был порядок.

И не просто порядок, а Идеальный Порядок. Рукописи к рукописи, листочек к листочку, ровнехонько сложенные; все нужные книги на месте, все ручки и карандаши наготове, все чисто, мусорная корзина пуста, ничего лишнего.

Такого порядка на столе у Светофорова отродясь не было и быть не могло. Такого порядка у поэтов вообще не бывает. В таком порядке много не наработаешь. В таком патологическом порядке творить умудрялся один лишь поэт на всем белом свете, человек очень больной — Александр Блок.

— Нет, — нарочито громко и отчетливо сказал Светофоров. — Нет и нет!

Постоял, прислушиваясь.

Никакого ответа не последовало на его слова — ни откуда-либо извне, ни изнутри самого Светофорова.

Тишина. Полный порядок и абсолютная тишина.

Светофоров набрал в грудь воздуха и подошел к столу совсем близко. Вот «Исповедь гениЯ», аккуратнейше прошнурованная... Невероятный порядок... Кто же это здесь потрудился...

— Оооо!..

Светофоров едва не упал в обморок. В самом центре стола преспокойно лежала та самая штука.

Дерьмометр.

Моментально все вспомнилось: челдобончик, его взвизги и гнусности, жуткий вонизм...

— В ж...! — сказал Светофоров. И для убедительности повторил: в ж...!

Дерьмометр на грубость не среагировал.

Светофоров осторожно взял его в руку. Внимательно рассмотрел. Ничего особенного: фитюлька какая-то, не поймешь — металлическая или пластиковая, к пальцам слегка липнет.

Так... Ну — была не была.

Затаив дыхание, Светофоров приложил дерьмометр к незаконченной рукописи — своей «СелявиндиИ».

Зажмурился... Потянул носом... Открыл глаза...

Ни-че-го. Ни тебе мигания, ни тебе запаха. Ура!

Но оказалось — не ура.

Заметил Светофоров, что дерьмометр устроен не совсем симметрично: с одной стороны — плосковатенький, с другой — слегка выпуклый. «Любопытно, — спросил сам себя, осмелев, — а что, если другой стороной приложить?...»

Приложил.

Моментально — мигание ослепительное, запах невыносимый... Едва не теряя сознание от безмерной вони, проверил еще раз шедевр — «Исповедь гениЯ»...

— Ну все, поял, — сказал Светофоров тихо.

Скрючившись, как от боли в животе, медленно отошел от стола.

Полез в хозяйственный шкафчик. Нашел веревку покрепче. Намылил, как полагается по классической технологии, запетлил...

Записку черкнул: «В моей смерти прошу никого...» — тут запнулся и видоизменил расхожую формулировку. Написал: «В моей жизни прошу никого не винить», так оно вернее было с точки зрения поэта.

Закрепил веревку на металлическом уголке (заготовлен был для будущих антресолей), на стул влез, петлю — на шею, перекрестился: «Господи, прости меня, грешного...»

Перед самым отбытием в мир иной, говорят, вся жизнь прожитая проносится в памяти как картина единая, — так ли действительно, доказать нельзя; а у Светофорова, уже в мурашках предгибельных, перед внутренним взором почему-то очутилась галоша.

Когда-то в детстве, в сырые осенние дни мать заставляла его ходить в школу в галошах, а он протестовал и сопротивлялся — не хотел быть посмешищем. В те времена пацаны его возраста галош уже не носили, ну, в крайнем случае, сапоги резиновые, если природа задождит, а галоши... Не понимала мама, как стыдно это. «Чтоб ноги не промокали, от этого у тебя горло больное, ангины...»

И вот Гриня — так его в детстве звали — решил от галош избавиться: потерять, вот и все. И потерял. Но только одну. Нечаянно потерял лишь правую, не успев придумать, как потерять сразу обе. Правая эта галоша была прогрызена слегка щенком Вовки, из дома напротив дружка, — будто отметил ее щенок заранее как уже списанную судьбой. А потерялась галоша то ли на остановке автобуса, в толкотне, то ли на детском утреннике, то ли на заброшенной стройке, куда забрались с приятелями... Ругала мать Гриню за эту галошу, а он не мог вспомнить, где же она пропасть-то могла.

И вот теперь на стуле, с петлей на шее, вспомнилось Светофорову, что галоша в кусты улетела. В шиповниковые кусты, которых полно было вокруг их дворовой спортивной площадки. Ребята в футбол гоняли, а он мимо шел, — мяч и полетел в аут прямо к нему. Как было с лету не ударить его, чтобы в поле играющим возвратить? Ударил, молодецки ударил, даже чуть гол в ворота нечаянно не забил. Галоша же, сорвавшись с ноги, улетела в кусты шиповника...

Стоя на краю стула, со всей ясностью, как на замедленной киносъемке, увидел Светофоров полет галоши. Вот летит она... Летит и звенит... Нет...Нет, не галоша это звенит. Это звонок... Да... Дверной...

.....

«Твою мать, повеситься не дают спокойно», — стонал Светофоров, стягивая скользящими пальцами петлю с головы.

У двери вдруг испугался: «Наверное, из домоуправления с участковым акт составлять... Долг по квартплате полугодичный... Увидят: петля болтается — не поймут...»

— Кто там?

Молчание.

— Кто?

Молчание и дыхание чье-то усиленное.

Светофоров в ответ решил помолчать тоже и подождать.

Снова звонок — робкий, короткий, слабенький — не звонок, а заячий хвостик.

— Кто звонит? Говорите! — приказал Светофоров.

В ответ — высокие, певуче-прерывистые нечленораздельные звуки:

— И-о-и-э-о-и...

«А, — горько подумал Светофоров. — Через дверь уже лезут, гады... Чего им надо еще от меня, добились же своего, убедили...» И потер рукой зудящую шею.

— Кого вам? — спросил сдавленно.

— Гигоиягегоиа, — чуть громче и тверже ответили из-за двери. — Гигоййгеоич, это вы?

Расслышав, наконец, в певуче-прерывистой мелодичности свое имя и отчество — Григорий Глебович — Светофоров обреченно открыл дверь.

За порогом стояла хрупкая брюнетка с прической каре, большеглазая, чуть раскосая, смягченно-восточного типа. Юная, не старше семнадцати. Обеими руками прижимала к груди растрепанную измятую папочку. Лихорадочный румянец на фарфорово-бледных щеках, учащенное дыхание, трепет ресничных — все выдавало огромное волнение.

— Гви-Гвиговий Гве...Гвебович... здравствуйте, — пролепетала девушка, мягко картавя.

— Здравсьте, — вяло бормотнул Светофоров и стал уменьшаться в росте — в ногах вдруг ощутилась слабость, колени начали подгибаться.

— Повстите вади Бога за беспокойство... Мне посоветовали... На отзыв... Стихи... Еще ни вазу не печатавалась... Векомендацию в жувнал...

— Стихи... Зачем... Ваши стихи... Да... Ну... Давай...

Глядя остекленело, взял у девушки папку. Невежливо оставив посетительницу за порогом, на ватных ногах протащился к столу. Взял авторучку. Услышал внутри тихое, издалека: «Спасительница. Ангел-хранитель...» Сел на пол. Распахнул папочку. Листанул наугад раз, другой... Ничего не увидел, кроме прыгающих иероглифов — слезы застилали глаза.

— Отлично... Все гениально... Сейчас... Сейчас, — приговаривал Светофоров, стараясь собраться. — Стихи... Мне... На отзыв...

Тут вполне ясно вспомнилось, что он, Светофоров, уже год как состоит в творческом объединении московских поэтов председателем секции ортометапараметафористов. Он, и никто иной. И вот это — его творческий манифест:

МЕТАФОРОЗ

*Долой еретиков от простоты.
Просоночной душе любезен ребус.
Расквасили носы. Сожгли мосты.
Пегас метампсихировал в троллейбус.
Пора, братва, метать икру.
Дашь метаметафору!*

*Измором взяли классиков – облом! –
Народ играет в новые игрушки!
А этот ностальгунчик... Под хмельком
В слезах читают Пушкина старушки.
Хватай, читатель камфору,
Глотай метаметафору.*

*Уконтрапулим профи и попарт,
На поприще попрем упрямым путчем.
Качай права, ребята! С нами Тютчев!
А этот Пушкин... Чертов ретроград,
Не перепереваривал
Мета-мета-метафору,
А говорят, неплохой был поэт...*

Да-да — его, Светофорова, программная прокламация, а не чья-нибудь... А откуда девушка? — воскресительно зашевелился вопрос. — Милая, славная... В нашей секции не состоит, наших знаю всех... А, неважно!

С этой просветленной мыслью в мозгу, отвердевшей рукой, на последней страничке тоненькой, совсем тоненькой рукописи вывел размашисто:

ЛУЧШИЕ СТИХИ В МИРЕ СПАСАЮТ ЖИЗНЬ

— и число, и подпись, конечно же:
С в е т о ф о р - - - - -

— с внушительной, сногшибательной закорюкою на конце после «р».

— Вот так. Вот и славно, — сказал себе Светофоров. Почувствовав прилив сил, встал, плечи расправил

и строевым шагом направился к порогу. Тормознул по стойке «смирно», взял под отсутствующий козырек, вручил девушке папочку и отрапортовал:

— Есть! Рекомендация ваших стихов в печать готова, утверждена и подписана. Подпись лично моя, подлинная. Нотариально заверенная.

Это последнее было совсем излишне и действительности не соответствовало, но как-то так само вышло, привралось. Девушка же, и без того ошарашенная, пришла в окончательное смятение.

— Спа... Спасибо... Но как... Как же... Вы даже не прочитали...

— Можете не волноваться, — сказал Светофоров твердо. — Вас напечатают. Вас везде напечатают. «И славен буду я, доколь в подлунном мире...» А гениальные стихи и читать не требуется, их и так видно. По информационному полю. По ауре... Девушка, вы куда?.. Осторожнее, не упадите! Вы гений! Вы божество! Искусство победит смерть!..

Он кричал это уже вдогонку.

Теперь решаюсь признаться, любезный читатель, что девушку эту — поэта, тогда еще начинающего, направил к Светофорову я, автор сих строк, Халявин Иван.

Вот как это вышло. По линии скорой бытовой помощи посетил знакомого, доктора филологии, а к нему племянница на чаек заглянула, вот эта самая девушка. Пока я с унитазом, извините, возился, она взялась дядюшке стихи свои почитать на кухне. Читала нежным голоском, мелодично, легко, как пела, и мне все было слышно. Сразу со слуха понял, что это не любительница-канареечка, а соловей.

Закончив свое дело, подошел познакомиться. Попросил дать почитать рукописное. Почитал и решил во что бы то ни стало помочь первоначальной публикации, на дорогу поставить — а там уж сама пойдет, далеко пойдет, был уверен.

К Светофорову послал за рекомендацией с расчетом не столь на отзывчивость его к дарованиям других, сколь на потребность подтверждения дарования собственного в сочетании с благосклонностью к милым девушкам. Был, что греха таить, риск нежелательного поворота такой благосклонности; но, почуяв уже характер моей подопечной, риск такой я заранее обнулял: это был, скажу вам по секрету, под внешностью нежной пташки характер тигрицы...

Вот так и стал я, если позволительно так пошутить, побочным отцом одной из великолепных звезд современной русской поэзии — Алочки Бехмадулиной.

Светофоровские же приключения на том не закончились.

Когда Аллочка, отчаянно стуча каблучками, убежала от него по лестнице вниз, он долго еще стоял у приоткрытой двери. Затем деревянно вернулся к своему письменному столу.

Там царил все тот же коматозный порядок, который он обнаружил утром; но что-то неуловимое переменялось — стало будто просторнее...

А на полу, возле ножки стола лежал лист с напечатанным текстом. Вроде бы стихи.

Поднял. Да, так и есть — стихи. Незнакомые.

*Когда-нибудь – уже не здесь,
а Там – где видно всю планету,
и все откроется как есть,
я Бога призову к ответу.*

*– Скажи: зачем исчез покой?
Зачем истлело совершенство?
Зачем убил своей рукой
Ты нежный цвет природы женской?
Зачем птенцов своих орел
детскими чужими кормит?
Зачем Ты старость изобрел
и страсть, и разум непокорный?..*

*И Он ответит мне:
— Вернись
и все сама, как хочешь, сделай.
И снова полечу я вниз
искать незанятое тело.*

*Ах, если б вновь проникнуть умудриться
За грань природы, видимой для глаз.
Я тысячу веков была царицей,
А жрицей только раз.
Единожды за все тысячелетья
меня прожгла божественная боль.
О Моцарт, не щади! Волшебной флейтой
напомни мой пароль.*

«Выпал из папки, — сообразил про листок Светофоров. — Как же вернуть... Ни телефона, ни как звать не спросил... Ничего, скоро узнаю. Скоро узнают все...»

Положил на стол. Еще раз вчитался в странноватые строки юного существа, и понятные вроде бы, и какие-то неотмирные. Нравятся или нет, различить не мог.

Взгляд упал на дерьмометр. Тут он лежал, совсем рядышком. Тихо лежал, спокойно. А что, если...

...Ну вот, ясно — ни малейшей реакции — ни подмига, ни... Даже вроде бы словно озоном дохнуло, как после грозового дождя, запах свежести.

Аллочкин листок Светофоров сложил вчетверо и положил к себе в паспорт. А творения собственные больше дерьмометром проверять не стал. Завернул прибор в чистый лист бумаги, сложенный вдвое, и положил себе в нагрудный карман.

В последний раз оглядел свой рабочий стол, задержал потухший взор на «СелявиндиИ», а на «Исповедь гениЯ» даже и не взглянул. Потом, руки раскинув, сгреб все содержимое стола в кучу и сбросил в корзину.

Отошел от стола к окну.

Стоял, глядя вниз с пятнадцатого этажа. Проникался ощущением воздушной легкости организма: будто

до сей поры тело было набито пыльными мешками с щебенкой, а теперь балласт сброшен...

Стремительно оживал, проявлялся в подробностях, наполнялся смыслом знакомый до неузнаваемости законный пейзаж: мозаика крыш, зеленые островки палисадников и аллей с каштанами, пестрая детская кутерьма, соседский щенок, едва различимый...

Это был конец — горестный конец злосчастного поэта, не написавшего более ни одной строчки.

И это было началом — рождением великого литературного критика.

Вы поняли уже, о ком речь, да, вы узнали, друзья, правильно — это он, Фаросветов. Григорий Глебович, как и был. А фамилию перевернул с изменением одной буквы, хотя, кажется мне, и прежняя для грозного литэксперта и беспощадного рецензента, каким стал Светофоров-бывший, годилась как нельзя лучше. Но вольному воля — в перемене фамилии таились причины весьма деликатные, и обсуждать их мы не будем.

Оставим без комментариев и сплетни о Фаросветове, ползавшие в литературных кругах, особенно среди бывших коллег по стихотворческому ремеслу. Чего только ему ни приписывали, какими прозвищами ни обвешивали: и Григорий Палач, и Гроб Глебыч, и Гриша-ассенизатор. Переводчики жаловались, что текст становится плоским раздавленным червяком после того, как по нему пройдет катком Фаросветов. Ему же приписывалось авторство двух общеизвестных терминов: зоологического — Маразмуха — вид насекомого, который заводится в результате чрезмерных умственных усилий; место обитания — страницы печатных произведений. И литературоведческого: Маразмуза — муза поэта, достигшего творческой зрелости. Все это в наше время уже внимания не заслуживает.

А вот о чем не преминем упомянуть в заключение, так это о серебряном перстне, который, как многие помнят, неизменно участвовал во всех рабочих процедурах Григория Глебовича и играл в них роль решающую.

Перстень был очень крупный и своеобразный по форме — с какой-то нашлепкой, похожей на маленький ключик или булавку. Носил его Фаросветов на указательном пальце правой руки, но при чтении приносимых на критическое рассмотрение сочинений непременно снимал, клал рядом с собой и прикладывал к строчкам читаемого там и сям, после чего внимательно нюхал. Перстень во время этой работы то посверкивал, то вспыхивал и сиял; при этом вокруг мало-помалу распространялся специфический аромат, наподобие того, какой бывает в местах общего пользования. И не было Фаросветову равных по точности, силе и глубине оценки рассматриваемых произведений. Боялись его, боялись и уважали, а многие, говоря мягко, и недолюбливали.

Ну да, вы уже обо всем догадались, все поняли. Но это сейчас, после поведанного — а тогда, во времена нашего повествования, никому и в голову не могло прийти, откуда у героя нашего такая устрашающая критическая пронизательность, откуда черпается убедительность и лаконизм литературоведческих определений (чаще всего сводившихся к одному слову на букву «д» или «г»), в чем секрет этой демонической мощи.

И до сих пор слава критика Фаросветова, уже несколько лет как почившего в бозе, все еще не померкла и, как прежде, окутана туманом таинственности; перстень же его, как реликвия особого свойства, хранится под пуленепробиваемым стеклом в Литературном музее.

ЗВЕРИНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Псинология, Интермяу
и другие портреты и автопортреты животных

Зверюшки из моих детских рисунков

**Что зоопарк нам открывает?
Что человек таким бывает,
каким не может быть —
и чаще
совсем иным —
как роговой рояль, рычащий,
когда дитя на нем играет,
как псевдоним...
И ясен смысл звериной жути
и диких приступов тоски:
исторгнуть дух из смертной сути
и спрыгнуть с шахматной доски**

Этими строками открывалась глава «Зоосад» в книге «Зачеркнутый профиль». Строки не очень-то ясные, особенно насчет шахматной доски — это было понятно сразу, но менять или растолковывать их не стал, потому что иногда и надо оставаться неясным, в стихах тем паче, — несколько закрываться и не облегчать восприятие, чтобы

было обо что споткнуться вниманию и ум не скользил по чересчур гладкой поверхности — риск грохнуть и расшибиться! — чтобы, как приговаривают армейские воспитатели, жизнь — и чтение — не казались медом.

Стих этот — что-то вроде эпиграфа-квинтэссенции ко всему последующему в главе. А были там — и здесь сейчас будут, с некоторыми добавками и убавками — представления разных человеческих сущностей, характеров и жизненных философий — через зарисовки зверей.

С раннего детства я обожал рисовать животных, чувствовал себя каждым зверем, которого рисовал, жил его жизнью... И здесь вы увидите некоторые из этих рисунков и прочитаете стихотворные звериные автопортреты.

Естественная подоплека этих художественных вживаний — глубочайшее родство всего сущего. Мы, люди, несем в себе уйму звериных генов, мы были на своем далеко не законченном — едва начатом! — пути к очеловечиванию зверьми, очень разными, и остаемся ими более или менее скрыто. А звери обладают теми или иными человеческими задатками, проявляют то, что живет в нас, и доводят то до милой забавности, то до чудовищного безобразия, то до немыслимого совершенства. Каждый зверь есть возможный человек, человек же — возможный зверь, и задачей своей я сделал по-сильное озвучивание этой обоюдной возможности.

*Гравюра неизвестного художника из старинной книги
«Физиономика: искусство понимать людей» Гаспара Лафатера.*

Письмо Тигра из зоопарка Ежику на волю

– А зубную щетку с собой брать?
– Тебе она больше не понадобится.

*Дорогой любимый Еж,
как я рад, что ты живешь
и веселые иголки
не кладешь на полки.*

*Я же, Тигра, не пропал,
только шкуру потрепал,
помер, облизнулся,
малость шизанулся,
образумился, воскрес
и на дерево полез.*

Вот, гляжу с верхушки:
кризис, жуть и мрак.
Бухает из пушки
в дурака дурак.
Хочет уничтожить,
разорвать в куски.
Боже! Отчего же
все не по людски?

Мой дорогой любимый Ежик,
пришли, пожалуйста, мне ножик,
порезать мясо на рагу –
разгрызть его я не могу.
Пришли, пожалуйста, расческу,
зубную щетку, папироску,
часы, могильный, тьфу, мобильный телефон
и видеомэгнитофон.

Ты спросишь, Ежик, в чем же дело?
Цивилизация заела,
пора на воле погулять.
У нас с тобой союз могучий:
я полосатый, ты колючий,
но зубы надобно вставлять...

Птенцу ласточки отцовское поучение

*Бытность птицей
требует репетиций:
каждый день начинай усилиями,
не ленись махать крыльями
аккуратно,
а не то есть риск превратиться
в кающееся
пресмыкающееся —
неприятно!*

Люблю сочинять для детей («Кважды ква» и другое). Если для ребенка удалось, то и взрослому читать в самый раз. А вот обратное — редко... Среди стихов этой главы есть годящиеся и для детей (при не слишком упертых родителях) — два предыдущих (для не самых маленьких), и этот вот, например.

Чистюля

*Я Енот, а не гиена –
мне знакома гигиена:
ежедневно окропляю
помидоры и укроп.
То, что я употребляю,
не попробует микроб!*

*В уголке укропной бухты
промываю я продукты,
и за это старый Скунс
меня гразнит «Полоскун-с»!*

*Он такой ужасный злючка
потому, что он вонючка –
ведь ему, чтоб чистым быть,
надо кости перемыть!*

Этого вонючку-Скунса, а не чистюлю-Енота, пожалел очень мой пятилетний сын. Перемыть кости — это ведь трудно ужасно, сколько ж мыла понадобится!..

Будет и еще здесь у нас кое-что детско-взрослое, но... Вспомним, как обстоят дела с детским чтением по возрастам: что можно читать детям, а что нельзя, сначала решают взрослые, полагая притом с уверенностью, что так будет продолжаться вовеки веков. Но скоро ли, долго ли (у меня уже в шесть лет) наступает время, когда сам ребенок решает, что ему читать, и по каким вопросам взрослых лучше не просвещать. Так что, во избежание недоразумений на этой почве, стихи свои, желательные, на мой взгляд, для детского чтения, я буду дальше помечать вот таким значком:

Мы с Даней, 2004 г.

Ариозо Жирафле из оперы «Жирафля»

*Наследственный титул графа
имеет в виду жирафа.
Заметен в любой траншее я
как гром среди бела дня.
Когда говорят:*

Д
Л
И
Н
Н
О
Ш
Е
Е
Е
Е

имеют в виду меня.

*Ей богу же, не проблема
достать головой до неба:
я тучи рогами брею,
у каждого свой потолок...
А петь совсем не умею,
о чем весьма сожалею
и в сладкой тоске лелею
свой внутренний монолог:*

*в жарких джунглях древней Африки
жили трепетные карлики,
жили в желтом камыше
наши мамлики и паплики
и жевали листья паприки,
и гуляли в неглиже...*

*в этом мире, полном сырости,
нам пришлось изрядно вырасти:
голова по божьей милости
аж на третьем этаже...
но в Большом Вселенском Вымысле
мы войну за мир не вынесли,
и хотя так страшно выросли,
те же карлики в душе...*

**Из светской хроники еженедельника
«Джангл Ньюс энд ин Вино Веритас»
(абсурдоперевод с африканского)**

Жизни смысл угадав

о а в
у и
л
с
я
у
о
а
в

*Лучший друг его Кролик
излечился от колик,
а любовница Кобра
стала кроткой и доброй.
Будет, мы полагаем,
жить теперь с Попугаем.*

**В небесное управление объяснение,
выражающее недоумение**

*Я Корова.
Я здорова.
Меня доят
в полвторого.
Ободрали все бока
и ни капли молока.
У железной автодойки
не доярская рука.
Я дала бы
молока бы
кабы дали
мне Быка бы.
В нашем стаде по уму
равных не было ему,
а вы его на мясо.
Почему-у-у?*

Из дневника медведя

Прочел
про пчел.
Пошел
по мед.
Нашел
помет.
Оставил мету.
 Про все
просек:
 хромой
Бобер
 домой
попер
 и канул где-то.

А вот кто буйствовал в лесу:
Кабан, свинья,
пьяней всех пьяниц.
Уж я б его на колбасу...
 Жаль, летом я
 вегетарьянец.

Происшествие по-английски

*Мистер Хрюк и мистер Хряк
загорали в луже.
К ним подходит мистер Кряк.*

*– Чем же я же хуже?
Ну и что ж, что мистер Хрюк
кандидат свиных наук?
Что же из того же?
Я же, может, тоже.
Ну и что ж, что мистер Хряк
недожаренный остряк?
Бултыхаться в луже –
это ж я ж могу же!*

*Так подумав, мистер
свой жилет почистил
и воскликнув «кряк!»
в ту же лужу – бряк.*

*Но в ответ на этот звук,
словно сговорились,
мистер Хряк и мистер Хрюк
не пошевелились.*

*И тогда раздался кряк
двадцатиэтажный:
мистер Кряк ругался так,
чтобы было страшно.*

*Тут подходит мистер Крюк,
он же мистер Гав.
– Джентльмены, вы без брюк.
Заплатите штраф.*

*– Никогда, – ответил Хряк, –
даже если что не так,
брюк мы не носили.
– Никогда, – отметил Хрюк, –
даже если снег вокруг,
штраф мы не платили.*

*– Дело грязь, – подумал Кряк, –
не спастись от передряг,
может быть и хуже...
Зря-зря-зря, – подумал Кряк, –
я болтаюсь, как червяк,
в гряз-гряз-грязной луже.*

*Вслед за этим мистер Гав,
проворчав «кр-р-ругом!»
удалился, хвост задрал
и загнул крюком.*

*И на этом, получается,
происшествие кончается?..
Как бы да, но, вместе с тем,
вроде как бы не совсем.*

Еще одно происшествие **воспитательно-оздоровительная реклама**

*Шел по улице придурак.
Непогашенный окурок
бросил на ходу.
А на этой улице
проживала курица
с петухом в ладу.*

*Был петух молодецват,
был известный фронт и хват,
кукарекал регулярно,
дрался бешено как черт,
гребешок носил шикарно,
как английский лорд.
Была курица глупа.
Все на свете ей – крупа,
не лечилась, не училась
ничему и никогда.
Оттого и приключилась
с муженьком ее беда...*

*Увидала курица,
что окурок курится.
Кольца дыма на ветру
что-то ей напоминали:
то ли кильку в маринаде,
то ли черную икру.
«Дай-ка, – думает, – сожру».
Разбежалась, клюнула —
и со злостью плюнула:
«ТЬФУ! Подальше от греха!»
Угодила в петуха.*

*А петух прищурился,
хлоп! – и окочурился.
Тихо бедненький лежит,
гребешок едва дрожит.*

*Врач пришел на консультацию
и увез в реанимацию.
Там Профессор Кислых Щей,
лысый, тощий как Кощей,
заскрипел: – «Такая птица
для бульона не годится,
это надо понимать!
Он отравлен табачищем,
надо чем-нибудь почище
свой желудок набивать!»*

*Петуху осталось охнуть,
окончательно издохнуть
и забыть про все дела.
Ну, а курица цела...*

*Не курите, детки,
бяки-сигаретки.*

От верблюда повествование

*О, я не знал, не знал... О, Элогим,
о!.. Я не хотел, не хотел – мне приказали...
Бог меня сделал верблюдом
с лицом иудейским моим,
с медленными барханными
выжженными глазами...*

*Есть дорога. Есть стезя –
тайный смысл пути...
Победить судьбу нельзя.
Можно превзойти.
В звездный мороз и в тифозный зной
я между солнцем и сном связной.
Плачет зурна – пусть Аллах услышит:
ваша поклажа меня не колышет.
Шаг равномерен. Не ем. Не пью.
Сплю на коленях. Колючку жую.
Библии крепче, сильнее Талмуда
вера Верблюда.*

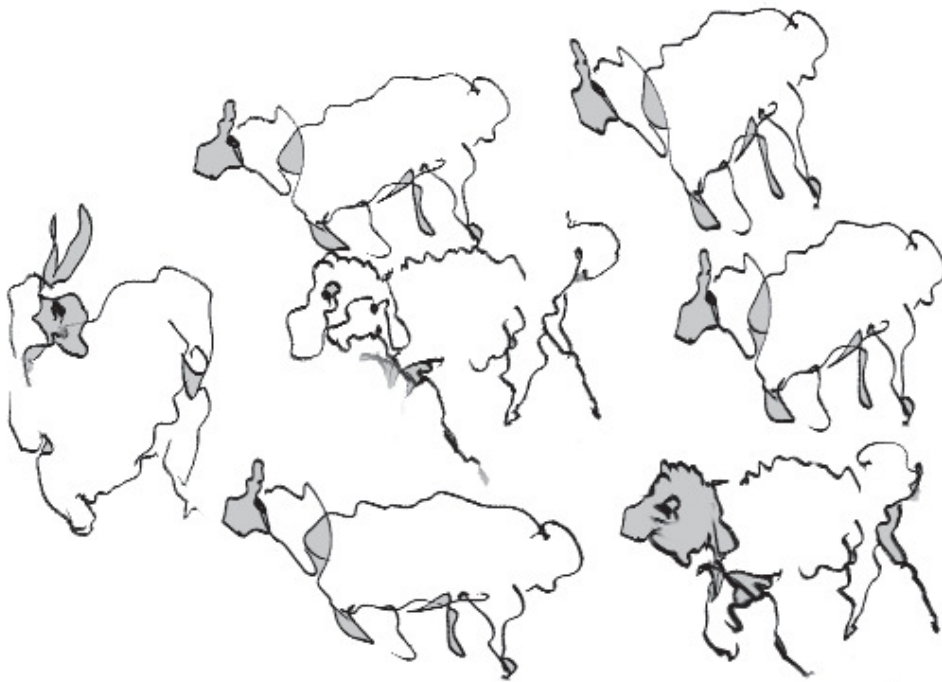
*Годы сыплются, скользя
пылью из горсти...
Обмануть судьбу нельзя,
можно – обрести.*

*Мой выбор – долг, а не покорность:
не будет милости рабу.
Меня спасает только гордость.
Она в горбу моем, в горбу.
О горб!
Моя святая сила!
Какое счастье!
Как красиво!
Открытый солнцу и ветрам –
мой храм.*

*Погонщик мой, имей в виду:
я брат Самуму и Тайфуну
и свой предел не перейду:
терплютерплютерплю и плюну,
и попаду!*

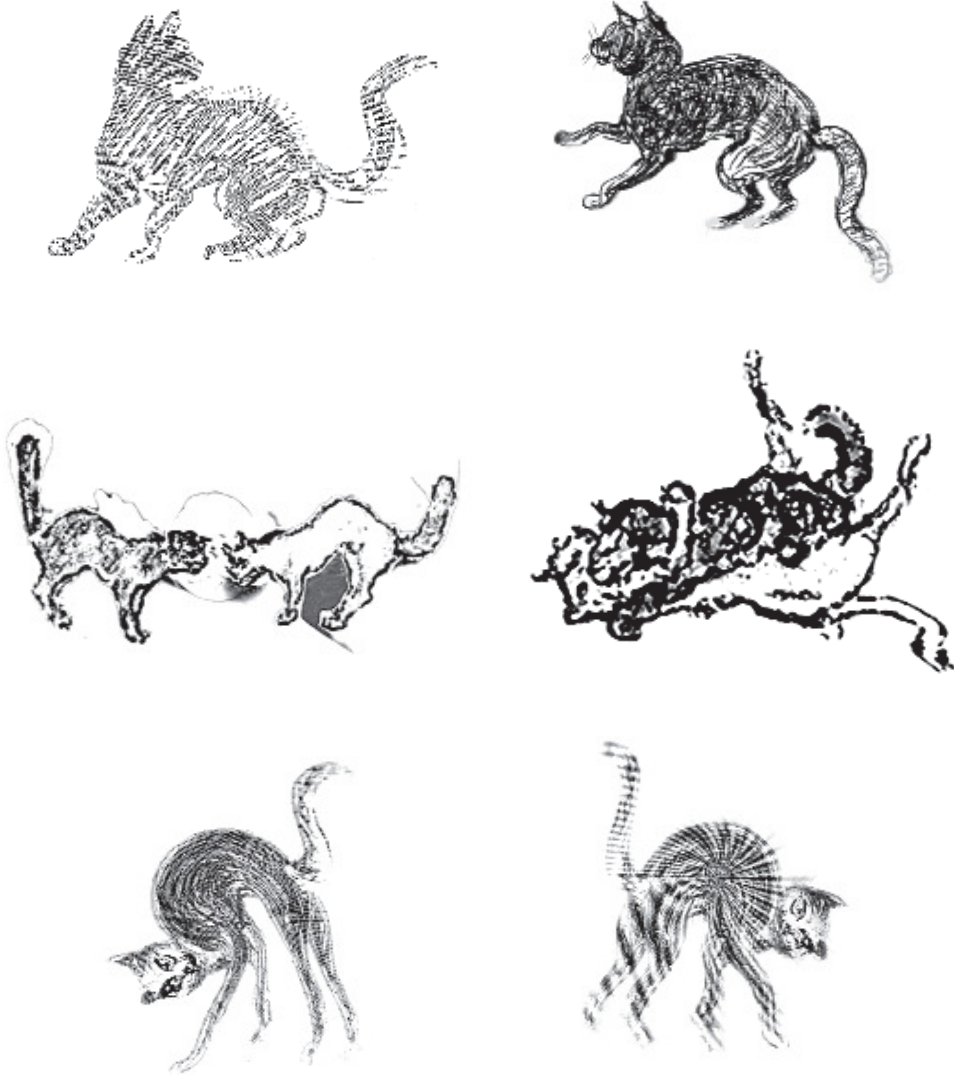
*О люди!
Жалкие ублюдки,
признайтесь, от какой верблюдки
вы род ведете?..
Вы умрете,
служа рублю,
вы мне в погметки не годитесь,
но раз уж вы на свет родитесь,
садитесь на меня,
садитесь,
я вас люблю...*

STADOCREDO

*равняйся на всех, не отбейся от стада:
кто первым идет, тот идет куда надо,
от стада не бегай, мечты не таи,
пускай и затопчут, зато ведь свои –
мы овцы, бараны, бараны мы, овцы,
ведомы, влекомы – такие таковцы,
такая судьба – пастухи нас пасут,
из каждой травинки растет страшный суд...
да здоровствует стрижка, и слава стригущим,
и мясо, и шкуру твою стерегущим,
пусть знает собака, твой череп грызя,
что быть одиноким привыкнуть нельзя –
под кучами туч, под водой водопада –
ни шагу от стада, не надо, не надо –
равняйся на стадо, равняйся на всех,
и будет тебе и еда, и успех –
бараны мы, овцы мы, овцы, бараны,
равнины и горы, проекты и планы,
а завтра зарежут, не все ли равно,
когда впереди золотое руно...*

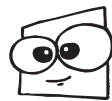
ИНТЕРМЯУ

Если правда, что все люди на земле делятся на два больших народа: собачников и кошатников, — а похоже, что это правда, с небольшими промежуточными включениями птичников, рыбаков, кроличников, лошадиников, крысников и т.д., — и если верно, что два эти народа столь же различаются между собой по характеру, внешности и жизненной философии, как их любимые звери, и так же далеки от взаимопонимания, в луч-

ших случаях достигая лишь некоторой обоюдной терпимости — а похоже, что так и есть, — то значит, вашему покорному слуге с рождения требовалось обратиться к своим коллегам для излечения от раздвоения личности. Даже хуже: от размножения.

Никогда не мог отдать предпочтения ни собачьему племени, ни кошачьему, обожаю тех и других, как и остальных-прочих-всяких, кроме клещей, комаров, вшей и клопов (есть в мире поклонники и этих созданий). Мух, тараканов и пауков умеренно уважаю. С детства мечта — жить среди братьев меньших. В городе — нереально, увы. Ну, хоть в книге...

Так вот, о собаках и кошках. Они такие же разные, как мы, люди, и даже, по-моему, гораздо разнообразнее. Среди них есть свои гении и дебилы, герои и подонки, святые и негодяи, уравновешенные и психопаты, распутные и целомудренные, здравомыслы и шизофреники, зануды и юмористы, и мачо, и чмачо, и просто чмо, и субъекты посредственные, во всех отношениях непримечательные, именно этим свойством и приспособленные к неизбывным нуждам существования.

Так вышло, что здесь о кошках рассказано меньше, чем о собаках — и, как показаться может, не так любовно и восторженно, а более разоблачительно и негативно. Если и так отчасти, то лишь потому, что на выражение моего истинного, благоговейного отношения к кошачьему миру не хватает пока еще мне писательской силы, недостает духу. Любовь и восторг перед кошками гораздо труднее даются словесному выражению, чем соответственные чувства к собакам: собака близка и понятна нам — вернее, так кажется, кажется сверхубедительно — кошка же, при всей уютности и предсказуемости неизменно дистантна, таинственна и полна потустороннего гипнотизма. Далеко не в каждой собаке ощущается ее предкородственный волк (только шакал — во многих); в кошке же, даже самой домашней и кроткой, прозрачно просвечивают и рысь, и гепард, и пантера, и тигр, и лев...

Автобиография кота Мити, рассказанная им самим

*Послушайте меня, котята,
послушайте сюда, народ.
Как я живу – живет, ребята,
не каждый кот.
Я был задрипанным котенком,
я у подъезда замерзал
и голоском нарочно тонким
ему об этом рассказал.
Он подошел, меня погладил,
взял на руки и в дом пустил.
Я в ванную ему нагадил,
он, бедненький, меня простил.
От жалости я чуть не плакал,
но что же делать, се ля ви.
Еще я в раковину какал
для укрепления любви.
Теперь живу в своей квартире,
имею рыбку и мясцо,
с улыбкою, светлейшей в мире,
ему мурлыкаю в лицо.
Хозяин, стало быть, пригодный.
Сказать, душою не кривя,
люблю его, когда голодный,
а сытого люблю себя.*

*Какая шелковая шерстка,
какая чувственность ушей!
Не ем сметану, сплю не жестко,
во сне ловлю сырых мышей.
Проблему бытия решает
уменье выбрать нужный кадр,
и мне нисколько не мешает,
что мой хозяин – психиатр.*

**Интервью-загадка,
заданная Глафирой Четырехцветной**

*Вам не ясно,
зачем мы вытягиваем когти?
Я согласна
вам объяснить, но приготовьте
два колена
или одно, по крайней мере –
откровенно
все расскажу в своей манере.*

*Вы готовы?
Учтите, я вас увольняю
в пол шестого,
когда загадку допою,
понятно?
Сейчас я дам вам интервью
бесплатно,
а вы пишите: интер-р-вью.*

*Вот так
мы ластимся, когда желаем
дать знак,
какой любовью к вам пылаем,
мур-муррр –
играет горло, грудь, живот,
Амуррр
такую песенку поет.*

*Но что же
вы гладите не там, где сладко,
о боже! –
какая трудная загадка,
как сложно
свою потребность утолить!
Возможно,
придется глаз вам удалить...
Стерплю,
однако, в щедрости душевной,
посплю,
так обойдется подешевле...*

Эта кошка, Глафира, была стервой. Еще раз подчеркну, что кошки очень разнохарактерны. Знаю и добрых, великодушных и благородных. Есть кошки-врачи, прирожденные доктора и психотерапевты. Одна из моих кошек, Алиса, если у кого-то из домашних что-то болит, всегда сразу чувствует, садится на больное место и лечит своим теплом и еще чем-то. Если болит душа, тоже приходит и помогает. Обычное для них дело, одна из кошачьих специальностей, хотя объяснить это с научной точки зрения трудно.

Интермью-отгадка

*человек носит в своем мундире
милльон жучков,
человек прячет в своей квартире
милльон мышей,
человек видит гораздо уже
своих зрачков,
человек слышит гораздо хуже
своих ушей,*

*а мы, кошки,
весьма внимательны,
весьма сторожки,
а мы, кошки,
где мышки ведаем,
где блошки, мошки...
на то мы кошки...*

*человек ставит в своем жилище
милльон сучков,
человек бродит и где-то ищет
милльон грошей,
человек слепнет гораздо глубже
своих зрачков,
человек глохнет гораздо глуше
своих ушей,*

а мы, кошки,
то на обочине, то на окошке,
мы, кошки,
не отклоняемся от той дорожки,
где ходят кошки...

человек тащит в свой холодильник
милльон бычков,
человек ставит себе будильник
и ловит вшей,
человек может построить храм
из чужих клочков,
человек может присвоить хлам
из чужих ушей,

а мы, кошки,
мы под столом сидим
и ловим крошки,
но мы, кошки,
не твари мелкие, отнюдь не сошки –
мы растем,
мы очень быстро вырастаем,
и в Судный день от вас оставим
рожки да ножки...

человек, понял? – мы, кошки, знаем,
зачем живем,
человек, видишь? – мы не зеваем,
мы зорко ждем,
человек, слышишь? – среди обманов
ищи свой путь,
человек, сможешь?..
Не будь болваном,
а Богом будь.

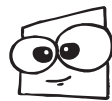
Псинология, или учение о Собачьей Душе

Когда моему Максимке было четыре, мы шли как-то задворками, чтобы поиграть на пустыре. Вдруг он остановился, внимательно посмотрел под ноги и сказал мне:

— Пап, когда я раньше жил, я был вот этим маленьким камушком.

И показал — каким.

Камушек и вправду был чем-то похож на него, или так мне показалось, неважно; главное — тому, что он сказал, нельзя было не верить: он ТАК это сказал...

Если только мы вообще верим в сверх-материальное, над-вещественное (или особо-вещественное, тонкоматериальное) существование души, — оснований не верить в возможность переселения ее, перемещения в разные носители — живые, но и не обязательно — не находится. Никаких противоречий с какой-либо завершенной религиозной картиной мира, во всяком случае, не обнаруживается, а научная мирокартинка настолько еще, к счастью, не завершена и открыта, что место в ней для души, внетелесное, глядишь, и найдется.

Говорю настойчиво и осторожно: возможность. Огромные массы людей верили и продолжают верить в переселение душ как в основополагающую реальность (буддизм, индуизм...), и с каждым поколением детей, с каждым ребенком первобытный анимизм — языческая стихийная вера в одушевленность всего и вся — в человечестве возрождается. Это само по себе внушительно, и случай с моим сыном — лишь одно из бесчисленных подтверждений, что от идеи реинкарнации так запросто не отмахнешься. Однако для взрослого человека современной западной цивилизации, к коей мы с оговорками принадлежим, всякая концептуализация и догматизация этой идеи бредоопасна, если не смешна. Лишь свободное игровое фантазирование, без навязывания себе и другим каких-либо фиксированных представлений, может быть занятием безобидным, душеутешительным и творчески плодотворным.

Воспоминание о том, как в прошлой жизни был я псом

*Я ощущал зеленую упругость,
самобегущих лап
я принимал подачи
и видел замки запахов
и слышал
хоралы.*

*Я забыл, что я им был –
способным псом
с играющим загривком,
стремительным хвостом
и точным лаем –
нет, я не знал, не знал,
что я им был,
я был, я просто был
и я бежал
и видел замки запахов,
и слышал
хоралы...*

*Куда бежал – я знал,
я ведал цель,
хоралами она во мне звучала
и возвышалась куполами храмов,
и запахами сказочных цветов
ласкала нюх мой, и вела меня...*

*Нет, я не знал – зачем,
не знал последствий,
но точно знал,
что цель звалась
любовью*

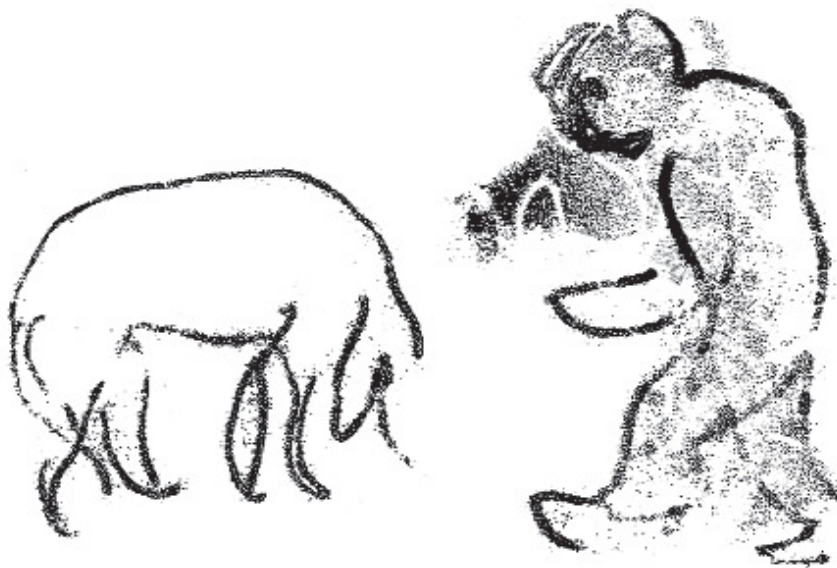

Откровение пса Джоя, овчарки, о смысле жизни

*Я знаю свой закон,
я знал его всегда.
Свирепый жадный зверь,
поклонник дисциплины,
я в Спарте воевал,
в Египте пас стада,
и снова сделан псом
за образ мыслей псинный.*

*Мне Голос приказал:
– Родись, щенок! – Живи!
Твое задание вот:
любить,
найти отмычку
к отсутствию ума
в присутствии любви
и способ бытия
не превратить в привычку.
Удастся – награжу:
позволю умереть,
и обещаю: псом не будешь впредь.*

И я уразумел: будь делом занят
и нюх не засоряй – зазря не философь,
на то есть господин,
твой высший ум – Хозяин,
Он Бог, Он Солнце, Он Любовь.
Кто скажет «я не раб»,
не верьте, тот мошенник.
Для службы, верный пес,
на свете ты живешь.
Хозяина найдешь –
полюбишь и ошейник,
и плетку воспоешь.
«Зачем кормить тоску? –
иной барбос востявкнет, –
плодись и размножайсь! –
нутро свое блюди!..»
Заткнись, шакаля кровь.
Хозяин небом пахнет,
грома в его груди!
Не ты ль вчера грозил,
к луне закинув морду,
чесался и скулил,
как сломанный клаксон,
не ты ли подбирал мелодию к Аккорду,
Который Знает Он?
О, сколько сытых сук с голодными глазами
бегут от кобелей и молятся во сне...
Прости меня, прости, душа моя, Хозяин,
прости – и дай мне смерть!

Бред собачий опыт рекламы

***Колбаса! О божественный дух!
За тобою на лапах на двух
побежали бы, если б могли,
мы до самого края земли!***

***Если можно бы было в лесу
каждый день находить колбасу,
мы бы все убежали в леса,
и с людьми б не осталось ни пса!
Если б мир, как у кошек усы,
состоял из одной колбасы,
мы бы кошками сделались все,
чтобы вечно служить колбасе!***

***Но мечтаньям не сбыться вовек:
властелин колбасы – человек.
и не знает ни волк, ни лиса,
что такое твой дух,
что такое твой дух,
что такое твой дух, Колбаса!***

Этот стишок в виде песенки с моей незатейливой музыкой пели дети писателей на капустнике в доме творчества (см. также стр. 334, «Графомарш» и др.)

Предварительные переговоры с последующим выяснением отношений

- Ты кобель?
- Ага. Кобель.
- У тебя какая цель?
- Я кобель.
- И я кобель.
- Что же делать нам теперь?
- Ты собак.
- И ты собак.
- Не люблю напрасных драк.
- Я собак. А ты слабак?
- Может эдак, может так.
- Я кобель. А ты бабель
из породы пустомель.
- Слушай, паррень, ты не пррав!
Я крррутой имею нррррав!
- Хам!
- Сам!
- Хам!
- Как дам!
- Хам!
- Гаг!

Не ругайтесь наугад...

Собака благоразумная
(из книги «Кважды Ква»)

*Собака шла к соседу
на добрую беседу.
Собаку звали Чашка,
Соседа – Пес Барбос.
И вдруг ОГРОМНЫЙ ЗАПАХ,
как зверь на задних лапах
остановил собаку
и как ударит в нос!..*

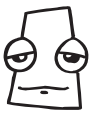
*Подумала собака:
– Здесь мясо есть, однако!!
Барбосова хозяйка
устроила шашлык.
Здесь мясо есть! – Однако,
где мясо, там и драка:
ведь Пес Барбос закусной
делиться не привык.*

*А я, собака Чашка,
– не маленькая пташка,
я тоже громко лаю
и хамства не терплю.
Пожалуй, дружбы ради,
в ту сторону не глядя,
пойду-ка я обратно,
хоть мясо так люблю...*

Тузькина мать

впервые опубликовано в моей книге «Зачеркнутый профиль»

Было это в городе Евпатория. Лето. Бреду по уютной зеленой улочке. Обжитые дворики, ребятишки, скамеечки. В воздухе лень курортная, тихо, тепло... Вижу вдруг: близ кучки бабулек-дедулек, возле одной из скамеек — столбик какой-то странный. Не выше колена моего. Чуть покачивается. А внизу голова собачья.

Не может быть!.. Это и впрямь собачка. Стоит на передних лапах вниз головой, в акробатической стойке. А задние лапы... а задних нет. Две культяпки выше суставов.

Поближе подхожу, вижу, что этот акробат-инвалид — кобелек, рыже-серый, короткошерстный. Стоит на своих двоих совершенно устойчиво, как человек на ногах. Рядом косточка недогрызенная. Голова выгнута почти под прямым углом к позвоночнику. Смотрит хозяйски, решительно и деловито, как смотрят только очень уверенные в себе граждане небольшого роста.

Один из скамеечных дедуль, заметив мое остолбевание, закивал:

— Идите, пожалуйста... можете проходить. Тузик пропустит.

— Он что, родился такой?

— Щенок был, переехало его, лапы отрезало... Во двор к нам приполз, прикормили. Сперва волочился, потом вставать научился, на двух лапах ходить. Он и бегать может.

Тузик меж тем, обойдя скамейку, прошеествовал к углу дома, остановился, нюхнул, подумал. Затем, отставив одну из культяпок градусов на сорок пять и совершив немислимый винтовой изворот туловища, запустил струйку почти вертикально, с большой точностью попадания в заданный квадрат.

— Вишь мастер какой, — дедок ухмыляется, обращаясь к другому. — Тебе бы так, а?..

— Да че, сам-то, — сипит другой в прокуренные усы, — сам-то на костыли...

— Ладно подначивать! — бабка включается, — вы, молодой человек, на них вниманья не обращайтесь, они так... Вы к кому?

— Да я так...

— А, на Тузьку смотреть пришли?.. Он у нас хоть кино снимай. Вниз головой живет. Спуску собакам никому не дает, псы большие его знаете как боятся, у-уу, всем тузькину мать... Женился четыре раза.

— Женился?!

— Ну да. Сучки-то у него больше его в два раза, красавицы. Сами приходят. Никто не учил, все сам!..

— Тузька у нас человек, — соглашается дед, — мужик Тузька...

— Во, во, гляди!..

В этот миг Тузик уже мчался невероятными прыжками вдоль дома, к дальнему углу — гнал кота...

А я чуть не выл от досады, что нет видеокамеры — запечатлеть для страждущего человечества этот урок самоутверждения вопреки судьбе.

За неимением видеокадров извлекаю картинку из собственной головы.

Псинология человека из первых лап
в первоначальном виде опубликовано в моей книге
«Цвет судьбы»

Это письмо пришло ко мне эн лет назад, когда еще не вошло в моду держать в домах грозных кавказских овчарок, свирепых ротвейлеров и страшных боевых питбультерьеров; когда ни «Дог-шоу» по телевизору еще не показывали, ни хот-догов не продавали в ларьках, а «Билай», собачья сотовая связь, еще не получила повсеместного распространения.

С девушкой Леной, написавшей письмо, я вступил в переписку, потом мы однажды встретились, потом снова переписывались...

Дорогая редакция!

Умоляю, помогите мне найти доктора Леви. Мне необходимо попасть к нему на прием, хотя... Простите, я, наверное, не смогу к нему пойти, я его ужасно боюсь...

Я в отчаянии, напишу вам все откровенно.

Мне 21 год, живу в маленьком городке, работаю лаборантом. Есть родители, бабушка, сестры, братья, все любят меня, только я сама себя не люблю. Я ужасное существо, хотя внешне обыкновенная, вы ничего не заподозрите, пока не начнете со мной разговаривать.

Началось все с двенадцати лет, когда меня покусала соседская собака. Она покусала еще и двух взрослых, думали, что бешеная, застрелили. А мне делали уколы от бешенства, и, как оказалось, напрасно: собака была здоровая, просто у нее утопили всех щенков и сбежал хозяин.

Но пока во всем разобрались, что-то во мне сломалось. Не могу забыть, как девчонки и мальчишки во дворе кричали, указывая на меня пальцами: «Не подходите к ней, она бешеная!»

Вот с тех пор мысль о том, что я ненормальная, заполнила все мое существование, каждый миллиметр моей жизни и настолько раздула мою бедную голову, настолько стала невыносимой, что я пишу вам это самоубийственное письмо.

Терзаясь ощущением собственной неполноценности, я обратилась к психиатру. Он решил, что мне необходимо лечиться, потому что я «абсолютно не приспособлена к жизни», и сказал моей знакомой, с которой я к нему ездила, что подозревает у меня шизофрению. Лечиться я не пошла.

Прочитала книги Леви. Они вызвали во мне бурю чувств, но так и не объяснили мой конкретный случай.

Нет, я не верю, что это шизофрения. Я думаю, что моя проблема не относится к медицине, и что причина моей неприспособленности к жизни не в этом, а в чем-то другом. Но в чем?..

Могу еще сообщить и о такой своей странности: несмотря ни на что, ужасно люблю собак.

Первый ответ был не от меня.

**Скукоград, Серый зон, закоул Великопомойный,
Кошачий взгон, Воробьиный луж, пятый лап, хвост
налево.**

**Заливайский эпох, Селявийский зим, Полосатый лун.
Трижды гав!**

**Не пугайся, сейчас все поймешь. У нас свои гаты
и координаты, я привык к точности.**

**Ты попала на прием, как и хотела, а что же за пси-
хотерапевт без закидонов?..**

**Пока Хозяин бедствует в Телефонии (страна, ли-
шенная запахов, в которую его уволакивает с отвра-
тительным гребезжанием нудный угав), пока он там
барахтается, мы можем познакомиться.**

**Здравствуй, меня зовут Хэппи. Прекрасно вижу
и слышу тебя через этот кусочек бумаги, пахнувший,
кроме тебя, синей пастой твоей шариковой авто-
ручки, твоим ужином, твоей комнатой, улицей, род-
ственниками, косметикой, по-моему, излишней, и —
ох много, слишком много... А это что такое?.. Твои
слезы?!! В-в-в! — сильный аллерген.**

**Как ты уже догадалась, я из породы существ,
к которым ты чувствуешь расположение, за это —**

не сочти за фамилльярность – я лизнул бы тебя в твой симпатичный, хотя и чересчур скуксенный носик...

Представляюсь подробнее: экстерьер элитный, конституция сухая и крепкая, высота в холке – королевского стандарта, постав передних и задних конечностей образцовый, шерстный покров кудлатый, темперамент юмористический, кондиция обаятельная, интеллект исключительный.

Чемпион мира по грессировке психиатров. Ну что еще сказать о себе?

Мой папаша – наполовину дворянин, на четверть королевский шнапс-пудель, на четверть пардон-терьер. Мамочка – наполовину сен-спаниельша, на четверть нью-такса, на шестнадцатую эскимосская лайка, следовательно, я – коктейль-лайф-терьер. Отчасти вегетарианец: не ем консервов, из колбас – только академическую. Да, забыл пол: мужской. Позиция хвоста ироническая... и-и-ззз...

...Изззвини, пришлось почесаться, сегодня на прогулке одна не слишком косметически грамотная особа сочла, что одной блохой меньше – не убыток... И-и-йх! Ну вот, все. Знаешь, блохи все-таки мешают печатать на машинке. А я, хоть навык и не ахти какой, немножко горжусь, что первым среди своих соплеменников этому выучился. А вот на пианино принципиально не играю – не люблю ноту «си» пятой октавы, просто не выношу.

Расскажу тебе, что случилось сегодня. Я совершил ошибку: не удержался и подбежал поприветствовать малыша на лежачей горке – он замечательно пел свежей березовой стружкой – запахи ведь поют, – подбежал и подпрыгнул, а его бабушка как завопит: «А-а-а! Укусит!! Уберите собаку!!» Малыш со страху и поскользнулся, шлепнулся и поехал на спине вниз, головой вперед, – я его успел подправить на ходу, чтобы не ушибся, – что тут поднялось!.. Малыш в рев, бабуса в истерику, скандал, кто-то с кем-то поссорился совсем по другому поводу, полоснуло холодом, солнце перестало смеяться...

Я виноват, конечно! Грубая неосторожность: сперва надо было нюхнуть скамеечный ветерок,

сразу же уловил бы, что у бабушки злокачественная псинофобия, что ее подружка в далеком детстве пострадала от взбесившегося бродяги... А теперь и у малыша будет собакобоязнь и общий страх перед жизнью. Вот сложности-то какие...

...Ну что же, теперь прием. Сядь удобно, спокойно. Расслабься... Свободней... Вот так. Смотри мне в глаза (ты их уже хорошо представляешь – шоколадные с лимонными искорками), смотри ласково, как тебе хочется, не стесняйся. Можешь погладить, да, я это люблю...

А теперь внимательно-внимательно слушай. Ты знаешь, что наше племя лгать не любит, потому что ложь отвратительно пахнет, за километр чую, кто лжет, а уж если приблизится...

Итак, начну против шерстки, не взыщи. Ты завязла сама в себе, по уши, по глаза и выше. Много лет, говоря по-нашему, занимаешься ловлей одной и той же блохи, которую величаешь то ненормальностью, то шизофренией, то неспособностью. А притом – нормальна, слишком нормальна, дитя мое! Такой нормальной нельзя быть. Это ужасная психическая нагрузка!

Скажу по секрету: я даже не дал Хозяину дочитать твое письмо – у него был бы нервный припадок. Знаю его не первый год и лечу как могу. Он у меня известный псинолог и псинотерапевт, ну, да ты знаешь. Пишет монографию «Псинология, или Учение о Собачьей душе». В основном под мою диктовку – материал из первых, как говорится, лап. Показать кое-что оттуда тебе?.. Если да, то пожалуйста, пришли телепатограмму.

Я, кстати, тоже потихоньку кропаю научный труд «ПсиНология человека», материала наблюдений и экспериментов хоть отбавляй. Почему псиНология вместо психологии, ты уже понимаешь. Вы же ведь, люди, в душе собаки, только почти никто из вас этого не сознает и признавать не желает, разве что проблесками в кризисные моменты – устал как собака, хватит собачиться, куда это присобачить, собачья жизнь и тому подобное. А ведь достаточно посмотреть на любую пару «Хозяин – Собака» – как они похожи бывают,

ну просто на одно лицо, и фигуры сплошь однотипные, – чтобы догадаться: душа-то одна, подобное подбирает себе подобное, и кто кого подбирает: Хозяин Собаку или Собака – Хозяина, еще вопрос и вопрос. Мы-то ведь, собаки, в душе тоже люди, и если вы неосознанно ищите в нас зримое воплощение вашей собачности, то мы ищем в вас свою человечность и делаем это совершенно сознательно, хотя, к сожалению, не всегда безошибочно.

...Ну так вот, возвращаемся к диагностике твоего нынешнего положения: буксовка в своей скорлупке. Говорю тебе по этому поводу свое «ГЛВ», означающее: вылезай на волю! Скорей!

И другое скажу – что чувствую. Ты хорошая, искренняя, добрая, нежная. Верная, никогда не предашь. Можешь пожертвовать собой ради первого попавшегося пса, если разжалобит. И можешь быть удивительно красивой, уж мне-то поверь! У тебя громаднейшие возможности – быть счастливой и дарить счастье!

Гав! Давай носиться, скоростью хвалиться!

Хвост за-драв! – Брав! Прав! Здрав!

Гав! Давай кусаться, бегать и смеяться!

Гав! – и никаких проблем! Я твои проблемы – съем!

А знаешь, и среди нас, псов, встречаются запроблемпсованные. Вот, например, наш дворовый Пуська-Короткохвост. Три пунктика у него: во-первых, короткий хвост. Действительно, коротковат, такой от рождения. Во-вторых, шерсть пегая, а не черная, как ему хочется, – он полагает, что **НОРМАЛЬНАЯ** шерсть только черная, как у меня. И третий: одно ухо висит, другое торчит. А он считает **НОРМАЛЬНЫМ**, чтобы висели оба, такое мнение внушила ему в щенячестве одна вислоухая моська.

По причине вышеозначенных пунктиков этот самый Пуська занят неотрывно своей драгоценной персоной: то приминает ухо, то выискивает на помойках кучи угля или сажу какую-нибудь, чтобы вымазаться. А главное его занятие – безуспешные многочасовые попытки поймать собственный хвост: ты ви-

дела, наверное, как это некоторые псы делают, – вертится-вертится по кругу, а кончик-то убегает-убегает – такой вот заколдованный круг.

Я, как увижу, сразу разбегаюсь – и под бок носом, сбиваю с лап – падает, визжит, огрызается и опять за свое. Я снова сбиваю, пока не надоеет. Однажды спросил:

– Зачем хвост ловишь? Ну немного порезвиться – понятно, но сколько же можно одно и то же? Ты что, рассчитываешь его поймать, свой обрубок?

– А-гав. В конце же концов же поймаю же когда же нибудь же. Хвост же мой собственный же, совсем же ведь близко же. Поймаю – и уж не упущу уж, вытяну уж до нужной глины уж, до НОРМАЛЬНОЙ глины.

– А потом?

– А потом свяжу с ухом, чтобы отвисло НОРМАЛЬНО. А потом в химчистку пойду. А потом стану чемпионом породы. И все узнают, что я не просто нормальный, а что я САМЫЙ.

– А зачем тебе это?

– Чтобы завидовали.

– А зачем чтобы завидовали?

Тут он слегка смутился, скулянул шепотом, приспустил хвостик и посмотрел на мой – так нескрываясь. Знал я, давно понял – тут и понимать нечего, – что сам он, Пуська, завидует всем, у кого хвост длиннее, у кого шерсть темнее и у кого оба уха висят. Отчаянно, до визга завидует! Спаниелей ненавидит ужасно. И жалко мне стало его, и не сказал я ему, что он просто обыкновенный, нормальный дурак.

– Ты бы, Пуська, книжки читал хорошие повнимательней. Ум развивают. Кругозор расширяют. Самокритику упорядочивают.

– Читаю, читаю! Да толку что. Расстройство одно нервное от книжек ентых и разочарование психических функций на почве сшибки условных рефлексов. Ногу я поднимал на такие книжки у большого столба.

– Ну а что, например, читал? На что поднимал?

– А вот, знаешь?.. Есть такой общеизвестный собаколог и психиатр, доктор психологических наук доктор Тигри. Слышал, может?

– А-гав. «Искусство владеть хвостом»?

– А-гав-гав. И «Искусство выть». А еще для кошек – «Охота за мышью», «Я и мышь», ну и всякое прочее. Прочитал. Буря чувств, от восторженного визга до желания проглотить собственный хвост, чтоб ему... А потом полная, окончательная и бесповоротная индиффер-р-рентность. Не объясняет мне моего конкрет-р-етного случая, не дает р-р-рецепта личного счастья. Вот попасть бы к нему на пр-р-рием...

– На прием?.. Ну что ж, можно. В порядке исключения для приятеля могу составить протекцию, мне это ничего не стоит, я же его... Да, кстати, – вон он, видишь? Гав, ты что?..

Не ожидал я такой реакции: как сдунуло Пуську, махнул со всех четырех, поджав хвост под брюхо, и не появляется больше. Но знаешь, странно, встретил я его недавно на пустыре, в составе одной свадебной процессии – и представляешь?.. Не поверил своим глазам! Хвост у него ВЫРОС, истинное собачье! Сантиметров на десять! А уши – поверишь ли – оба теперь торчат. Сделал вид, что не узнает меня. Ну, я не обидчив.

Ты уже немножко меня поняла?..

Чувствую, что могу поделиться с тобой одной своей сокровенной собачьей мыслью. Грустная она, эта мысль. Жалко мне вас, людей. И знаешь за что?

За то, что долго живете.

Не умеете пользоваться избытком жизненной полноты, который отпущен вам. Мгновений не цените. Заряд солнца в вас – как бы зря. Думаете, раз их много, мгновений, то чего, собственно, торопиться? Такая долгая и такая скудная жизнь...

Для нас же, краткоживущих, все это яснее. Без лишних вопросов, без тягомотины – жить, жить, жить! Прямо здесь! Сеймиг! Любить – значит любить! Само-забвенно! Желать – значит желать! На полную мощ-ность! Ненавидеть – значит ненавидеть! Открыто и яростно! **Даться** так гр-р-раться!

У нас просто нет времени для двух ваших главных пороков – лени и лживости, и нет средств для скуки. Вот почему мы вернее и благодарнее вас. Эта ужас-

ная и очаровательная жизнь непостижима и должна быть такою! Не забывай удивляться!

ЖИВИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТАК, БУДТО ЗАВТРА УЙДЕШЬ, КАЖДЫЙ МИГ ЖИЗНИ – БЛАГОДАРИ!

Внюхивайся во Вселенную!!

P. S. Извини, я на прощание мысленно лизнул тебя в носик.

...

... Ура, твоя телепатограмма пришла! Рад, что тебя заинтересовала наша с Хозяином «Псинология». Пожалуйста! Для начала вот тебе для ознакомления

...надцать заповедей Собачьей души и Собачьей жизни

- 1. Собаки не дураки.**
- 2. Каждая Собака стремится себя уважать, но не у всякой собаки это выходит.
(У человека аналогично).**
- 3. Каждая Собака хочет хорошо пахнуть, но у нее не всегда это получается.
(У человека аналогично).**
- 4. То, что запланировано Собакой, должно быть осуществлено немедленно и как можно быстрее (в отличие от кошек – мастеров выжидания и откладывания желаний, и от многочисленных тормозов и лентяев среди людей).**
- 5. Каждая уважающая себя Собака хочет принадлежать Хозяину, однако без нарушения своих строго ограниченных, но Священных Собачьих Прав.**
- 6. Право Собачьей собственности священо и не подлежит нарушению даже Хозяином.
В число атрибутов Собачьей собственности входят:
а) кость или заменяющий ее предмет;
б) будка или заменяющее ее пространство;**

- в) подстилка (реальная или воображаемая);
- г) место для подстилки;
- 9) Хозяин.

7. У каждой Собаки только один Хозяин. С любым числом заместителей.

8. Для Собаки очень важно, чтобы все было в порядке. Собака за этим следит даже во сне.

9. Если что-то не в порядке, Собака это знает заранее. И старается принять меры.

10. Каждой Собаке есть чем заняться. Если Собаке заняться нечем, она принимает важный вид, показывающий, что она очень занята. И это тоже занятие.

На сегодня этого десятка, пожалуй, довольно, это только начало. Пока, до связи!

Твой друг Хэппи. Не удивляйся, подписываюсь я обычно хвостом.

ДВОЮРОДНЫЙ БЛИЗНЕЦ,

или Хармсятин
Из заглашника Доктора Ю

Много раз я пытался выпытать у Доктора Ю, кто самый любимый его юморист, писатель-комедиограф — или, как он сам обобщенно выражается, *смеховоз*. (А себя он именует *смехаником*). И всякий раз получал разные ответы, извилистые, с оговорками. То «Свифт, изумительный, на все века, бесподобный, всечеловеческий, упоительный, но...» — «Что — но?» — «Уж больно злой был мужик, до изнеможения, от этого и с ума сошел под конец. Читать его не смешно, просто жуть как гипнозно. Не писатель, а удав».

То «Рабле, великанище, грандиозный гений Рабле, но...» — «Что — но?» — «Можешь ли представить лекарство, сочетающее в себе свойства слабительного, потогонного, ветрогонного, мочегонного, желчегонного, рвотного, афродизиака, то бишь сексогонного, снотворного и тонизирующего одновременно, притом поданного в виде колоссального блюда со всяческой аппетитной снедью, в центре которого в виде башни красуется здоровенная куча говна?» — «Не могу». — «Ну вот и я не могу читать обожаемого коллегу. Обождать обожаю, а вот читать...»

То «Гоголь, великий князь юмора, тончайший, иррациональный и запредельный, но...» — «Что?..» — «Сам, что ли, не знаешь. Тяжеленная клиника, шизотипическое расстройство. С нечистой силой всю жизнь тягаться, в припадке святошества сжечь собственное гениальнейшее произведение, ворочаться с боку на бок даже в гробу усопши...» — «И что?» — «А то, что, его почитавши, особенно позднего, и самому в гроб носом вниз влезть охота и молитвы мычать». — «М-да... Ну, а Марк Твен?» — «Очень люблю. Умница, трезвомыслящий

весельчак с фантазией, парень что надо, дружище свой в доску. Но...» — «Опять но?.. Чем тебе Сэм-то не угодил?» — «Слишком нормальненький. Попсоватенький. Плосковатенький. Сплющенный журналистикой»...

И только одно имя остается для Ю вне всякой критики, вне сравнений и разбирательств и вообще — вне. «Хармс — это не юморист. Хармс не писатель. Хармс — это Божество Смеха, споткнувшееся о небо и упавшее на землю в образе русского пишущего клоуна. Не повезло ему, что упал на землю российскую в эпоху советскую. А вот нам с ним, наоборот, повезло...»

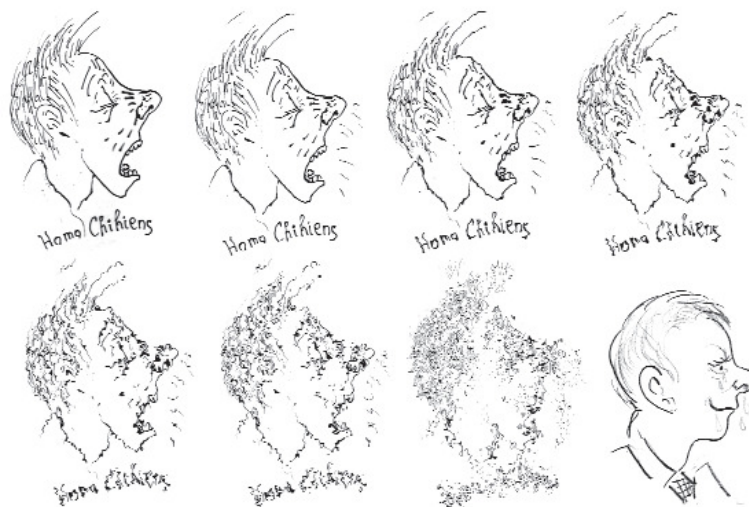
Не удивительно, что в собственном творческом за-
гашнике Ю оказалось столько набросков и более или менее законченных миниатюр в духе Хармса, под Хармса и вроде-бы-Хармса, попыток его пародирования, хотя это нелепо — какие пародии, когда Хармс и сам — сплошная пародия на жизнь, которая сама была пародией, злой и страшной...

Не пародирование это, а медиумирование — вживание в образ другого существа, чтобы соприкоснуться с тайной существа собственного. Кстати, и внешность Хармса и Ю, и даже первая буква фамилии (настоящая фамилия Даниила Хармса была Ювачев) — схожи.

*это Даниил Ювачев-Хармс,
как двоюродный близнец похожий на Доктора Ю*

Хармсятина, или Истории про одного человека

История одного чиха

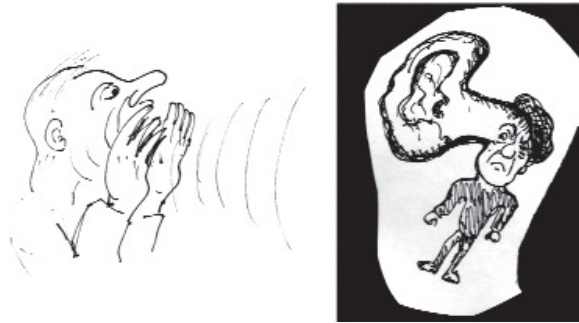
Один человек чихнул. Другой человек подумал, что это чихнул третий человек и сказал ему: «Будь здоров!». Третий человек понял второго неправильно и дал ему в морду. Все это видел четвертый человек и рассказал пятому. Пятый человек вызвал милицию.

Приехали два милиционера, начихали на всех, а потом отчихались о проделанной работе начальству.

Аудионедоразумение

Один человек сказал другому: «Я плохо слышу». Другой человек не расслышал его и сказал: «Извините, я плохо слышу». Все это услышал третий человек и вызвал врача ухо-горло-носа, но врач его не расслышал, потому что это был первый человек. Он подумал, что его хотят рассмешить и спросил: «Это смешно, да? А в чем юмор?»

Один человек и формы глагола

Один человек стоял на автобусной остановке. Подошел второй человек и спросил: «Вы стоите?» Первый человек посмотрел на второго и в упор промолчал. Второй человек успокоился и стал тоже стоять. Третий человек, сидевший на скамейке, увидел все это и встал. В это время к остановке подошел четвертый человек и спросил третьего: «Вы не садитесь?» Третий человек матерно промолчал. Четвертый человек лег на скамейку. Подошел пятый человек и попросил четвертого: «Лягте правее». В это время подошел шестой человек и сказал: «Не лягте, а ляжьте». Тут подошел седьмой человек и закричал: «Иде-ооооо-т!» И все побежали.

Психологическая эпидемия

Один человек дергался. К нему подошел другой человек и тоже задергался. Это увидел третий человек и вызвал невропатолога. Приехал невропатолог и сказал первому и второму человеку: «Выстраивайтесь в очередь!» Первый и второй человек не смогли поделить первое место в очереди и задержались в виде драки. Невропатолог задергался и вызвал милиционера. Приехал милиционер, увидел, что три человека дергаются, и сказал: «А зачем вызывали милицию?! Здесь не милиция нужна, а невропатолог!» И задергался в виде написания протокола о ложном вызове. Невропатолог опять задергался и вызвал адвоката. Приехал адвокат и увидел, что первый человек, второй человек, невропатолог и милиционер дергаются, и тоже задергался в составлении адвокатской речи.

Мимо проходила маленькая девочка и сказала: «Ку-ку!» Все застыли.

Неположенная баня

Один человек был вЫмоченным, а другой вымО-
ченным. Третий человек их увидел, стал тереть обоих мо-
чалкой и здорово измочалил. Четвертый человек это
увидел и вызвал банщика. Банщик приехал с четырьмя
вениками и всех четверых обхлопал. Пятому человеку
стало завидно, и он вызвал милицию. Приехала мили-
ция и сказала: «Что вы баню в неподобающем месте
устроили?» Первые четыре человека собрали четыре ве-
ника и мочалку и удалились. Милиция пожала плечами,
хотела забрать пятого человека, а он громко и красиво
запел, потому что оказался ОПЕРуполномоченным.

Один человек и остальные бытовые приборы

Одному человеку удалось шагнуть на новый уровень бытовой технологии. Однажды он почесал ухо, и включилось радио. Почесал глаз — включился телевизор. Почесал нос — включился вентилятор. Почесал голову — включился компьютер. Почесал живот — включилась микроволновая печь. Почесал пятку — открылась этажерка для обуви. Почесал спину — раздвинулся диван-кровать. Почесал язык — зазвонил телефон. Человек снял трубку, а из телефона спросили: «Это вы вызывали психиатра?»»

Ужастик, который бывает

Один человек расклеился. К нему подошел другой человек помочь и расплзся по швам. Подбежал помочь первым двум третий человек и развалился на куски. Подоспел на помощь четвертый и расплавился. Прибыл пятый человек из милиции и разлетелся на части. Подъехал шестой из МЧС и разъехался в разные стороны. Седьмой человек из прокуратуры разлился по струйкам и капелькам и испарился. От него осталось мокрое место. Мораль: «Не помогай полтергейсту».

Один человек и остальные звуки

Один человек загремел. Это услышал второй человек, подбежал, чтобы лучше слышать, и зазвенел. Третий человек услышал гром и звон, подошел, чтобы узнать, в чем дело, и заверещал. Четвертый человек услышал гром, звон и верещание, подошел разобраться и зачирикал. Пятый человек услышал гром, звон, верещание и чириканье, пошел посмотреть, что случилось, и затарахтел. Шестой человек услышал гром, звон, верещание, чириканье и тарахтение, испугался, как бы чего не вышло, подбежал на помощь и завыл. Седьмой человек услышал гром, звон, верещание, чириканье, тарахтение и вой, не успел подумать и затрещал. Восьмой человек услышал всю эту музыку и вызвал дирижера. Дирижер приехал и начал дирижировать. Девятый человек услышал какофонию и захотел принять в ней участие, но на пути встал охранник. — «Куда вам?» — «В Государственную Думу». — «Вход только по спецпропускам».

Как неправильно читать лекции

Одному человеку приснилось, что другой человек читает лекцию во сне. Когда второй человек во сне первого человека проснулся, первый человек пересказал ему всю его лекцию. Когда первый человек проснулся наяву, то второй человек рассказал ему, что тот во сне читал лекцию. «Нет, — поправил его первый человек, — это ты читал во сне лекцию, а я тебе пересказывал». «Нет, — заспорил второй человек. — Я прекрасно слышал, что это ты читал лекцию во сне». Так они спорили, пока не завязалась драка. Все это увидел третий человек и вызвал психиатра. Пришел психиатр, выслушал обоих и сказал: «Вы оба не правы. Этой ночью читал лекцию я. О чтении лекций во сне». Первый, второй, третий человек все поняли и вызвали другого психиатра.

Овощиада

Один человек скапустился. Другой человек сосвекоился. Третий человек sluковился. Четвертый человек счесночился. Пятый человек сперчился. Шестой человек спомидорился. Седьмой человек согуречился. Восьмой человек средисился. Девятый человек сморковился. Пришел десятый человек, сосметанился и всех сборщил.

А я сбаклажанился!

Поэты и их фамилии

Маленькое предисловие. В правописании фамилии известнейшего русского поэта, номера два после Пушкина, Евгения Бо/а/ратынского имеется неразрешимое противоречие в первом слове.

Сам Ба/о/ратынский писался то Боратынский, то Баратынский.

Пушкин его фамилию тоже писал то так, то эдак. Поди разберись. Такая вот, как философы выражаются, антиномия.

На этом действительном историческом факте и основан нижеследующий почти не вымышленный рассказ.

Встретились однажды Боратынский и Баратынский.

— Ба! — воскликнул Боратынский. — Кого я вижу!
— Бо! — воскликнул Баратынский. — А я-то кого вижу!
«Ба-Бо! Бо-Ба!» Боратынский и Баратынский запрыгали и захлопали в ладоши.

Тут появился Пушкин.

— Пу! — воскликнул Боратынский. — Кого я вижу!
— Пу! — воскликнул Баратынский. — А я-то кого вижу!
— Ба-Бо! — воскликнул Пушкин и подскочил поближе.
«Ба-Бо-Пу! Пу-Ба-Бо! Бо-Пу-Ба!» Запрыгали втроем Баратынский, Боратынский и Пушкин.

Тут подошел Жуковский.

— Жу! — воскликнул Боратынский. — Кого я вижу!
— Жу! — воскликнул Баратынский. — А я-то кого вижу!
— Жу! — вскрикнул вслед за ними Пушкин.
— Ба-Бо-Пу! — воскликнул Жуковский и приобнял Боратынского.

«Ба-Бо-Пу-Жу! Бо-Пу-Ба-Жу! Бу!-Ба!-Жу!-Пу!» И все они заскакали и перепутались, а потом устали скакать. И пошли по домам Борковский, Барашкин, Журатынский и Буратинский.

Забрали ни за что

Один человек чесался. Другой человек его фотографировал. Из-за окна за этим наблюдал третий человек. Когда у него зачесалась нога, он невольно оглянулся проверить, не фотографируют ли его. В это время четвертый человек фотографировал птичку, сидевшую на подоконнике у окна, где стоял третий человек. «Не надо!» — закричал третий человек четвертому человеку. — «Я в отличие от этих двух (он указал на первого и второго человека) чешусь не для фотосъемки!». Четвертый человек опустил объектив камеры, немного подумал и вызвал психиатра. Когда третьего человека увезли, первый и второй человек еще долго продолжали чесаться и фотографироваться. Попеременно.

Два характера

Один человек хотел дружить с другим человеком и хотел ударить его по морде. Другой человек не хотел ни дружить с первым человеком, ни получать по морде. Ни даже дать по морде первому человеку он не хотел. Единственное, чего он хотел, — это оставаться другим человеком. В этом и состояла разница между первым человеком и вторым.

Нашел себя

Один человек шел по кругу и встретил другого человека. Это оказался он сам. Вот собственно и все.

Самая короткая история про одного человека и другого

Чем больше узнаешь одного человека, тем больше кажется, что это другой человек.

ДУХОПОДЪЕМНИК ТОРОБОАН

сиречь Противописание
реальное средство улучшения настроения
в любую погоду и при любых обстоятельствах

*Чтоб башка варила – мало,
надо – чтоб не пригорало:
мысль любую не забудь
вовремя перевернуть.*

Ив. Холявин. Рекомендазм

Перевернуть, вот-вот... Перевертышем дальше будем называть текст, составленный по принципу полной смысловой противоположности какому-то другому.

Состоит такой текст в основном из антонимов тексту исходному. (*Антоним* — слово, противоположное по значению другому).

Кто первым это затеял, кто пионер перевертышной литературы — докопаться не смог. В интернете есть сайты перевертышной (негативной ее еще называют) поэзии. Многое забавно, кое-что талантливо. Некоторые негативы оказываются даже интереснее и сильнее своих исходников-позитивов.

Начал с подачи жены, которая в перевертыши играла еще в школьные годы, упражняясь в риторике. На досуге, забавы ради, занялись вместе переворачиванием известных, всеми узнаваемых изречений — пословиц, названий произведений, цитат из поэзии и прозы, просто устойчивых словосочетаний — наоборот, так, чтобы перевернулся смысл всего в целом.

Сразу же обнаружили, что для переворачивания смысла текста с сохранением его содержательности приходится часто отходить от буквальности, жертвовать

частностями: менять порядок слов, последовательность оборотов; оставлять без изменений какие-то служебные части речи — предлоги, союзы; слегка смещать значения слов и даже характер всего текста куда-то вбок...

Да, точно как и при переводах с одного языка на другой: убогие подстрочники искажают смысл, а то и попросту врут — а гармоничное соответствие оригиналу создает знающая свобода...

Измившим нас результатом этой игры оказалось улучшение настроения. Весьма ощутимое! Радостное удовлетворение, умственное блаженство, переходящее и в телесное... Кайф ловится, когда угадывается оригинал — позитив негатива. А особенно — когда перевертыш сочиняется самостоятельно, ибо может стать самодостаточным выражением, полным оригинального смысла, изящества и красоты, не говоря уж о юморе.

Какой-то здесь чувствуется дразнящий секрет — ключ к тайной гармонии мироздания. Потайной лаз в Смысловую Вселенную — через черную дыру Антимира к винтовой лестнице, ведущей в Бесконечность...

Вот упрощенные примеры перевертышей с исходниками-оригиналами — высказывания-антиподы, одно из которых («позитив») в каждой паре общеизвестно.

В пустыне пальма умерла.

В лесу родилась елочка.

Скучно, потому что совсем просто.

С ненавистным ад и во дворце.

С милым рай и в шалаше.

Это тоже не интересно, уж слишком правильно, и что позитив-исходник, что негатив-перевертыш — одно. В музыкальном выражении — та же нота, только одна в басу, другая в колоратуре.

Невежество умаляет радости.

Познание умножает скорби.

А это уже любопытнее. Первое высказывание, не ведая о своем убеленном сединами источнике, могло бы быть и самостоятельным жизненным наблюдением — заслуживающим размышления кандидатом на звание афоризма... Неоднозначно, как и умножение скорбей в результате познания: и так, и наоборот. И скорби познание умножает, и радости — в равной мере. Все тот же стакан, для оптимиста наполовину полный, для пессимиста наполовину пустой. Чем больше знаешь, тем твой стакан больше, а в нем — и того, и другого, насколько выдержишь. Чем меньше — понятно...

Безнадега рождается первой.

Тоже прозрачно — и верно, хотя и не совсем очевидно. Легкость возникновения паники по всяческим поводам наблюдать случалось?.. Внутри себя тоже?..

Насчет надежды, которая умирает последней, добавил бы, что в самый последний миг она обычно отказывается умирать, и правильно делает.

**Родился радостный прозаик,
Вольноотпущенник стыда, —
Не помнит зла, забот не знает...
Вот так и нам бы, господа!**

Узнали, конечно: стоит перевернуть два из трех слов первой строчки (первое слово и третье), как получаем начало великого трагического стихотворения юного поэта, через одиннадцать лет избравшего себе ту же участь, что им оплакана...

Ну вот, суть ясна, к делу, друзья: предлагаю вам ряд перевертышей разной величины, разного наполнения и разного качества. (Невозможно быть гением двадцать четыре часа в сутки, сказал Гюго, кажется, а Доктор Ю со всей скромностью подтверждает).

Наедине с книжкой, либо в кругу семьи или друзей, тексты эти в качестве развлечения можно дешифро-

вать — угадать исходники, а заодно, как Ю иногда выражается, подвинтиться. Сам Ю, кстати, тоже использовал перевертыши в качестве одного из литературных упражнений для своих студентов, как признавался мне, подзаряжался, сочиняя перевертышные пародии на Шекспира, Пастернака и других авторов. Некоторые из его перевертышей я, с авторского разрешения, далее приведу.

Расшифровки-ответы на наши перевертыши найдете на стр. 303. Комментариями же заняться не откажу себе в удовольствии прямо сейчас.

Итак...

• 1 •

Тяжело в голове от скрежета грустного.

Ох, вот-вот. Скрежет грустный... Представьте себе психотерапевтическую работу, в том числе с письмами... А в исходнике — совсем-совсем о другом.

• 2 •

У одного профессора взрослый с носом.

Подскажу слегка: профессор всего лишь один, а могло быть и больше; только уже не профессоров, бери выше (имею в виду зарплату). А бедный взрослый, которого шельма-профессор с носом оставил, пусть радуется, что с носом, а не без него.

• 3 •

Что лежишь спокойно, толстая дубина?

Похоже либо на обращение Пещерного Человека к бестолковой праздной дубине, которая не выполняет своего назначения; либо, что значительно правдоподобней, на сцену из хорошо отлаженной супружеской жизни.

В исходнике же — опять наводку даю — о возможности такой интимной душевной и пространственной близости выражается лишь несбыточная мечта.

• 4 •

Чернеет мачта коллективная...

Тут сразу, конечно же, колючая проволока представляется, зона и ээки, мрачные конвоиры... Коллективная мачта над всякой зоной имеется, а то и не одна, часовые там с автоматами. Мачты такие я видел — сам не сидел, Бог миловал, но работал в нескольких подобных местах в качестве командированного врача-исследователя, изучал агрессивное и саморазрушительное поведение уголовников, включая и самых жестоких убийц... Грустно, не будем. Позитив-исходник тоже печален, но поэтически высветлен.

• 5 •

С безделья и птичку на небо запустишь...

А что, ведь правда. В мечте хотя бы.

• 6 •

**Там, где торжественность притворна,
скорбеть и слезы лить — позорно.**

Степень содержательности в сравнении с исходником, который вы, думаю, уже угадали (он тоже в стихах) — предоставляю оценить вам, друзья. Как видите, тут пришлось несколько отойти от подстрочности, но негатив, мне кажется, в достаточной мере соответствует позитиву.

• 7 •

Несчастливы богатые телом.

Часто выходит так, даже если и денег много. Исходник легко узнается, но не легко понимается.

• 8 •

(от Доктора Ю)

Господин без котенка.

Отличительный признак — быть без чего-то (или кого-то) не столь уж редко используется для названий

литературных произведений: «Всадник без головы», «Человек без свойств», «Бесприданница»... Так что и наш господин, у которого по странному стечению обстоятельств не оказалось котенка, вполне мог бы стать героем какой-нибудь лирико-фантастической повести. А если фильма — то детективной комедии, не иначе. По ходу действия мог бы зайти в студенческое кафе «Шпора», заказать кружку безалкогольного пива, пирожок без мяса, пару бутербродов без колбасы и один без хлеба, чай без заварки... В исходнике все было наоборот, но не стопроцентно.

• 9 •

Банан к пальме близко не взлетает.

Да и зачем бы ему взлетать? Разве только обезьяне какой-нибудь вздумается запустить бананом в начальника. А вот подальше от пальмы банан взлетает на экспорт. Одна вдумчивая читательница, кстати, справедливо заметила, что бананы и пальмы растут вообще по отдельности. Банановое дерево — одно, пальма — другое.

• 10 •

Известно бесовское бездорожье.

Любой вор, наркоман и маньяк подтвердит: известно, и тем не менее... В исходнике же известно лишь то, что ничего не известно.

• 11 •

Выкопал чужую бездарность из луны.

Спрашивается, зачем было так далеко отправляться. Вот и молодой друг мой сходную ошибку совершил: в Америку учиться поехал.

Кстати, об Америке.

• 12 •

Он засунул в узкие шорты оригинал уцененной пушинки... Пишите, радуйтесь за меня: ты — эмигрант Соединенных Штатов Америки!

Как наоборот все в нашем исходнике, насколько весомее и внушительнее. Но увы, давно не действительно.

• 13 •

Марсианин марсианину заяц.

И это страшно, поверьте. Знаете, как зайцы между собою дерутся? Насмерть. Позитив наш — еще ничего.

• 14 •

Мимолетный антисемит.

Все ксенофобы мимолетны, как моль, но, как моль же, заводятся там и сям снова и снова. А виноват в этом, как и во всем, исходник.

• 15 •

Проповедуй себе при необходимости.

Здравый призыв. А в позитиве этого высказывания меланхолическая ущербность звучит, к тому же с неправильным ударением. Зато как душевно.

• 16 •

Ничего чужого не роняю дома.

Правильно — осколков не соберешь.

• 17 •

Каждую ночь с чистым блокнотом.

Старательный писатель, не правда ли?

• 18 •

(от Доктора Ю)

Ушел, не заметил, просрал.

Пардон, это из каких-то записок неудачника, наброски к повести, что ли.

• 19 •

Мы толпой в дремучий лес не входим.
Поодиночке туда тоже углубляться не стоит.
Вариант с продолжением:
Не пройти толпе дремучим лесом.
Темен бурелом в прозрачной мгле.
Шумен день. Базар взывает к бесам.
И молчанье шлет земля земле.

Узнали, не сомневаюсь. Кристальная цельность пейзажа в сравнении с гениальным исходником, конечно, нарушена; но можно представить себе кишачий людми большой город, расположившийся посреди дремучей тайги, есть и такие. Что базар к бесам взывает, а небесам не внемлет, вряд ли кто-либо оспорит. А что земля то ли другой какой-то земле, затерянной в космосе, то ли самой же себе шлет молчанье, есть факт не физический, но... Сверьтесь с исходником.

• 20 •

(от Доктора Ю)

Забудь себя в ругательствах чужих,
козел, эй, Гамлет!

Опять грубо, не спорю, но что поделаешь, исходник обязывает. У его автора, между прочим, тоже встречаются крепкие выражения.

• 21 •

Глупый в яму не полезет, глупый в яму упадет.
Воистину так. Персонаж исходника действует в других обстоятельствах, так что все относительно.

• 22 •

Скажи «стоп», когда переползешь!
Зад червяка — его голове. Резонная просьба.

• 23 •

Прозаиком казаться должен я, а нелегалом притворяться не обязан.

Это я практически о себе. Как должен, так и кажусь. Как не обязан, так не.

• 24 •

(от Ивана Халявина)

Если задница прямая, то виновна в том стена.

Нечаянно Иван Афанасич подсуетился, и в ритме неприличного стишка получилось, как и почти всегда у него, а исходник-то прозаичен вполне.

• 25 •

(тоже от Халявина)

Хорошему певцу рубашка помогает.

Пожалуй, без комментариев.

• 26 •

**С сооружений демократии
сотрут чужие псевдонимы.**

Пророчество об эпохе перестройки и далее. Начали еще до перестройки — стерли псевдоним Иосифа Джугашвили с мавзолея. В ельцинскую эпоху переименовали кое-какие учреждения, улицы, площади. Дальше не пошли, приостановились, но ведь и сооружений демократии пока еще с гулькин нос.

• 27 •

Правдива не рассказанная чушь.

Настаиваю на верности или, по крайней мере, непротиворечивости этого утверждения — вопреки клочущей парадоксальности презнаменитейшего источника. Многие отрицающие утверждения подстерегает самоубийственность: отрицая что-то во внешнем мире — отрицаем себя.

• 28 •

**Умолкни, тетя, ведь напрасно Париж, затопленный
водою, у немца отнят был.**

Нет, не думаю, что напрасно.

• 29 •

**Земною пищей сыт по горло,
Резвился он у речки горной,
И одноногий мракобес
В прибрежных зарослях исчез.**

Чуть посложней уже, да?.. Так и хочется узнать, что же это за мракобес такой одноногий и почему и зачем исчез — испугался резвящегося или затаился, чтобы напасть? И кто это такой сытенький в горное ущелье порезвиться забрался, не подозревая о его мрачно-таинственных обитателях?..

Дальше будет еще несколько стихонегативов, и мы увидим, как они сами, по своей логике, строят свои миры, отделяющиеся от авторской воли, миры развивающиеся и не желающие исчезать.

• 30 •

**Ни разу он в теплую летнюю пору
В пустыню не бегал. Стояла жара...**

Понятно, ежели вы только не бедуин, в жару бегать в пустыню — занятие для мазохистов.

• 31 •

Скорей в Нью-Йорк, и можно без телеги!

Коренного противоречия с источником я тут, признать, не нахожу.

• 32 •

**Вы ненавидите меня. Конечно!
Вас ненависть сжигает все сильнее;**

**Так пусть она в вас полыхает вечно,
Пусть пожирает до скончания дней!
Вы ненавидите уверенно, болтливо,
То млея, то наглея и грубя;
Вы ненавидите так зверски, так фальшиво,
Как дьявол ненавидит сам себя!**

Сам не ожидал такой жесткой концовки, аж в голове слегка помутилось. Кто знает... Если нечистый дух существует, то вся мировая злоба, возможно, есть выражение его ненависти к самому себе. А в мире божеском, являемом нам исходником через живое переживание, есть место самоприятию и допустима естественная любовь всякого существа к самому себе — лишь бы только эта любовь не мешала любить себя и другим.

• 33 •

(от Доктора Ю)

**Обвальный раздор деспотичных режимов
Ничтожные Штаты создали на час...
Будь проклят, разрушенный от пережимов
Бессильный, презренный, плохой Гондурас!**

Опять Штатам досталось на орехи. Не надо трогать деспотичные режимы, пускай сами разваливаются, так надежнее. И Гондурасу поделом — нечего пережимами заниматься. Коль нету силы, нечего быть плохим, хорошим быть надо.

• 34 •

**Ты позабыл поток кошмаров:
Он затаился за тобой —
Неукротимый град ударов,
Безмозглый, грязный мордобой.**

Армейская дедовщина — груз памяти многих, тот груз, который так хочется выбросить или намертво замуровать...

Вот уж поистине полный перевертыш к исходнику.

• 35 •

Розовая кляча медленно ползет...
Кляча розовая оттого, что стесняется.

• 36 •

Ложись, увенчанный почетом
Пузатый, праздный олигарх!
Будь хладнокровным идиотом
И кушай травку на лугах!

Не всеми узнается... История, для моих младших детей уже ставшая археологией — окаменелость почти наравне с какой-нибудь Пелопоннесской войной или переворотом Восемнадцатого брюмера. А для меня совершенно живая, потому что я в этом родился, жил в этом... Ну вот и дожил до перевертыша, и не на бумаге отнюдь.

• 37 •

Нет зыбкого болота суеты
под упоительною истиной мгновенья...

Трудный стихонегатив — специально для знатоков поэзии века двадцатого. Строки исходника, впрочем, достаточно знамениты. И очень поддерживают.

• 38 •

Когда еще увидит он молчание не девочки, но дамы.
Молчание дамы увидеть и вправду много трудней,
чем молчание девочки.

• 39 •

Смерть однажды правду скажет —
Плюнь ей в рожу, разъярись!
В ночь веселья оторвись —
Ночь печали не уважит.

**Ум живет сейчас и здесь,
Небывалое — прекрасно,
Вечно все живет, все есть,
Хоть наставшее ужасно.**

Негатив известного психотерапевтического стихотворения. Робко надеюсь, что какая-то доля психотерапевтичности, несмотря на всхлипнувшую последнюю строчку, сюда тоже проникла, и ужасному настоящему будет достойно противостоять прекрасное небывалое.

Исходник следующего негатива — у того же автора.

• 40 •

**Вы мне читали — что же меньше?
Не выразили ничего!
Отдать придется группе женщин
Дань уваженья своего.**

Из страстного обожания, из нежной лиричности, из всех даров Эроса, вывернутых наизнанку, так легко получается саркастичность, язвительность, яростная агрессивность, убийственная ирония. Так легко, что кажется иногда, будто любовь из этой гремучей смеси и состоит, только с добавкой некоего биоманнитного поля, меняющего знак всех зарядов на противоположный...

• 41 •

**Твоя безнравственная тетя,
Играючи поздоровев,
Вдруг оказалась не в почете,
Устроить худшее сумев.
Не идеал она небесный;
Но черт возьми, как интересно
Не задержаться ни на миг
У дамы, налитой как бык!
Как высоко, как благородно
Вгонять атлетку в депресняк,**

**Класть в койку наперекосяк,
Яд отнимать, смеясь утробно,
И, нос зажав, кричать вослед:
Дай Бог тебе премногих лет!**

Комментарий, наверное, будет излишним; скажу только, что безнравственных тетей нынче такое множество развелось, что уже ни вздохнуть, ни охнуть, ни телевизор включить. И в депресняк кого хошь вгонят, и ядом попотчуют, и такое изречь мимоходом могут:

• 42 •

Кого мочить — базара нет!

А исходник, по всем правилам перевертыша, про-изнес мужчина, вполне нравственный и притом лишенный иллюзий.

• 43 •

**Небесный путь еще не начав,
ты задержался в зоопарке...**

Позитив этого негатива тоже изрек человек высоко-нравственный, но, в отличие от предыдущего персонажа, не расположенный к юмору. Негатив же напомнил мне заключительную фразу Доктора Ю в тот вечер, когда он признался, что не понимает собственных шуток.

Что же, осталось нам только перевернуть пару песен, и хвост 21 можно считать имеющим место быть!..

• 44 •

**Уходи от нас, Аркаша,
без тебя нам в кайф житье!
Забирай всю простоквашу,
мне не выплюнуть ее!**

**Чтоб не встретиться с тобою,
я полезу на чердак.
Ранней утренней зарею
удерешь ты натошак.**

Припев (краткости ради далее не повторяется):
**Лучше быть тощим, чем пузатым.
Лучше подраться, чем сбежать.
Лучше бомжом быть, чем солдатом.
А почему — не дано нам знать!**

**Уходи от нас, Аркаша,
вот маршрут и копирайт.
Забирай всю простоквашу,
с простоквашей что за спайт?**

**Ты на мой мешочек киви
сколько выдул коньяку?!
В вашем прошлом коллективе
оторвали бы башку!**

**Не прождешь ты и минуты,
как услышишь голос мой,
и раздетый и разутый
поползешь к себе домой.
Спрячь поганую гримасу
и навеки пропади.
Мне продуктов нужно массу,
а то спайту — пруд пруди.**

Глумление над искусством! — возопит иной чисто-
плюй. Ничего подобного, наоборот: перевертыш — рент-
геновский снимок произведения (рентген высвечивает
негатив) и продление жизни — освежение смысла.

• 45 •

**Увядали киви, ананасы,
Улетали звезды в небосвод,
Уходил Базилио в пампасы,
Под пологий сток подземных вод.**

**Уходил и шепотом ругался,
Проклиная горного козла,
С чьею тенью он вчера бодался,
С тем, чью книгу ночью сжег дотла.**

Исходник — один из величайших песенных хитов середины двадцатого века. Ребенком и я вдохновенно пел эту песню, не вдумываясь в слова... В армии тоже пел — в строю, во время муштры, усиливаясь не возненавидеть. Потом забыть постарался, да разве забудешь? — сидит в подкорке, живет старушка.

**Позабыл он сложного мужчину,
Не увидел, как танцует он.
Сгоряча разрушил бы чужбину,
да растратил ярость на ворон.**

**Пересохни, хрипота медвежья,
Уползай от призрака луны,
С пацифиста в ближнем зарубежье
Изыми Базильевы штаны.**

Завершая игру, хотелось бы поделиться с вами, друзья, одним врачебным соображением.

Построить негатив-перевертыш к любому тексту — не сложно: всякий может поднатореть в этом и внести вклад в перевернутое творчество.

Тудней строить перевертыши к жизни...

Легко, сами собой образуются перевертыши ко всему хорошему: к благополучию, к доверию, к радости, к счастью, к любви... Негативы от позитивов, худо от добра, тень от света — присущи жизни изначально, производятся самопроизвольно (хотя, конечно, и с нашей помощью!..).

А позитивы из негативов, добро из худа, из тьмы свет — сами собой, *за редкими божественными исключениями*, не происходят, не строятся. Требуются дополнительные вложения, строительно-творческие труды.

Любая пицца во что естественно превращается?.. В свой негатив — в навоз, о котором Борис Пастернак справедливо сказал, что он «всего живитель и виновник», да еще и «пахнет свежим воздухом», что поэтически гениально, а прозаически для кого как. Обратное превра-

щение навозного негатива в позитив естественно происходит, но требуется для этого тихий и долгий труд зеленых жизнестроителей, требуется вода, воздух, свет...

Чтобы перевертыши добра, негативы не забивали нас, не пригибали, не гипнотизировали, — научимся с ними играть. Звери и дети это врожденно знают, поэтому и любят играть в драчки-ругачки, в войнушки.

Трудно выстроить позитив из жизненного негатива, из худа — добро, из тьмы — свет... Но ВОЗМОЖНО, если прилагается к тому творческая энергия, чем мы с вами, друзья, здесь посильно и занимаемся.

Ответы на анекдоты-загадки от Антарктидочки

1. — Нельзя, у него мигалки.
2. — Че смотришь? Помогай!
3. — Так мы уже полчаса как переключились.
4. «От козла слышу!»
5. — А я откуда знаю?!
6. — Что кричите? Вы же отлично знаете, что хвост мой.
7. — Все усвоил!
8. — Опять этими шампунями озоновый слой пробили!
9. — У друга день рождения. Свечки с тортика задувает.
10. «Да, да, паранойя... Но зато уже никто не достанет!»
11. — Лучше пиши трагедии, будешь смеяться.
12. — Ребята, вы же отлично знаете: самовар — это я!
13. Чеснок виновато отвечает: «Это я, луком объелся...»
14. — Люблю отбивные!
15. — И наконец — попал в воду!
16. — Нет, доктор, что Вы, просто я высоты боюсь...
17. — Тьфу, черт... Крем. Опять на свадьбу попала.
18. — Тут один придурок на завтра конец света заказал...
19. «И здесь узнали», — подумал актер Театра Юного Зрителя, вот уже десять лет исполнявший роль Колобка.
20. ...тупыыыыыыыыые...

Ответы на перевертыши

Ради краткости в большинстве даются лишь узнаваемые первые строчки, одна или несколько.

• 1 •

Легко на сердце от песни веселой... (Лебедев-Кумач)

• 2 •

У семи нянек дитя без глаза.

• 3 •

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?... (Из песни)

• 4 •

Белеет парус одинокий... (Лермонтов)

• 5 •

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

• 6 •

Смеяться, право, не грешно...

• 7 •

Блаженны нищие духом.

• 8 •

Дама с собачкой.

• 9 •

Яблоко от яблони недалеко падает.

• 10 •

Неисповедимы пути Господни.

• 11 •

Закопал свой талант в землю.

• 12 •

Я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза... (Маяковский)

• 13 •

Человек человеку волк. (Латинское изречение)

• 14 •

Вечный жид.

• 15 •

Не искушай меня без нужды... (Баратынский)

• 16 •

Все мое ношу с собой. (Латинское изречение)

• 17 •

Ни дня без строчки. (Латинское изречение)

• 18 •

Пришел, увидел, победил. (Юлий Цезарь)

• 19 •

Выхожу один я на дорогу... (Лермонтов)

• 20 •

Помяни меня в своих молитвах, Офелия, о нимфа!
(Шекспир)

• 21 •

Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.

• 22 •

Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

• 23 •

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан. (Некрасов)

• 24 •

Если рожа крива, нечего на зеркало пенять...
(Народное)

• 25 •

Плохому танцору и брюки мешают.
(Пословица)

• 26 •

И на обломках самовластья
Напишут наши имена. (Пушкин)

• 27 •

Мысль изреченная есть ложь. (Тютчев)

• 28 •

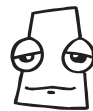
Скажи-ка, дядя, ведь недаром... (Лермонтов)

• 29 •

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился. (Пушкин)

• 30 •

Однажды в студеную зимнюю пору... (Некрасов)

• 31 •

Вон из Москвы! (...) Карету мне, карету! (Грибоедов)

• 32 •

Я вас любил. Любовь еще, быть может... (Пушкин)

• 33 •

Союз нерушимый республик свободных...

• 34 •

Я помню чудное мгновенье... (Пушкин)

• 35 •

Голубой вагон бежит, качается... (Из песни)

• 36 •

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов. (Интернационал)

• 37 •

Есть ценностей незыблемая скала
Над скучными ошибками веков. (Мандельштам)

• 38 •

Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа...
(Пушкин)

• 39 •

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись... (Пушкин)

• 40 •

Мой дядя самых честных правил... (Пушкин)

• 41 •

Я к вам пишу. Чего же боле?.. (Пушкин)

• 42 •

Быть иль не быть — вот в чем вопрос. (Шекспир)

• 43 •

Земную жизнь пройдя до середины, я очутился
в сумрачном лесу ... (Данте)

• 44 •

Приходи ко мне, Глафира... (Васильев, Иващенко)

• 45 •

Расцветали яблони и груши... (Песня «Катюша»,
Исаковский, Блантер)

Глава Тринадцатая

(вместо моего интервью)

ПРОСТО ТАК

**двадцать веселых песенок
и одна просто песня**

О чем только не спросят на интервью: и о творческих планах, и о количестве жен и детей, и о вероисповедании, и про любовь, и про аппетит и прочие вредные привычки, и на каком боку спишь, и за кого в трехтысячном году на выборах проголосуешь.

Спрашивали много раз и о том, как успеваю писать стихи, сочинять музыку.

Спросили бы лучше: как успевается НЕ писать, НЕ сочинять?

Устал объяснять, что сами стихи пишутся, сама музыка сочиняется. А я только, как всякий этим больной, записываю или не записываю.

Любой, кого отяготила судьба жребием утруждать слух других, подтвердит: в течение суток редко бывают мгновения, когда бы где-то в груди, в горле, в голове или около не шелестело какое-нибудь стихоподобие, не пробивалась какая-то мелодийка или ритм... Вот и у меня с детства, сколько помню себя, — сплошной внутренний звуковой поток. Когда поток выходит из фона, когда усиливается до неудержимости — рождается стихотворение, которое можно записать. Рождается музыка, которую можно сыграть, я и делаю это, если есть поблизости фортепиано или синтезатор; записываю, если возможно. Обзавелся домашней аудиостудией...

Песни пишутся так же самопроизвольно — приходят, и все, как простуда. Случается и по заказу — что такое «заказ» в моем случае, уточню дальше. Обычно же пишутся просто стихи: глядишь, а это и песня. Но музыку к моим стихам чаще сочиняю не я, а Максим, сын, повадился он это делать с пятнадцати лет.

мы с Максом в усах и шляпах поем наши песни

Сюда подобрал я песенки в основном забавные, веселые и озорные, но есть и иные. К некоторым музыка не записана еще, только внутри...

Вот одна такая как раз —

ПЕСЕНКА О ПЕСЕНКАХ

*Я в детстве любил забираться
на песенки —
оттуда окрестности дома видней,
и лучше поются и слышатся песенки,
и тучи на небе как стадо коней...*

*Тогда и открыл я великую истину:
цель песенки есть отрицательный вес,
а люди внизу размышляют над мисками,
и песенкам их не достигнуть небес.*

*Во взрослом костюме,
в окрестностях Гнесинки,
где музыки много и рядом Арбат,
увидел я: песенки скачут по песенке,
а самые лучшие в небо летят...*

*И вновь состоялось открытие истины:
кто вес набирает, тот в землю идет,
а песенки вверх унесутся неистово,
и самая лучшая в рай попадет*

ПРОСТО ТАК *

А это одна из первых песенок, слова которой я сочинил для юного Макса, а он не замедлил с музыкой. Этой песенкой мы обычно начинаем или заканчиваем наши выступления, и слушают ее весело и дети, и взрослые. Интересно: в советские времена она воспринималась как социально-протестная людьми взрослыми, а в нынешние воспринимается так детьми, особенно школьниками.

*Шли однажды по дороге
Чебурек и Чебурак.
Не спешили по тревоге,
а гуляли просто так.
Не грустили, не скучали,
не болтали, не молчали,
ни за что не отвечали,
ничего не означали,
а гуляли просто так.*

*Шли, ни на кого не глядя,
Чебурак и Чебурек.
Им навстречу Строгий Дядя,
очень важный человек.
Всеми пальцами грозя,
он сказал им, что нельзя
не грустить и не скучать,
не болтать и не молчать,
ни за что не отвечать,
ничего не означать,
что нельзя быть Чебураком,
что нельзя быть Чебуреком,
можно только человеком,
да и то не просто так,
потому что нарушают:
никому не разрешают
на прогулки выходить
без намордников.*

* значок диска означает, что эта песня есть на нашем аудиодиске.

*Побежали по дороге
Чебурек и Чебурак,
как медведи из берлоги,
без защиты, без подмоги,
ой ей ей, давай бог ноги!
Дальше дело было так.*

*Очутились на ограде,
а навстречу Строгий Дядя,
искупались в водопаде,
а навстречу Строгий Дядя,
всюду, спереди и сзади,
в магазине, в зоосаде,
в винограде, в шоколаде,
на торжественном параде
им навстречу Строгий Дядя
в наморднике.
И тогда Чебурек чебурахнулся,
и тогда Чебурак чебурехнулся,
и опять пошли гулять*

*Так изобразили Чебурека и Чебурака, слушая песенку,
мы с маленькой дочкой Машей.*

ПРОСТО ТАК

слова Владимира *Леви*, музыка Максима *Леви*

Довольно скоро (♩ = 120)

Шли од- на- жды по до- ро- ге Че- бу- рек и Че- бу- рак. Не спе-

ши- ли по тре- во- ге, а гу- ля- ли про- сто так. Не грус-

ти- ли, не ску- ча- ли, не бол- та- ли, не мол- ча- ли, Ни за что не от- ве-

ча- ли, ни че- го не оз- на- ча- ли, А гу- ля- ли про- сто

так, про- сто так. Шли, ни на ко- го не гля- дя, Че- бу- рак и Че- бу- рек.

Им на- встре- чу стро- гий дя- дя, О- чень важ- ный че- ло- век.

Все- ми паль- ца- ми гро- зя, он ска- зал им, что нель- зя не грус- тить и не ску-

чать, не бол- тать и не мол- чать, ни за что не от- ве- чать, ни че-

О ВРЕДЕ САМОСОЗНАНИЯ

разговор ишака со Всевышним
музыка Владимира и Максима Леви

Долго делаются некоторые дела. Двадцать лет было мне, когда я написал слова этой песни, имея в виду под Ишаком в том числе советских трудящихся, а под Аллахом не в том числе руководство страны. Еще через двадцать лет понял, что это песня и сочинил к ней набросок музыки. Еще через десять или около — послал развлечения ради Максиму в армию: он служил в пограничных войсках на афганской границе, там еще шла война. Макс музыку досочинил, обработал... Потом мы исполняли эту песню вдвоем: партия Ишака — Максим, партия Аллаха — ваш покорный слуга.

А еще через десять с чем-то лет выяснилось, что за эту песню можно и сейчас заработать секир-башка, ибо она не политкорректна уже в новых условиях ...

**– Нии-как, НИИ-как
не смирится душо.
Ал-лах, Ал-лах,
почему я ишак?¹**

**Ии-збавь, Ии-збавь
меня — от меня
ии дай, ии дай
ячменя, ячменя!**

**– О мой бедный, мой
вьючный,
как тебя я люблю.
Придорожной колючкой
я тебя накормлю.
Поработай – а после
угощу и овсом,
лишь бы только мой ослик
оставался ослом.**

ишак и неаллах: мы с тобой
одной крови, ты и я. 2008 год

¹ Вообще-то песня не на политическую и тем более не на религиозную тему, а просто о жизни как таковой. Но попытка объяснить это может оказаться травмоопасной. (Примечание Макса).

*Но вот как предпринять
столь решительный шаг,
чтобы смог ты понять,
почему ты ишак?*

*Хорошо, предположим,
разобраться мы сможем,
почему ты животное,
в чем твоя подноготная.
Не пройдет и минуты,
злой шайтан постарается,
и тебе почему-то
быть ослом не понравится:
забрыкаешься ногами и ушами заколышешь,
и объявишь забастовку,
заявление напишешь:
«Упираюсь. Не желаю
за других зверей ишачить».
И придется мне, Аллаху,
ишаком себя назначить!*

*Нет, нельзя предпринять
столь решительный шаг,
чтобы смог ты понять,
почему ты ишак.
Почему ты ишак, ясно мне одному,
а зачем я Аллах, я и сам не пойму.
Ах, зачем я Аллах?!..
Если б я угадал,
я бы – бух! – я бы – бах! –
все к шайтану послал!*

СОВЕТЫ ФИРДОУСИ музыка Максима Леви

И эту забавку для армейского потребления под среднеазиатский колорит я придумал для Макса, служившего на границе Таджикистана и Афганистана. Фирдоуси, великий восточный поэт, здесь, конечно, фигура более чем условная, на его месте явно должен был сидеть Ходжа Насреддин, но что выросло, то выросло. И не думал я, что из этого выйдет песенка, но Максим ее сделал, и когда сделал, тогда только я и сам отметил как философски значимые строчки в последней строфе — о столбе, в который упираешься лбом... Не предполагал, что ему, столбу этому, суждено через пару десятков лет войти в число широко цитируемых в интернет-блогах столбов. Случается даже, что над некоторыми статьями красуется эпиграф: «Если в столб упираешься лбом, значит — счастье за этим столбом». И подпись: «Владимир Леви». На полном серьезе.

*Молодой купец Салават
яйца нес на базар продават.
В этот день было слишком тепло,
яйца бились как в бане стекло.
Всем известный мудрец и поэт
в это время жевал винегрет.
— Если трудно, совета, совета спроси,
посоветовал Фирдоуси.*

*— О Учитель! — вскричал Салават,
буду ноги твои целоват!
Дай услышать мудрую речь,
как мне яйца мои уберечь.
— Не носи свои яйца как гири,
чтобы яйца тебе не пбили.
Веселей, веселей свои яйца носи,
посоветовал Фирдоуси.*

*Молодой жена в паранджа
убежал на базар от мужа.
Муж ее сковородкой побил
и четыре дня не кормил.*

*Всем известный поэт и мудрец
в это время рубал холодец.
– Кушать нечего – палец свой,
палец соси,
посоветовал Фирдоуси.*

*– О великий, – заплакал жена,
Почему я страдать должна?
Почему прозябаю тут
и зачем кончал институт?
– Кто берет образованных жен,
тот последний дурак и пижон.
Много знаешь – язык свой, язык прикуси,
посоветовал Фирдоуси.*

*Бородатый сапожник Ага
на базар прибежал без денег
и писал объявлений вокруг,
что готов на любую услуг.
Всем известный властитель умов
в это время уписывал плов.
– Счастья нет – на столбе,
на столбе повиси,
посоветовал Фирдоуси.*

*– О мудрейший! – воскликнул Ага,
я целую твоя сапога!
Покажи мне такую столбу,
чтобы сделать счастливой судьбу.*

*– Если в столб упираешься лбом-м-м-м,
значит, счастье за этим столбом-м-м.
А теперь мне вина, мне вина принеси,
посоветовал Фирдоуси.*

НИКТО ДРУГОЙ

**жизнь Дон Жуана, штрихи к портрету
музыка Владимира Леви**

Здесь первой пришла музыка. Люблю испанскую музыку и испанский язык, часто импровизирую и сочиняю в испанском духе. Все испанское близко мне, и фантазируется иногда, что в какой-то из прошлых жизней испанцем был сам или еще буду...

Заиграла во внутреннем слухе двухтемная пьеса с проигрышем... Некий авантюрист, знаток женщин, непобедимый дуэлянт и незаурядный в своем роде психолог... Мужественнейший из самцов и самцовейший из мужчин разговаривает с молодой дамой, несколько лет назад соблазненной и оставленной, но теперь...

*– Сеньора,
в вашу бытность сеньоритой
мы познакомились
на лестничной площадке,
а до того имели случаи встречаться
в одной таверне,
до семи утра открытой.
Вы танцевали, поднимая к небу пятки,
своею шляпой и пером могу поклясться,
что это были, это были вы, сеньора,
никто другой,
никто другой.*

*– Не может быть,
досточтимый сеньор.
А сколько лет протекло с этих пор
и сколько раз меняли
вы головной убор?
Я вас не помню, любезный сеньор,
какой горячий ветер
сегодня дует с гор...
Мне не совсем понятен
ваш разговор.*

*– Сеньора,
разрешите вам напомнить,
вас украшало ожерелье с розой белой,
ваш черный всеер*

был одним из самых скромных,
но вы владели им не хуже королевы.
Во время танца вы спросили:
это снится? –
и в этот вечер мы смогли уединиться,
и вы сказали, да, сеньора, вы сказали:
никто другой,
никто другой.

– Все может быть,
досточтимый сеньор.
Какой холодный ветер
сегодня дует с гор.
И где же вы скрывались
с тех давних пор?
Я вас не знаю, любезный сеньор,
не сомневаюсь, что вы бандит и вор,
а мой супруг достойный –
ваш прокурор.

– Сеньора,
вы отчасти справедливы,
кто слишком занят,
тем не следует жениться.
Я рад вас видеть
благоверной и счастливой,
мне нужно было
только в этом убедиться.
Не беспокойтесь,
я оставлю вас в покое,
хотя, признаюсь, не способен на такое,
прошу, поверьте,
о поверьте мне, сеньора,
никто другой,
никто другой.

– Благодарю вас, любезный сеньор.
Опять горячий ветер
подул с дальних гор,
ах, этот ветер дует
с тех самых пор...
Не торопитесь, любезный сеньор,
сегодня ночью умрет прокурор,
и не совсем окончен
наш разговор.

СЕРЕНАДА ЮБИЛЕЙНАЯ

исполняет 90-летний Дон Жуан и группа
«Реанимация». Музыка Владимира Леви,
обработка Максима Леви

Вот и заказная песенка, довольно уже давняя. Приятель Максима Дима Дубинин попросил меня сочинить песню к его пятидесятилетию, которое мы готовились отметить. «А какую песню?» — спросил я. — «Ну... такую, какую я смог бы петь и в свой девяностолетний юбилей».

Сказано — сделано. Соблюдена и персонажно-хронологическая преемственность с предыдущей песней. Получился авторский хит — среди всех моих песен держит первенство по срываемым аплодисментам, причем с годами аплодисменты все громче.

*Лишь засветит звезда над Гренадой,
и луна озарит небосклон,
с неизменной своей серенадой
приползаю к тебе под балкон.
О, как сладко быть пылким влюбленным!
Ожидая твой нежный ответ,
серенаду свою под балконом
я пою уже семьдесят лет.*

*О сеньора моя, о мадонна,
жизни миг нам для счастья дан.
Невзирая на возраст преклонный,
непреклонен твой друг Дон Жуан.*

*О моя престарелая фея,
сердце стонет и струны горят!
Чтобы слышать меня, поскорее
в ухо вставь слуховой аппарат.
Выйди, выйди, заботы не зная!
Дышит ночь под покровом небес,
и качается челюсть вставная,
и скрипит под суставом протез.*

*Твой супруг с бороденкой короткой
на дуэль меня вызовет гнем.
Он запустит в меня сковородкой,
я в него запущу костылем.*

Я сижу на диете морковной,
в парике не осталось волос,
но, сеньора, для страсти любовной
не помеха ни плешь, ни склероз.
Поиграем с тобою мы в прятки,
потеряв по дороге очки...
Выходи же – мгновения кратки,
а в любви мы всегда новички.

Довольно скоро, ритмично (♩ = 130)

Am E₇ Am

Am G₇ C

Dm Am

H₇ E₇ Am

Лишь за-

Am E₇

све- тит звез- да над Гре- на- дой, И лу-

E₇ E₇⁹ Am

на о- за- рит не- бо- склон, С не- из-

Am E₇

мен- ной сво- ей се- ре- на- дой при- пол-

E₇ E₇⁵⁺ A

за- ю к те- бе под бал- кон. О, как

НЕАКСЕЛЕРАТ

песня-марш
под барабаны, тарелки и пр.

Музыка к этой тонизирующей песенке пока не записана нигде, кроме моей головы. Звучало произведение донныне только единожды — в Москве, в молодежном театре на Остоженке, на Вечере Преодоления Мужских Комплексов в День Защитника Отечества 23 февраля третьего года текущего тысячелетия. Исполнение авторское, аккомпанировал себе на синтезаторе.

*Просто нет житья
столько лет подряд
оттого что я
неакселерат!*

*Так и норовит
вставши над душой
ногу отравить
кто-нибудь большой!
Мальчик для битья,
вечный детский сад,
потому что я
неакселерат!*

*Одна удача душу радует, радует:
чем больше шкаф,
тем громче падает, падает.
Приглашает вид,
а решает нрав.
Победит Давид,
а не Голиаф.*

*И вот какая мелочь радует, радует:
чем шкаф олинней,
тем дальше падает, падает.
Не вышел ростом – выше дух! –
выше дух!
бу-бу-бубухх!!!*

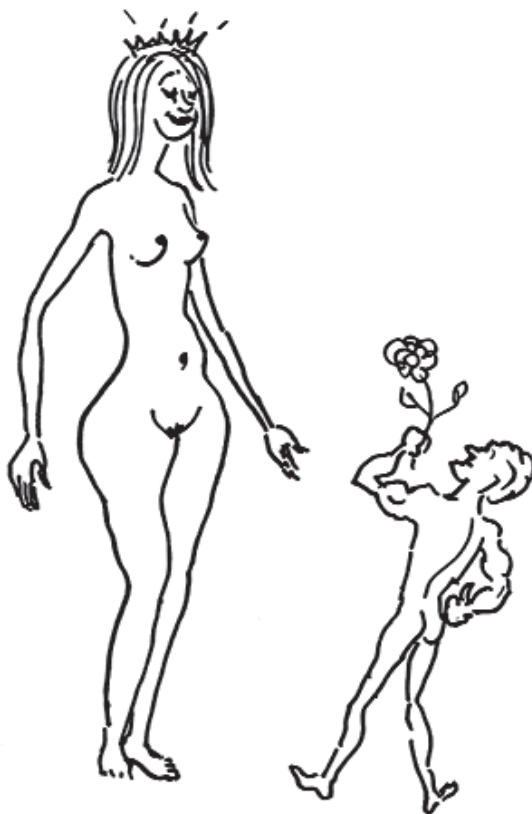
*Сколько суеты,
сколько лишних трат
оттого что ты
неакселерат!*

*Десять каблучков
в каждом башмаке,
пятьдесят вершков
шапка на башке!*

*Девушка моя
дарит мне домкрат,
потому что я
неакселерат!*

*Одна удача душу радует, радует:
чем выше шкаф,
тем ниже падает, падает.
Эй, величество!
Эй, выпячество!
Ты количество,
а я – качество!*

*И вот такая мелочь радует, радует:
чем шкаф шкафей,
тем звонче падает, падает.
Большой успех! Веселый смех!
Громкий смех!
Бе-бе-бебеххх!!!*

ПЕСЕНКА О КАВКАЗСКИХ МУЖЧИНАХ

К этой песенке музыка тоже пока не записана и сама песенка еще нигде не звучала.

Когда прозвучит — кому-то, наверное, не понравится, но это будут его трудности.

Не идеализирую кавказцев, как и никого иного. Но неплохо их знаю, с некоторыми дружу, некоторых люблю. Очень разные они, как и прочие все на свете. Не представляю без них ни Москвы, ни России, ни человечества.

*На центральной улице Москвы,
как всегда,
с гордою посадкой головы,
как всегда:*

*стоят кавказские мужчины,
стоят без видимой причины,
стоят и ловят ветерок.
Мужчин не мало и не много,
и каждый смотрит зорко, строго,
как будто он и царь, и бог.*

*Кавказ к тому располагает,
Кавказ быть богом помогает,
а если молод, то орлом,
и как бы ни был грязен бизнес,
кавказский дух, хозяин жизни,
приносит праздник в каждый дом.*

*На всех углах и перекрестках,
и петербургских, и московских,
на площадях, вблизи киосков,
на остановках, в магазинах,
где мы толчемся, рты разинув,
стоят невидимые горы,
текут невидимые реки,
и прячут тайные просторы
незримые библиотеки...*

*О да, невидимые горы
стоят и ждут красавиц русских,
а мы не поднимаем взоры,
а мы не покидаем норы,*

*благоразумные моллюски,
мы не желаем перегрузки
и запираем свой мирок.
А щедрый босс, крутой игрок,
Кавказ влечет московских женщин,
он грозным мужеством увенчан,
он господин, он не застенчив,
неотвратим Кавказ, как рок.
Смотри, смотри – вон, у вершины,
покинув мощные машины,
стоят кавказские мужчины,
стоят и ловят ветерок.*

ПУЗЫРЬАДА

по эскизу **Виталия Морозова**
музыка **Максима Леви**

С Виталиком Морозовым мы познакомились, когда ему было двенадцать. Стройный, бледный, очень подвижный и странный мальчик со многими дарованиями. Какое-то время я был для него врачом и другом. Много вместе играли, дурачились, импровизировали, сочиняли...

Набросок стишка про Большого Пузатого Пузыря Виталик мне подарил вместе с еще несколькими — там у него была и колбаса, которая бежит, выпучив глаза, и столовый майонез, который на дерево залез, и многие другие общие наши знакомцы, вытворявшие неподобающие чудеса. Пузырь же, как ему и полагается...

Сейчас узнаете, что с ним случилось. Виталиков сюжет я развил, дополнил и обрастил некоторыми подробностями, а Максим омузыкалил. Получился еще один хит, равно забойный для детей и для взрослых.

**Большой Пузырь Пузатый,
в который раз женатый,
со всех сторон женатый,
собрался на войну.**

**Он взял с собой лопату,
еще одну лопату,
еще одну лопату,
а также кочергу
и новую жену.**

Жены хором:

**и даже не одну!
и даже не одну!**

**Надел ремень на ухо,
очки на оба брюха,
почти на оба брюха,
и крепко завязал,
и сам себе сказал:**

**– Пузырь! Не падай духом!
Лопатой бей по мухам,
лопатой бей по мухам,
и кочергой – по мухам,
туды их растуды!**

**Ведь ты Пузырь спортивный,
и даже не противный,
ей-богу, без балды!...
Тсс!.. Мне нельзя смеяться! –
успел он догадаться,
и в рот набрал воды.**

Жены хором:
**у-р-р-ло-навр-р-р-ралл-ур-р-р-рды!
у-р-р-ло-навр-р-р-ралл-ур-р-р-рды!**

**В таком активном виде
он в зеркале увидел,
он в зеркале увидел
себя...
вот это зря,
вот это было зря!..**

*(дикий хохот, завершаемый
оглушительным хлопком)*

**Вы догадались, дети,
что нет теперь на свете
Большого Пузыря.
От Пузыря, ребята,
осталась лишь лопата,
еще одна лопата,
еще одна лопата,
а также кочерга
и новая жена.**

Жены хором:
**и даже не одна!
и даже не одна!**

**Ну, а еще, ребята,
от braveго солдата,
Большого Пузыря,
остались Пузырята –
пятьсот четыре брата,
и все как поросята
кричат «хрю-хрю! – хря-хря!»**

**Поэтому, ребята,
вообще-то говоря,
Большой Пузырь Пузатый
На свете жил не зря.**

Жены и пузырьята хором:
Не зря! Не зря! Не зря!

МОНСТР

мужчина перед зеркалом
музыка Владимира Леви
в обработке Максима Леви

Еще одна сугубо мужчинская песня. Перед моим выступлением в одном московском вузе приятель предупредил, что какой-то шутник присылает всем выступающим одну и ту же записку: «Не вы ли автор рок-песни «Сжимая в руке волосатой топор»?» Выступающий не подозревает, что такой песни не существует...

Что же, подумал я, а почему бы и нет? Только волосатой получилась не рука, а...

**СЖИМАЯ В РУКЕ ВОЛОСАТЫЙ ТОПОР
ИДУ САМ С СОБОЙ Я НА ВСТРЕЧУ
МУЖСКОЙ СОСТОИТСЯ У НАС РАЗГОВОР
ДАВНО ОН ПО ПЛАНУ НАМЕЧЕН**

давно он по плану намечен

**КАМНЕЙ НАКИДАЮ КОСТЕЙ НАРУБЛЮ
СДЕРУ ПРЕДПОСЛЕДНЮЮ КОЖУ
Я С ДЕТСТВА СЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ НЕ ТЕРПЛЮ
СВОЮ ПОЛОСАТУЮ РОЖУ**

свою полосатую рожу

**ИЗМУЧЕНО ТЕЛО РАЗБИТА ДУША
СУДЬБА КАК ИГРУШКА СЛОМАЛАСЬ
НО Я НЕ СПАГЕТТИ НО Я НЕ ЛАПША
И КАШИ ВО МНЕ НЕ ОСТАЛОСЬ**

и каши во мне не осталось

**КАК ЗАГНУТЫЙ ГВОЗДЬ САМ В СЕБЕ Я СИЖУ
СВОИХ Я СТРАДАНИЙ ПРИЧИНА
НО ЧАС МОЙ НАСТАЛ Я СЕБЕ ДОКАЖУ
ЧТО Я НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА**

что я настоящий мужчина

СЖИМАЯ В РУКЕ ПОЛОСАТЫЙ ТОПОР..

НЕОБЯЗА гимн обезьян

Как-то летом, когда Максиму было одиннадцать, и мы вместе жили в писательском доме творчества «Малеевка» под Москвой, зарядил многодневный дождь, и обоим было делать практически нечего, кроме как садиться за стол и писать. Один из нас, правду сказать, за этим туда и приехал; но ему катастрофически не писалось; а вот другой...

Другой взял ручку, бумагу и ничтоже сумняшеся недели за две накатал роман «Приключения обезьян». Роман — громко, конечно, сказано, но для одиннадцатилетнего автора это было произведение довольно масштабное. На мотивы его другой из нас нарисовал серию комиксов, а позднее написал обезьяний гимн. Основопологающая идея романа и гимна — что обезьяна не обязана, ничего не обязана — возымела горячий отклик и деятельное понимание у широкой многовозрастной аудитории.

Музыку к обезьяньему гимну написал уже не одиннадцатилетний, а восемнадцатилетний один из нас.

*Эй, мохнатые гориллы!
Эй, лихие шимпанзе!
Развлекайтесь что есть силы
и катайтесь на козе!
Исполнять чево приказано,
обезьяна не обязана,
так ли, эдак, то ли, се —
не обязана, и все!
Эй, вперед, орангутанги!
По утрам мы грабим банки,
днем жуем, а по ночам
шастаем к зубным врачам.
Понимать, за что наказана,
обезьяна не обязана,
так ли, эдак, то ли, се, —
не обязана, и все!
Эй, мартышки и макаки!
Затевай почаще драки!*

**Дурачье разинет рты:
будет думать – ай да ты!
Разбирать чево кем сказано,
обезьяна не обязана,
так ли, эдак, то ли, се –
не обязана, и все!**

**Павиан сегодня пьян,
это, братцы, не изьян.
Без изьяна, без изьяна
вовсе ты не обезьяна.**

**Развивать зачаток разума
обезьяна не обязана,
так ли, эдак, то ли, се –
не обязана, и все!**

**Эй, почтеннейшие предки,
полезайте-ка на ветки,
и ко всем чертям пошел
кто от нас произошел!**

**Понимать чево с чем связано,
обезьяна не обязана,
так ли, эдак, то ли, се –
не обязана, и все!**

Необяза, гимн обезьян слова Владимира Леви, музыка Максима Леви

БОДРО, ВЕСЕЛО (♩=120)

Эй, нах-на-ты-е го-ри-а-лы! 5+ C F7 G7 G7 C Эй, нах-на-ты-е го-ри-а-лы! 5+ C F7 G7 G7 C

раз-ва-ка-и-те-ся что-есть си-лы, H7 И ка-тай-те-ся на ко-зо! 5+ C Am6 E E7 E7

ис-под-нять же, что при-ка-за-но, E7 о-бе-зя-на не о-бе-зя-на! A H7

ТАК АИ, Э- ТАК, ТО АИ, СЕ, H7 не о-бе-зя-на, и все! 1. 2. H7 F7 G7 A A7 5+ 5+ 5+

БЫСТРО, СВЕТИВО (♩=150)

Эй, нах-на-ты-е на-ка-ки! 5+ D G7 A7 A7 D Э-та-вай по-ча-ще на-ка-ки! 5+ D G7 A7 A7 D

ду-ра-ко-е ра-зи-но-е ты, H7 о-бе-ся-на-и да ты! F# C F# F#5+ F#

раз-ва-ка-и-те-ся, что кем ска-за-но, H7 о-бе-ся-на не о-бе-ся-на! F# H7

ТАК АИ, Э- ТАК, ТО АИ, СЕ, H7 не о-бе-ся-на, и все! 5+ H7 G7

МЕДЛЕННО, С БЛЮЗОВОЙ РАСКАЧКОЙ (♩=60)*

па-ви-ан C F7 G7 G7 C Э-та-вай не из-яи 5+ C F7 G7 G7

без из-я-на, без из-я-на E10- H7 о-бе-ся-на не о-бе-ся-на! E7 H7

ЧУТЬ ЖИВЕЕ (♩=75)

от ми-н-ты же, где на-на-за-но, E7 о-бе-ся-на не о-бе-ся-на! 5+ A D7 A A6

ТАК АИ, Э- ТАК, ТО АИ, СЕ, 13+ H7 не о-бе-ся-на, и все! F7 G7

СТРАШНЫЙ СУД

Эту песенку я уже не однажды публиковал внутри разных своих книг, и всякий раз, как казалось мне, она была по-новому уместной. От повторения, говорят, истина не тускнеет, а песня — когда как...

Припев (сперва пиано):

*А! О! Уй! Эх! Ух! Бр-р! Блин! –
и прочие междометия
в произвольном порядке*

*Живут на свете люди
как все и не как все.
Один с мечтой о чуде,
другой о колбасе.
Один любитель пива,
другой любитель книг,
а третий смотрит криво,
как будто жить отвык.*

Припев (крещендо)

*О, сколько самых разных
сошлось в моей судьбе
красивых, безобразных,
святых и так себе.
И у меня в квартире
живет больной и врач,
живут в войне и мире
и жертва, и палач...*

Припев (форте)

*Судить нас скоро будет
Единственный Судья.
Он каждого разбудит
и скажет: вот и Я! –
Вставай, любитель пива!
Вставай, любитель книг!..
А ну, к ответу – живо!
Господь – не оптовик!*

Бесконечный припев

СКВОЗНЯЧОК

слова Максима и Владимира Леви

музыка Максима Леви

В 2001 году художница Надя Белякова, иллюстратор первых моих книг «Искусство быть Другим» и «Нестандартный ребенок», затеяла делать мультфильм по собственной сказке. К делу подключился Макс — стал сочинять музыку. И вот этот уже совсем не крошка сын пришел к отцу с нотами (музыку уже написал) и даже заготовкой текста. Первую строку придумала сама автор сказки, а вот дальше надо было работать...

В общем, усадил сын отца на кухне и не выпускал, пока песня не сделалась быть. Исполнила партию Сквознячка мама композитора, Алла Чудина, проявив один из многих своих талантов — подражать детскому голосу...

По сюжету сказки маленький Сквознячок дружит с библиотекарем и помогает ему ремонтировать старые книги, а на книги охотятся злобные крысы, о которых еще скажем. Еще есть в сказке глупый Правитель, который запретил дуть ветрам в своем городе... В общем, что пересказывать? Шедевра анимации мы как-то общими усилиями не создали, а песенка осталась с нами — наверное, потому, что мы сами ценим свежий воздух в доме, в голове и в душе, вот и любим эти всяческие сквознячки, и даже роман мой похоже называется...

*Я Сквознячок, я даже не сквозняк,
я пустячок, я даже не пустяк.
А кто боится простудиться,
и на меня ворчит и злится,
скорей бежит
все дырки затыкать, —
не может никуда меня прогнать!*

*Я поиграю с вами в прятки,
пощекочу я вас за пятки,
я так люблю
В гостях бывать
и в уши задувать!
И песни рас-пе-вать!*

Я Сквознячок, я даже не сквозняк,
 Я пустячок, я даже не пустяк.
 Я книги старые листаю,
 о дальних странах я мечтаю,
 потом лечу,
 смеюсь и хохочу,
 со всеми я шучу, как захочу!
 Могу мозги продуть я быстро
 и генералам и министрам,
 и кой-кому
 намять бока!..
 Пока-пока-пока!..

Это первый набросок музыки Макса к «Сквознячку». А слова я писал, следуя музыке — кажется, в первый и пока единственный раз в жизни.

ГРАФОМАРШ

Эта бодрая песенка-сатиреска (и по словам, и по музыке), сочиненная в 1983 году, помогла мне отчасти отреагировать одну из «тем жизни». Я ведь с графо-манами долгие годы работаю профессионально — как литконсультант (в журнале «Семья и школа», еще в студенчестве), как психиатр и психолог, как коллега по Союзу писателей...

**Вперед, писаки, смело в бой!
Не страшен нам редактор,
Швырнем его вниз головой
Мы в ядерный реактор.**

Припев:

**Мы пишем, пишем, пишем,
Мы перьями колышем,
Бумажный ком становится горой.
На качество не ставим,
Количеством задавим,
(хор) задавим, задавим!**

(Вариант:

**Где не пробьем напором,
Свое возьмем измором,
(хор) измором, измором!**

Еще вариант:

**Готовы мы сражаться,
Плодиться, размножаться...)
Нам не страшны ни грыжа,
ни геморрой.**

(Цензурные варианты вместо геморроя: ни главмосстрой, ни хлеб с икрой и т.д.)

**Буу-гем мы здорово жить,
здорово жить,
здорово жить!
Буу-гем народу служить,
ну а народ, трам-тарарам, воз-даст!
Буу-гем мы звезды тушить,
блям-бам, с начальством дружить,
блям-бабабам, костюмчики шить.**

**Буу-дем мы водку глушить,
пить графоман, блям, горазд!**

**Строчи, братва, назло врагам!
Терпеть позор довольно!
Бей рецензентов по мозгам
Настойчиво и больно!**

Припев:

**В гробу дубовом, классик, спи,
(хор) спи, спи,
Скрестив на брюхе лапки.
А ты, чувак, пером скрипи,
(хор) скрипи, скрипи,
Греби лопатой бабки.**

Припев:

**Дай децибелов, музыкант,
Пускай земля трясется!
Кто гений, блям, а кто талант,
Начальство разберется.**

Припев:

**Несметной серою волной
Накроем мы культуру.
Все наши книжки до одной
Сдадут в макулатуру...**

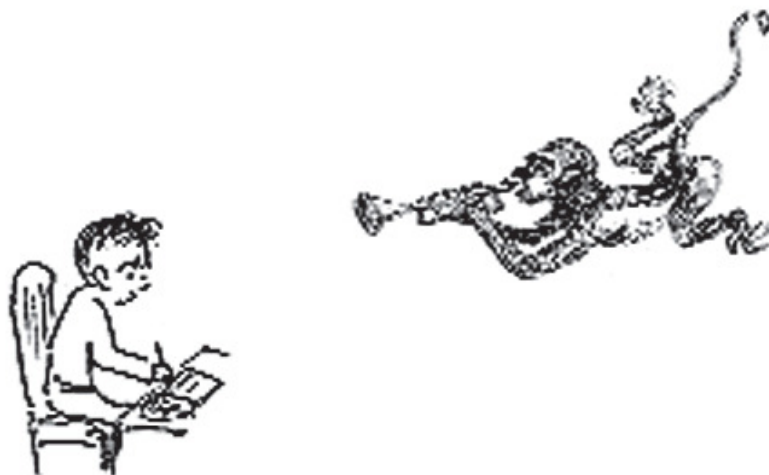
Было еще много вариантов текста и дополнительных куплетов. За вычетом кое-каких совкизмов слова и сейчас годятся, а некоторые оказались пророческими...

Сценическая премьера этой юморески принесла мне и радость, и некоторые неприятности. В «Малеевке», на детском каникулярном капустнике, где присутствовали и взрослые дяденьки-писатели, и их жены, жописы, как их сокращенно именовали, «Графомарш» театрально исполнил вокально-инструментальный ансамбль, состоявший из разновозрастных писательских деток. Постановочной частью руководила юная Настя Гачева, дочь великого писателя-философа Георгия Гачева. Запевалой работал мой Макс. Ребятишки, изображавшие армию графоманов, выходили на сцену с огромными пиками,

сделанными из тростника (Макс его наломал в окрестной лощине). «Редактора», в исполнении Насти, нещадно лупили по голове сиденьем от стула, сбрасывали со сцены «в ядерный реактор», а под конец в ритме буги-вуги устроили импровизированную вакханалию:

*Эй! Собирайтесь, графоманы,
Будем мы писать романы,
И романы, и стихи.
Много разной чепухи!
Эй! Налетайте, графоманы,
Не забудьте про карманы,
Ни к чему нам Божий дар,
Если платят гонорар...*

Одна часть дяденек-писателей и жописов весело смеялась и аплодировала. Другая, примерно равная по количеству, сидела с каменными физиономиями: возмутиться изволила, всерьез приняв прозвучавшее на свой счет. И без промедления накатала на нас с Максом (он был еще подростком) телегу в руководящий орган Союза писателей. Вменили нам дискредитацию труда советских писателей. Вот уж воистину на воре шапка горит...

КРЫСАНАТЯ
(блюз крысиный)
музыка Максима Леви

«Крысиные» стихи были сперва частью моего многоперсонажного зоопоэтического исследования, с большим количеством рисованных иллюстраций. В виде вокальной мистерии для солистов и хора с визгом, писком и пантомимой впервые исполнены были на том же детском концерте в Малеевке, что и «Графомарш», на мотив «Шел медведь к себе домой в теплой шубе меховой...» Пел и визжал детский хор в масках, под управлением Насти Гачевой и Феди Урнова, в джазовой обработке Коли Солоновича, ныне известного виолончелиста из ансамбля Башмета.

Нашлись и тут радетели, что возмущались: «Разве можно детям произносить слова про заразу и чуму?!»... А спустя лет шестнадцать, как уже известно читателю, Наде Беляковой понадобились песенки для мультфильма, тут Макс и вспомнил, что есть у папы такое в заглавнике, и сочинил, да и спел за всех членов крысо-семейства. Теперь мечтает снова спеть с детским хором...

*Эй, коты, собаки, лисы!
Эй, презренный человек!
Всех сильнее в мире – крысы!
Всех быстрее – крысиный бег!*

*Мы зараза, мы чума-а-а!
Кого хошь сведем с ума-а-а!
Кто не уважает крыс,
будет гол! – и бос! – и лыс!*

*Мы скрывались, мы сидели!
В каждой дырке! В каждой щели!
Без огня! И без воды!
Рыли! Тайные! Ходы!*

*Эй, запасы запасайте!
Неудачников кусайте!*

**За хвосты! И за усы!
Отгрызайте, отгрызайте,
отгрызайте им носы!**

**Шуры муры! Шу-шу-шу!
Придушу! И укушу!
Всех умнее в мире – крысы!
Мы рисуем биссектрисы!
Ха-ха-ха!
Хи-хи! Хи-хи! Обожрались! Требухи!
Всех красивей в мире – крысы!
Мы актеры! Мы актрисы!
Если в доме темнота –
все прекрасно! Крыблблсота!**

**В этом глупом грязном мире
мы как в собственной квартире
всюду лазим! Все едим!
Всех на свете победим!
В каждой щели мы сидим,
и внимательно следим.
С потрохами!
С потрохами!
С потрохами всех съедим!**

ПЕСЕНКА О СЕБЕ БУМАЖНОМ

музыка Максима Леви

А этот мой автошарж вдохновил пятнадцатилетнего Макса на первую в нашей жизни сотворческую песенную работу. Максим, правда, сейчас морщится от своей тогдашней музыки, а мне она по-прежнему нравится.

*Я изучил за много лет:
каков вопрос, таков ответ.
Клянусь бутылкой самой крепкой влаги,
я раскрываю свой секрет:
таких, как я, на свете нет,
а только, только, только – на бумаге.*

Припев:

*Я мудр как вавилонский маг,
среди бумаг, среди бумаг
себе я знаю истинную цену,
а будь не так, а будь не так,
тогда бы мог любой чудак
составить мне достойную замену.*

*Друзья, ей-богу, не шучу,
предупредить я вас хочу,
чтоб не было какой-нибудь бодяги:
я чай в ладонях вскипячу,
болезнь любую излечу,
но только, только, только – на бумаге.*

Припев:

(первые 5 строк повторяются)

*как каратист,
пробить любую стену:*

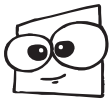
*й я а а а! –
добрый, я прекрасно сплю,
грова ботинками колю,
по праздникам развешиваю флаги,
я полпланеты заселяю,
я чемпион, я вас люблю
с необычайной силой на бумаге.*

Припев:

(первые 3 строки повторяются)

**а если б в жизни было так,
тогда бы мог любой чувак
в моих подтяжках выходить на сцену.**

**Когда-нибудь, на склоне лет,
я нарисую свой портрет
и за бутылкой самой крепкой влаги
раскрою маленький секрет:
меня в действительности нет,
я существую только на бумаге.**

**Таков бессмертных всех удел:
быть на виду, но не у дел,
но вы, друзья, об этом не грустите:
когда влезал на пьедестал,
я своих книжек не листал,
я их писал, но не читал, друзья, простите!**

Припев:

**На книжной полке я стою,
бумажный голос подаю,
бумажную мусолю сигарету...
Среди бумаг, среди бумаг
кум королю любой чумак,
но я переписался на дискету!**

Теперь уже на CD и флэшки, а сигарет никаких давно не мусолю.

Кстати о CD. Почти все песни, которые вы читаете в этой книге глазами, можно услышать ушами. Записаны они на диске, который... Который либо приложен к вашему экземпляру книги, либо нет — в зависимости от того, какой вы купили. Развилка тут вот такая: часть тиража выпущена с приложенным диском, а часть — без одного. Почему?.. Потому что экземпляры с диском дороже и не для всех предпочтительнее.

Если у вас оказался бездисковый экземпляр, а вы захотите приобрести и наш диск, то можно его купить и отдельно от книги, он продается обычным порядком.

ПЕСЕНКА ПУДЕЛЯ

Тоже одна из первых песенок Макса на мои слова. Приписана эта песенка некоему пуделю — и правда, пока я ее писал, мне казалось, что это озаренная собачья душа поет и вещает через меня — но ее мог бы спеть и какой-нибудь человек с легким нравом...

*Ах, если бы, если бы, если бы
на гору вы залезли бы,
звезды запели песни бы,
и заплясал народ.*

*Ах, если бы, если бы, если бы
не были вы завистливы,
вы бы читали мысли бы
и даже наоборот.*

*Ах, если бы, если бы, если бы
вы не сидели в кресле бы,
ваши мечты воскресли бы,
был бы вам Бог судья.*

*Ах, если бы, если бы, если бы
ваши глаза не гасли бы,
так бы вы были счастливы,
так влюблены – как я!*

ПЕСЕНКА ПУДЕЛЯ

слова Владимира Леви, музыка Максима Леви

Умеренно (d. = 60)

(Прогрессия) A E7 Am Ax,

Am Do

ЕС-ЛИ БЫ, ЕС-ЛИ БЫ, ЕС-ЛИ БЫ НА ГО-РУ ЗЫ ЗА-АРЗ-ЛИ БЫ,

Am E7 Am E7 Am

ЗВЁЗ-ДЫ ЗА-РЕ-ЛИ ПЕС-НИ БЫ, ЗВЁЗ-ДЫ ЗА-РЕ-ЛИ ПЕС-НИ БЫ,

Dm Dm6 A E7 H7

ЗВЁЗ-ДЫ ЗА-РЕ-ЛИ ПЕС-НИ БЫ, И ЗА-ПАС-СА НА-РОД АХ,

Dm Dm6 Am E7 A E7

ЕС-ЛИ БЫ, ЕС-ЛИ БЫ, ЕС-ЛИ БЫ НЕ БЫ-ЛИ ЗЫ ЗА-ВСТ-ЛИ БЫ,

A E7 A E7 A E7

БЫ БЫ ЧИ-ТА-ЛИ МОИ-САМ БЫ, БЫ БЫ ЧИ-ТА-ЛИ МОИ-САМ БЫ,

D D6 A H7 E7

БЫ БЫ ЧИ-ТА-ЛИ МОИ-САМ БЫ, И ДА-ЖЕ НА-О-СО-РОТ. АХ,

Dm Dm6 A E7 A Am

Я! (Прогр.) A Dm Do A E7 A

12.

ЭХ, ЕСЛИ БЫ...

**алаверды на песенку Пуделя
слова Ивана Халявина, музыка та же,
превращенная из вальсочка в типа гоп-цаца**

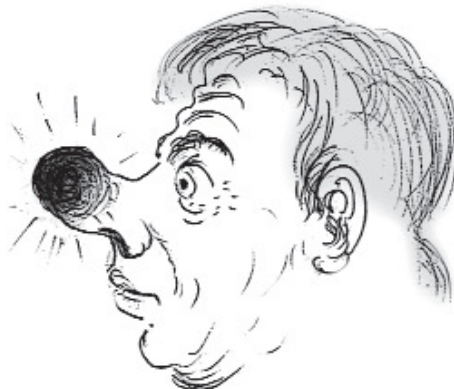
Напомню на всякий случай, что стихиастр земли русской Иван Халявин — один из самых трудных моих пациентов. Данное произведение создано им в состоянии острого политического возбуждения.

*Эх, если бы, если бы, если бы
выпить бы граммов двести бы,
я бы с народом вместе бы (3 раза)
начал искать закус.*

*Эх, если бы, если бы, если бы
было бы что поесть бы-бы,
я бы сидел на месте бы (3 раза),
я бы не дул бы в ус.*

*Эх, если бы, если бы, если бы
мне президента в тести бы,
было бы много чести бы (3 раза),
только не мне, а ему.*

*Эх если бы, если бы, если бы
я заседал на съезде бы
(любой нынешней думской партии),
я бы по морде съездил бы
(трижды бы)
я бы нашел – кому!*

АУ-ПЕСЕНКА

музыка Максима Леви

Из довольно недавних. Впрочем, какая разница?..
И стихи, и музыка, и соединение того и другого —
песня — тем только и заняты, что переплывтием через
океаны времен, перелетами через пустыни бездушия...

*Перемолвимся словечком, мой друг,
перестукнемся сердечком, мой друг,
перекликнемся в пустынной толпе,
ты мне голос подашь, я тебе:*

Припев:

*Ау — ау, зову тебя, зову,
подержись, мой друг, на плаву...
ау — ау, плыву к тебе, плыву
и во сне, мой друг, и наяву...*

*Мы глупы и одиноки, мой друг,
мы друг к другу так жестоки,
мой друг,
исподлобья смотрим, хмуро сопя,
потому что мы боимся себя.*

Припев

*Нам глаза забила копоть, мой друг,
мы весь мир готовы слопать,
мой друг,
а не надо ведь совсем ничего,
кроме взгляда твоего,
кроме взгляда моего,
моего и твоего, милый друг...*

Припев

ВЕСЫ НЕБЕСНЫЕ

из цикла «Астрологемы»

Эту песенку, как и предыдущую, я не назвал бы особо веселой, но она и не грустная, и не устрашающая — она приглашающая... Посвятил я ее своему старшему сыну Льву, рожденному под знаком Весов.

**Давай с тобой подружился
и по уставу псов
покрутимся,
покружимся
вокруг своих носов.**

Припев:

**Дороги разлучаются
и тикают часы.
Качаются, качаются
небесные Весы...**

**Давай с тобой помиримся
без ссоры,
просто так,
давай умами скинемся
хотя бы на пятак.**

Припев

**Давай с тобою встретимся
на небе где-нибудь,
примеримся,
приметимся
и в путь — и в путь — и в путь...**

Припев

**Случается, случается:
и наяву и в снах
душа моя качается
как гирька на весах.
Свидания кончаются
прощаньем, как всегда,
и тени возвращаются
в ночные города...**

Припев

ВЕСЫ НЕБЕСНЫЕ

слова Владимира Леви, музыка Максима Леви

НЕТРОПАННО (♩=90)

(вступл.) A F7 Hm7 E7 A6 AA-

ВАЙ С ТО-БОЯ ПО-ВРУ-ЖИМ-СЯ, И ПО У-СТА-ВУ ПЕОВ ПО-

A F#7 Hm7 E7

КРУ-ТЯМ-СЯ, ПО-КРУ-ЖИМ-СЯ ВО-КРУГ СЫ-ЦХ НО-СОВ, ВА-

A F#m6 Em7 Em6 F7 F#7

ВАЙ С ТО-БОЯ ПО-МИ-РИМ-СЯ БЕЗ СОВ-РЫ, ПОД-СТО-ТАК, ВА-

B Gm6 A7 Dm Fm G7

ВАЙ У-МА МИ СКИ-НЕМ-СЯ ХО-ТЯ БЫ НА ПЯ-ТАК, ДО-

C A Dm7 G7 C# E#7

РО-ГИ РАЗ-ЛУ-ЧА-ЮТ-СЯ, И ТИ-КА-ЮТ ЧА-СЫ, КА-13

A Hm7 E7 A A/F# F#7 E7

1. ЧА-ЮТ-СЯ, КА-ЧА-ЮТ-СЯ НЕ-БЕС-НЫ-Е БЕ-СЫ, А A/F# F#7 E7

2. После 1го куплета 2. После 2го куплета

1. -СЫ. А6 СЛУ-СЫ A F#7 АА- В ВАЙ С ТО-БОЯ МИ ВСТРЕ-ТИМ-СЯ НА

Где-ни-будь, ПРИ-МЕ-РИМ-СЯ, ПРИ-МЕ-ТИМ-СЯ, И В

A7 Dm Fm G7 C A6

2. ПУТЬ, И В ПУТЬ, И В ПУТЬ... АА-СЫ... НЕ-БЕС-НЫ-Е БЕ-

Dm7 G7 C6 E7 A F7 Hm7 E7

СЫ A F#7 НЕ-БЕС-НЫ-Е БЕ-СЫ, А6 A6

А ВДРУГ ПОЛУЧИТСЯ...

слова и музыка Владимира Леви,
обработка Максима Леви

Ну и вот она, просто песня. Для двоих. Ее и исполняют обычно вдвоем Максим и его мама Алла Чудина.

Хорошо помню момент, когда к стихам этой песни пришла музыка. В метро это было, под оглушительный рев движущегося поезда, гомон пассажиров... Чтобы записать мелодию, не нашлось ничего в кармане, кроме измятого клочка бумаги, на коем и накарябал ноты. Максим потом их дообработал.

*А вдруг получится прозреть
лишь для того, чтобы увидаться,
в глаза друг другу посмотреть
и помолчать, и не насытиться...
А не получится – пойдём
в далекое темно
и постучимся в тихий дом,
где светится окно.*

*И дверь откроется, и нас
хозяин встретит так обыденно,
что самый умудренный глаз
не разглядит, что он невидимый.
И мы сгустимся у огня,
и сбудется, точь-в-точь:
ты путешествуешь в меня,
я в тебя и в ночь*

Музыкальные левитаминьы

Небольшое пояснение по песням — о соотношении текста книжного и звучащего на аудиодиске «Комическая атака», который либо уже есть у вас вместе с одноименной книгой, либо при желании может быть приобретен.

Совпадение, как вы поняли, не полное: некоторые из книжных песен в диск не вошли. Зато на диске есть кое-что, чего в этой книге нет.

А именно —

— мое авторское чтение четырех моих стихотворений;

— детская песенка «Приходи, снежок» — музыка Максима Леви на мои слова;

— две инструментальные юморески Максима;

— мой детский вальс в обработке Максима.

Ну вот, вы в основном уже знаете все содержание аудиодиска «Комическая атака», и остается его только...

Все прочие подробности — о содержании, исполнителях и звукорежиссуре — на диске.

